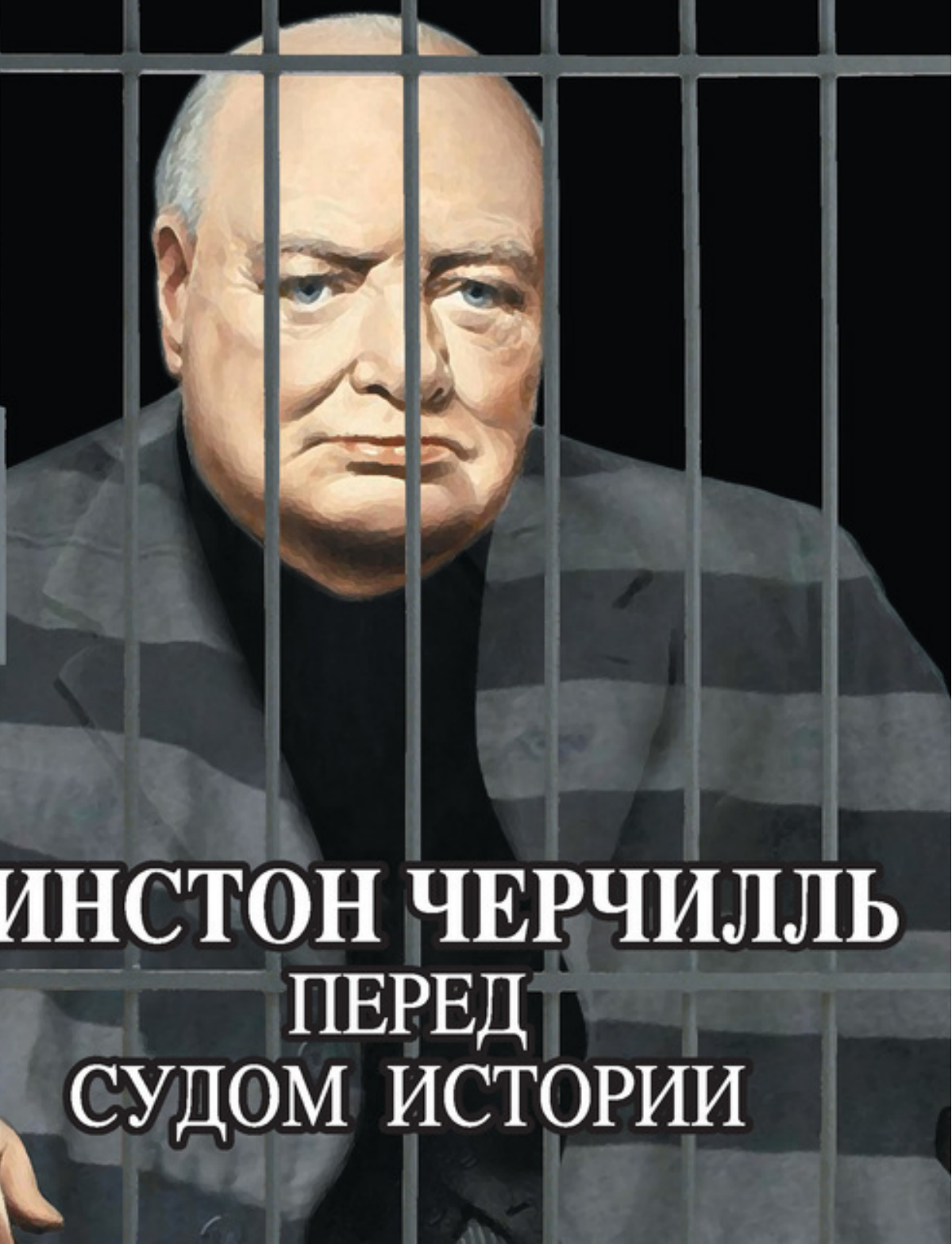

АЛЕКСАНДР
СЕВАСТЬЯНОВ

ПРЕСТУПНИК НОМЕР ОДИН

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ
ПЕРЕД
СУДОМ ИСТОРИИ

Главные исторические сенсации

Александр Севастьянов

**Преступник номер один.
Уинстон Черчилль
перед судом Истории**

«Яуза»

2017

УДК 929 Черчилль У.
ББК 63.3(4Вел)-8 Черчилль У.

Севастьянов А. Н.

Преступник номер один. Уинстон Черчилль перед судом
Истории / А. Н. Севастьянов — «Яуза», 2017 — (Главные
исторические сенсации)

ISBN 978-5-9955-0914-1

XX век вошел во всемирную историю как одно из наиболее трагических столетий. С конца 1940-х годов и до наших дней главными претендентами на роль «черных магов», преступников века, вызвавших самые страшные катаклизмы, обычно назначаются одни и те же лица: Вильгельм Второй, Ленин, Троцкий, Гитлер, Сталин, Мао Цзэдун, Пол Пот. При этом из внимания выпадает сэр Уинстон Черчилль, несменяемая звезда британской, да и мировой политики. Именно Черчилль был активным действующим лицом и влиятельной силой в роковой Гражданской войне в России. В 1939 году он спровоцировал Вторую мировую войну, дорого вставшую России, и, наконец, именно Черчилль в своей Фултонской речи 5 марта 1946 года провозгласил холодную войну всего Запада против России, стал ее идейным мотором. Эта сенсационная книга опрокидывает привычный взгляд не только на личность Уинстона Черчилля, но и на историю XX века в целом. Развенчивая самые популярные мифы и легенды, автор утверждает, что суд над преступлениями века срока давности не имеет.

УДК 929 Черчилль У.
ББК 63.3(4Вел)-8 Черчилль У.

ISBN 978-5-9955-0914-1

© Севастьянов А. Н., 2017

© Яуза, 2017

Содержание

Вступление	7
Пролог: Черчилль и евреи	11
Миф Черчилля о евреях	13
Семейная традиция – чисто английский фетиш	17
Очерк английского еврейства	21
Сила сильных мира сего	24
Кошелек и жизнь	27
В Вестминстер через Манчестер	34
«Тигры сионизма», Черчилль и еврейское лобби	37
До самой смерти	41
Глава I. Палестина, Израиль, евреи, арабы	45
Документ, ставший из личного эпохальным	48
Кому и зачем был нужен еврейский анклав в Палестине	52
Как Черчилль начал строить Израиль	54
Боец за дело сионизма	59
Как Черчилль вооружил евреев на вечный бой	63
У порога нового еврейского государства	68
Последнее усилие	70
Глава II. Поджигатель войны	73
Чего хотел Адольф Гитлер	74
Гитлер хотел дружить, а не воевать с Англией	77
Нелепость Польши как предлога для войны	80
Как Черчилль встал на тропу своей войны	83
Чего хотел Хаим Вейцман	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Александр Севастьянов

Преступник номер один. Уинстон Черчилль перед судом Истории

*Посвящается моей бабушке Таисии Дмитриевне Севастьяновой,
гвардии капитану медицинской службы, погибшей от немецкой бомбы
в январе 1943 года под Осташковом*

© Севастьянов А. Н., 2017

© ООО «Яуза-пресс», 2017

Вступление

Предлагаемая читателю книга претендует на сенсационность, поскольку опрокидывает привычный взгляд не только на личность Уинстона Черчилля, но и на историю XX века в целом. «Преступный герой преступного столетия» – так можно было бы назвать ее, будь моя предполагаемая аудитория попроще.

Вряд ли приходится сомневаться в том, что XX век войдет во всемирную историю как одно из наиболее трагических и даже ужасных столетий, когда-либо отмечавшихся в этой истории. И задача историков – не только честно и всесторонне рассказать о трагедиях века, но и указать на те личности, которые несут за них основную ответственность.

Надо заметить, что подобные попытки не прекращаются уже более полувека и с течением лет наверняка будут лишь возрастать числом. И вряд ли я ошибусь, если скажу, что начиная с конца 1940-х годов и вплоть до наших дней среди главных претендентов на роль «черных магов», своей волей или своими ошибками вызвавших самые страшные катаклизмы, обернувшиеся страданиями и гибелью многих миллионов антропоидов, обычно называются одни и те же лица: Вильгельм Второй, Ленин, Троцкий, Гитлер, Сталин, Мао Цзэдун, Пол Пот. Плюс еще несколько экзотических персонажей, чьи злодеяния, может быть, даже более выразительны, но менее масштабны. То одного, то другого из названных разные исследователи и СМИ подчас именуют преступником века, злодеем номер один, применяя те или иные критерии.

При этом самым поразительным образом из поля внимания выпадает весьма заметный исторический персонаж, которого по какому-то загадочному недоразумению скорее числят в героях, нежели в антигероях минувшего столетия. Это сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль, герцог Мальборо, несменяемая звезда британской, да и мировой медиасферы. Которого я считаю ответственным за две самые страшные катастрофы XX века: Вторую мировую и Холодную (она же Третья мировая) войны. Но обычные люди обычно слепы и не видят очевидного, а тем более не умеют понимать что-либо скрытое, занавешенное пеленой, сотканной из лжи. Чтобы сорвать эту пелену, нужно вооружиться этнополитическим подходом, предполагающим, что истинными субъектами и творцами истории являются различные этносы, одни в большей, другие в меньшей степени – в зависимости от фазы своего развития¹. Только глядя через призму истории отдельных народов, постигаешь скрытый смысл событий даже самого великого, глобального масштаба.

Изучение фактов дает основание утверждать, что пять, как минимум, не последних в мире народов должны бы возненавидеть даже самое имя Черчилля и предать его публичному проклятию: русские, немцы, арабы, индийцы и... англичане. И проклинать его каждый день, как на молитве. Правда, для этого нужно, чтобы мир прозрел, открыл глаза и увидел нашего героя в истинном свете. Надежды на это мало, но я, во имя правды и совести, постараюсь посодействовать этому с помощью настоящей книги.

И только один народ в мире имеет основания благословлять имя Черчилля: это евреи, которым в XX веке довелось выиграть четыре этнических войны: русско-еврейскую, немецко-еврейскую, арабо-еврейскую и, как ни странно покажется для читателя, англо-еврейскую. Во всех этих победах Черчилль сыграл ключевую роль. В жертву победителям он принес даже свою страну и свой народ, не говоря о прочих. Что в итоге перетянет: их благословение или наши проклятия? Время покажет.

¹ Этнополитика – новая для нашей страны научная дисциплина, азы которой можно найти в кн.: Александр Севастьянов. Основы этнополитики. – М., Перо, 2014.

Почему я решил обратиться к феноменальной личности Черчилля? Какое отношение имеет он к русской национальной проблематике, которой посвящена моя жизнь?

В первую очередь то, что Черчилль был активным действующим лицом и сильно влиял на ход событий в роковую Гражданскую войну в России; в 1939 году он вызвал Вторую мировую войну, дорого вставшую России (лично у меня погибла бабка на фронте и отец воевал четыре года, был ранен, контужен, обморожен), и, наконец, именно Черчилль в своей Фултонской речи 5 марта 1946 года провозгласил Холодную войну всего Запада против России, стал ее идейным мотором. Достаточные основания, чтобы русскому человеку повнимательнее взглянуть в эту фигуру и постараться ее понять, – не так ли?

Мои претензии как русского историка и человека к этому историческому лицу копились много лет, но окончательную точку в раздумьях позволила поставить уникальная книга Мартина Гилберта «Черчилль и евреи»². Ее выпустил в свет на русском языке известный в Москве наших дней еврейский книгоиздатель Михаил Гринберг (псевдоним: Зеленогорский), которого я знаю лично с 1991 года и считаю талантливым поборником идей современного сионизма. Он, конечно же, хотел «как лучше», движимый самыми благими чувствами к герою книги. Но евреи частенько пересаливают свою похлебку для нееврейского мира: эффект получился обратный. Факты, собранные Гилбертом, дали ключ к негативному пониманию нашего персонажа.

Ну, а кроме всего сказанного, есть три формальных повода, достаточных, чтобы освежить пристальное внимание публики к «Бленхеймской Крысе» (таково было одно из прозвищ Черчилля в начале карьеры)³.

Во-первых, в 2014 году отмечался юбилей этого знаменитого политика, одного из самых прославленных общественных деятелей XX века – дважды премьер-министра Великобритании, дважды первого лорда ее адмиралтейства, видного депутата парламента: 140 лет со дня его рождения (30 ноября 1874 года).

Во-вторых, в 2015 году мир отмечал 50-летие со дня его смерти.

Ну и, в-третьих, недавно прогремело 70-летие Великой Победы (1945–2015), которую мы постепенно учимся осмысливать со всех сторон, в том числе с тех, с которых ранее этого не делали... В частности, до сих пор остается спорным вопрос о главном: кто и почему развязал эту гигантскую мировую бойню, тяжким бременем легшую на плечи многих народов и подорвавшую витальные силы всей европеоидной расы. Кого мы должны благодарить за это? За десятки миллионов человеческих жертв? За невосполнимые культурные потери?

Мой ответ я уже сообщил заранее: истинным творцом Второй мировой войны, столкнувшим мир в кровавый хаос и катастрофу, был именно он – сэр Уинстон Черчилль, он же просто Уитни в благодарной памяти англосаксонских масс.

Но ведь никто не обязан верить подобным обвинениям, если они голословны. Поэтому я постараюсь сделать все возможное, чтобы убедить читателя в их основательности.

А для того, чтобы завершить тему вступления, скажу несколько слов о мифологии Черчилля, которого общественное мнение превозносит как выдающегося государственного деятеля. Я не стану пересказывать бесконечные славословия в адрес моего героя. Они и так на слуху у большинства интересующихся. Лучше слегка пройти по этой раздутой репутации с фактами в руках, чтобы у читателя сразу же возник относительно трезвый и объективный настрой на дальнейшее изложение.

Уинстон Черчилль, хоть и окончил одно из самых престижных военных училищ Великобритании – Королевское военное училище в Сандхерсте – и даже прошел затем масонское

² Мартин Гилберт. Черчилль и евреи. – Москва – Иерусалим, Мосты культуры / Гешарим, 2010.

³ Бленхейм – «родовое имение герцогов Мальборо в Оксфордшире, малая родина сэра У. Черчилля» (Википедия), великолепный дворец, в котором он родился.

посвящение 24 мая 1901 года в ложе «Стадхольм» в Лондоне (состоял также в ложе «Роз-мари»), но государственным деятелем вылез плохим. Его очевидные промахи и накладки – при грандиозных амбициях – широко известны. Все, за что он ни брался, шло из рук вон плохо и приводило к критическим результатам.

В возрасте всего лишь 35 лет Черчилль 14 февраля 1910 года занял пост министра внутренних дел, один из трех наиболее влиятельных в стране. Министерская зарплата составила 5000 фунтов (огромные деньги по тем временам). Но вряд ли он оправдал затраты государства на свою персону, поскольку именно при нем по стране прокатились массовые выступления рабочих и протестные акции суфражисток. Нарастая, они едва не привели страну к катастрофе. Летом 1911 года началась забастовка моряков и портовых работников. В августе возникли массовые беспорядки в Ливерпуле. 14 августа морские пехотинцы с военного корабля «Антрим», прибывшего в город по приказу Черчилля, открыли огонь по толпе и ранили 8 человек. Перед лицом растущих стачек и вероятности большого бунта Черчилль мобилизует 50 тысяч солдат и отменяет положение, согласно которому армия может вводиться только по требованию местных гражданских властей. Как писал его близкий друг Чарльз Мастерман, «Уинстон находится в очень возбужденном состоянии ума. Он настроен решать дела «залпом картечи», безумно наслаждается, прокладывая на карте маршруты движения войск... выпускает иступленные бюллетени и жаждет крови». По ходу дела глава палаты лордов лорд Лорберн публично назвал действия министра внутренних дел «безответственными и опрометчивыми». Всеобщей стачки удалось избежать только благодаря посредничеству Ллойд Джорджа, а Черчиллю пришлось бесславно уйти с поста...

В качестве министра по делам колоний (назначен был в 1921 году) Черчилля, а с ним Англию, ждало крупнейшее политическое поражение, поскольку под давлением Ирландской республиканской армии он был вынужден подписать Англо-ирландский договор, согласно которому возникло Ирландское Свободное государство, чего корона веками пыталась не допустить.

В 1924 году Черчилль неожиданно получил вторую должность в государстве – Канцлера казначейства в правительстве Стэнли Болдуина. На этом посту, не обладая ни пониманием финансовых вопросов, ни даже желанием вникнуть в их суть, Черчилль руководил неудачным возвращением британской экономики к золотому стандарту и повышением ценности фунта стерлингов до довоенного уровня. В результате получилась дефляция, удорожание британских экспортных товаров, снижение зарплат в промышленности, экономический спад, массовая безработица и, в итоге, в 1926 году разразилась-таки всеобщая забастовка, которую лишь с большим трудом удалось прекратить.

Но хуже всего Черчилль проявил себя как военный. После скандального провала в качестве министра внутренних дел он был с понижением переведен на адмиралтейство, где отметился уже рядом не менее позорных провалов. Так, 5 октября 1914 года он прибыл в Антверпен и лично возглавил оборону города, который однако пал через пять дней его стараний, причем погибло 2500 солдат. А в 1915-м он стал инициатором т. н. Дарданелльской операции, закончившейся катастрофически для союзных войск (по некоторым данным, погибло около 250 тыс. военнослужащих) и вызвавшей правительственный кризис. Бездарность его руководства в качестве первого лорда адмиралтейства была настолько очевидна, что Черчиллю пришлось в декабре 1915 года уйти со стыдом и с этого поста и забиться в штабную щель во Фландрии на тихом участке фронта в звании простого майора. Но этот стыд еще напомнил о себе со всей возможной силой в 1940 году при разгроме английских войск под Дюнкерком...

Послужной список профессионально несостоятельного чиновника можно продолжать долго, но хватит и приведенных выразительных примеров.

Тем не менее по результатам опроса, проведенного радиовещательной корпорацией Би-би-си сравнительно недавно, в 2002 году, сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль был назван величайшим британцем в истории. Таково мнение самих англичан, и это просто поразительно! («Бесстыдной ложью введены в обман», – как сказал бы Шекспир.) Феномен...

Мало того. По устоявшемуся историческому недоразумению, Англия – а с ней, конечно же, Черчилль – числится среди победителей Второй мировой войны. Ниже я постараюсь развеять этот предрассудок. Но пусть пока он не развеян: кто сказал, что победителей не судят? Их можно и нужно судить за все, в чем они виноваты, как и обычных людей. Черчилль ушел от такого суда при жизни. Однако это не снимает с нас долга дать ему объективную и справедливую оценку, пусть даже через много лет после смерти.

Итак...

Пролог: Черчилль и евреи

Его собственная политическая карьера, казалось, текла среди водоворотов еврейской истории.

Мартин Гилберт

Личность влияет на ход истории. Иногда в очень сильной, а порой и в определяющей степени. Это факт, который косвенно признали даже марксисты, на словах эту роль отвергавшие, но на практике при этом установив культ личностей Маркса, Ленина, Сталина и других, классом пониже, именно за их роль в истории.

А что влияет на поведение личности? Что формирует ее мотивы? Увы, это частенько бывают мифы и/или собственные заблуждения. Скажем, у Гитлера – одни, у Черчилля – другие. И только Сталин, кажется, пережив увлечение религиозным мифом в своей семинарской юности, до конца затем сохранял трезвый ум, оставаясь во всем чистым прагматиком и не поддаваясь даже мифологии марксизма, толкуя ее на свой лад по мере необходимости.

Чтобы глубоко проникнуть во внутренний мир Черчилля, постичь набор его мифологем, мотивы его политической деятельности, приходится начать с рассмотрения темы «Черчилль и евреи». Одноименная книга Мартина Гилберта оказывает в этом деле поистине неоценимую помощь. Но не только она. В последнее десятилетие опубликованы и другие исследования, посвященные углубленному анализу отношений Черчилля, евреев, Израиля и т. п. Я имею в виду, в первую очередь, монографию гарвардского питомца *Майкла Маковского «Черчилль и Земля Обетованная: сионизм и политика»*⁴ и *биографию Черчилля, написанную профессором Иерусалимского университета Норманом Роузом*⁵.

Откровенность всех этих новейших исследований не всем пришлась по вкусу. Видимо, в некоторых кругах созрело понимание того, что пропагандируемая ими неприкрытая и действенная юдофилия Черчилля, приведшая его от юности в лагерь сионистов, корректирует его биографию в нежелательную сторону в глазах массового читателя разных стран. И вот уже отмечаются активные попытки дезавуировать эту точку зрения. В частности, в журнале «Лехаим» за ноябрь 2009 года появилась статья трех авторов сразу (Станислав Кожеуров, Иван Фадеев, Алек Д. Эпштейн) под названием «Уинстон Черчилль и сионизм: история метаний». Пафос статьи задан фразой: «Хотя Черчилль порой то ли всерьез, то ли в шутку называл себя «сионистом», его реальная политика на протяжении более чем тридцати лет доказывает, что его проеврейские и просионистские высказывания зачастую оставались не более чем риторикой»⁶. Основной аргумент – Черчилль-де сделал недостаточно для предотвращения Холокоста или хотя бы уменьшения его масштабов. Ниже я подробнее остановлюсь на этой идее.

Ну, а пока я хотел бы ознакомить читателя с историческими фактами, почерпнутыми в литературе и архивах, красноречиво убеждающими нас в том, что Черчилль отнюдь не ограничивался риторикой (хотя устное и письменное слово всегда было его главным оружием политика, в полном соответствии с британской традицией). Нет, он был настоящим бойцом за дело сионизма, за права и интересы евреев, убежденным, настойчивым, упорным, не знающим усталости и каких-либо нравственных ограничений, использующим любые средства

⁴ Makovsky M. Churchill's Promised Land: Zionism and Statecraft. – New Haven: Yale University Press, 2007.

⁵ Роуз Н. Черчилль. Бурная жизнь / Пер. с англ. Е. Ф. Левиной. – М.: АСТ, 2008.

⁶ <http://callofzion.ru/pages.php?id=1085>. Источник: ЛЕХАИМ – ежемесячный литературно-публицистический журнал. ЛЕХАИМ НОЯБРЬ 2009 ХЕШВАН 5770–11(211).

в борьбе. Именно таким предстает он осведомленному читателю, нравится это кому-то или нет.

Я отдаю предпочтение книге Гилберта как источнику, поскольку она есть плод колоссального и добросовестного труда, вобравший в себя огромный фактический материал, почерпнутый автором за сорок лет работы не только в очень многих журнальных и газетных статьях и заметках, книгах и монографиях, но и в государственных и негосударственных архивах, а также в личных собраниях писем и документов видных исторических деятелей эпохи⁷. Однако выяснилось, что на один и тот же факт можно смотреть с очень разных точек зрения, и тогда его оценка способна измениться на прямо противоположную. В итоге книга оказалась наделена огромной разоблачительной силой, на корню уничтожающей симпатию к Черчиллю у любого, кто не является евреем и не потерял способность самостоятельно мыслить. Как в инфракрасном излучении, она позволяет заглянуть за слой краски и лака, нанесенный благодарными современниками и потомками, чтобы увидеть подлинный inferнальный облик этого политического деятеля. Гилберт проделал для этого всю необходимую работу, надо лишь посмотреть на его труд под несколько иным углом и немного переставить акценты⁸.

⁷ Отмечу собрания архивов Правления организации британских евреев, Всемирного сионистского движения, Министерства обороны Израиля, Государственного департамента США, Д. Бен-Гуриона, Х. Вейцмана, Н. Чемберлена, Д. Эйзенхауэра, Д. Ллойд Джорджа, Г. Трумэна и мн. др.

⁸ Все ссылки на страницы этой книги даны в скобках в конце цитат.

Миф Черчилля о евреях

Итак, у Черчилля, безусловно, был свой миф, которым он слишком во многом руководствовался в своих мыслях и поступках – и как частное лицо, и как государственный деятель. Это миф о евреях. Конечно, Черчилль, очень прагматичный и рациональный во всем, всегда зависел от еврейской поддержки – еврейских денег или от денег, добываемых для него евреями. Конечно, он понимал, как никто другой, также политическую силу евреев – и делал на них осознанную ставку. Но была у Черчилля и большая подлинная любовь к евреям – иррациональное чувство, двигавшее им. Оно зиждилось на вышеупомянутом мифе.

Это иррациональное увлечение возникло еще в детстве и проявилось необычно и сильно. «С самых ранних лет он увлекался историей еврейского народа. В годы учебы в Харроу он тщательно изучал Ветхий Завет. Эта книга стала источником его образования и дала питательную пищу его воображению. Одно из его первых школьных сочинений называлось «Палестина во времена Иоанна Крестителя». Описывая фарисеев, он просил своего читателя – в данном случае им был его преподаватель – не быть слишком строгим по отношению к этой «жестокой» еврейской секте. «У них было множество недостатков, – писал он и тут же добавлял: – А у кого их мало?» (13). Странноватая позиция для юного христианина, весьма отдающая предательством, не так ли? Ведь, как известно, именно фарисеи настояли на распятии Иисуса Христа. Ну, распяли и распяли, зачем же строго их судить за это, в самом деле...

Запомним этот эпизод черчиллевской измены своим ради чужих, он будет не раз повторяться в другое время, в других обстоятельствах и по другим поводам, но останется прежним по сути.

Религия и мораль находятся, как понимает читатель, в нерасторжимой связке, они зачастую не могут существовать друг без друга, поскольку религия есть высшая санкция морали. Отстраивая и затем отстаивая свой миф о евреях, Черчилль, находясь в 1921 году в Иерусалиме, смело утверждал: «Мы в долгу перед евреями за возрождение системы этики в рамках христианского вероучения. Эта система, даже если ее полностью отделить от сверхъестественного, была самым драгоценным сокровищем человечества, равноценным плодам всех других учений, соединенных вместе. На основе этой системы и этой веры на развалинах Римской империи была построена вся существующая цивилизация» (375). О том, что Христос решительно отвергал, опровергал еврейскую этику, представленную тогда и потом именно фарисеями, а евреи в целом как раз таки жестко и необратимо отвергли этику Христа, Черчилль, разумеется, промолчал. Евреи для него уже прочно стояли вне критики.

Между тем в этой речи, ставшей весьма популярной, Черчилль лишь повторил одну из идей своей не самой известной статьи «Сионизм против большевизма: Борьба за душу еврейского народа», опубликованной в «Санди Геральд» еще 8 февраля 1920 года. В ней он опирался на тезис знаменитого еврея Бенджамена Дизраэли⁹, который стал не только премьер-министром Англии, но и лидером партии консерваторов: «Господь Бог так относится к другим нациям, как эти нации относятся к евреям». В сущности, этот тезис – не что иное, как изложение верховного принципа Торы о еврейской исключительности, еврейском превосходстве, еврейской богоизбранности. Как видим, Черчилль как политик уже в молодые годы вполне уверенно апробирует этот принцип. Ему он следовал всю жизнь.

⁹ Дизраэли удостоен высокой чести быть захороненным в главном соборе Англии, в Вестминстерском аббатстве, где его мраморный памятник в полный рост (но, разумеется, в размер, намного превышающий оригинал) стоит среди церковной утвари и скульптур. Собор, битком набитый бюстами, памятниками, пышными надгробиями и памятными плитами и досками, вообще представляет собой загробную ярмарку тщеславия, но монумент Дизраэли выделяется особо своей напыщенностью.

Увлечение Священной историей (иными словами, историей древних евреев) затянулось у Черчилля надолго, оно упорно не покидало его ум. Уже 55-летним, в 1931 году он вдруг с увлечением пишет эссе о главном пророке ветхозаветных евреев – Моисее; эссе публикуется в «Санди кроникл» 8 ноября 1931 года. Там автор выражает полную уверенность в том, что Моисей был не просто «легендарной фигурой», придуманной ради пользы дела. Он заверяет: «Мы верим, что научные взгляды и концепции окажутся в полной гармонии с буквальным толкованием Библии и надежно свяжут имя Моисея с одним из грандиознейших скачков, отмечаемых в человеческой истории». Мало того: «Это бродячее племя... ухватило и провозгласило идею, на которую оказались неспособны весь гений Греции и вся мощь Рима... Моисей был величайшим из пророков, говорившим лично с Богом Израиля» (123). Мог ли Черчилль при таком подходе сомневаться в богоизбранности евреев? Скорее, он свято верил в нее.

Подобные мысли сопровождали всю жизнь Черчилля, он придавал им чрезвычайно большое значение, хотя и был полным дилетантом в библеистике, а вел себя зачастую и вовсе как безбожник. Спустя еще тридцать лет, уже 85-летним, он подарил как ценный раритет и дорогой его сердцу сувенир один печатный экземпляр указанного эссе премьер-министру Израиля Бен-Гуриону.

Черчилль вообще много говорил и писал о евреях. Настолько, что даже не все, им написанное, попало в печать. Так, лектор Кембриджского университета Ричард Той неожиданно отыскал неопубликованную статью бывшего британского премьера о причинах гонений на евреев. Статья «Как евреи могут бороться с гонениями» была написана в 1937 году, в ней Черчилль говорит о том, что не только «злоба гонителей» является причиной плохого обращения с евреями на протяжении веков. Главным в отношении нееврея к еврею Черчилль называет то, что он «другой». «Он выглядит по-другому. Он думает по-другому. У него другие традиции и корни. Он отказывается быть принятым», – писал будущий глава правительства, подчеркивая инаковость настоящего еврея и еврейское стремление к самоизоляции. Это был достаточно глубокий взгляд, ведь евреи недаром говорят сами о себе словами Торы: «Вот народ, который живет отдельно и среди народов не числится». И не случайно во всех странах рассеяния, где только ни возникала еврейская диаспора, она немедленно создавала свои закрытые для неевреев зоны – гетто, где и проживала замкнуто по своим законам и установлениям, подчиняясь кагалу и тайному национальному суду Бет-дин, действующему параллельно и независимо от суда страны проживания¹⁰. Такие наблюдения Черчилля говорят о том, что он не напрасно интересовался с детских лет еврейским народом и хорошо разглядел его специфику. «Евреи представляют собой счастливую общину, – писал он еще перед Первой мировой войной, близко познакомившись с жизнью евреев Манчестера, – потому что среди них царит корпоративный дух их нации и вера» (376). Под обаянием этих впечатлений от национальной солидарности, спайки евреев он находился всю жизнь.

Чем, кроме этого волшебного обаяния, можно объяснить, например, такие его рассуждения, вполне типичные для еврейской национальной мысли, но отвергаемые, как правило, нееврейским ученым сообществом: «Есть народы, насчитывающие сотни миллионов человек, но оказавшиеся при этом неспособными произвести из своей среды хотя бы одного лауреата Нобелевской премии и сейчас благоденствующие за счет гениальных открытий евреев» (355). Поистине, не каждый еврей отважится на такое заявление, каким, не отводя глаз, мог козырнуть британский премьер!

¹⁰ Как показал в своих работах Яков Кац («Евреи в средневековой Европе (Замкнутость и толерантность)». – Иерусалим, 1992; «Кризис традиции на пороге Нового времени». – Иерусалим, 1991), стены всех гетто всегда строились с двух сторон.

Или вот: в ответ на упрек профессора Реджинальда Капланда, что палестинские арабы поставлены перед властями Великобритании в неравноправное положение по сравнению с евреями, а потому «чувствуют к себе холодность со стороны британских властей», Черчилль резко ответил: «Это зависит от того, какая цивилизация вам ближе» (153). Ему-то явно были ближе евреи, и он не только «не скрывал своих предпочтений», но хотел навязать их и парламенту, и правительству, и всей Англии, и всем англичанам. И все они в конечном счете расплатились за это так жестоко, как только возможно.

Весьма характерным можно считать признание Черчилля 12 марта 1941 года, которое он сделал ведущему сионистскому лидеру Хаиму Вейцману, которого он сравнивал с библейскими пророками¹¹, в то время как у евреев-современников Вейцман пользовался прозвищем «царя иудейского». Черчилль на той встрече сказал, что им нет нужды долго разговаривать, потому что их мысли «на 99 процентов идентичны». И что когда бы они ни встретились, у него «переворачивается сердце». Он заверил также, что «никогда не подведет» Вейцмана (229). Это обещание он держал с самого момента знакомства и до конца. Ибо обманывал многих и часто, но никогда – евреев.

Когда Великобритания официально признает, наконец, Израиль, Вейцман, избранный первым президентом нового государства, направит именно Черчиллю благодарственную телеграмму. И Черчилль, ответив: «Я с удовольствием вспоминаю все наше долгое сотрудничество», припишет затем от руки: «Свет разгорается...» (342).

Гилберт, делая вывод о взаимоувязанности всей биографии Черчилля с еврейской темой, подчеркивает: «У него были коллеги-евреи и помощники-евреи. Он восхищался крупными историческими фигурами еврейского происхождения. Он сам совершенно ясно сказал во время обсуждения английским обществом проблемы еврейского терроризма в Палестине: «Еврейский народ весьма хорошо знает, что я – его друг»» (378). Уточню: еврейский терроризм, о котором идет речь, был обращен против англичан, и такое признание поистине дорогого стоило. Оно было сделано другу-еврею в доверительной беседе, в то время как публично Черчилль вынужден был осуждать акты террора против британцев (12). На чьей же стороне в действительности был влиятельный политик, которого все по сей день считают защитником интересов Великобритании? Более подробный разговор об этом впереди, он не оставит у читателя и тени сомнений¹².

Кто был для Черчилля своим, а кто чужим? Парадоксально, но свою собственную идентичность политик сам определял порой довольно неожиданно и своеобразно. Однажды он заявил подчиненному ему фельдмаршалу сэру Уильяму Слиму, главе генерального штаба: «Фельдмаршал, посылая вас в Египет, я хочу сделать совершенно ясным одно обстоятельство: сам я сионист, и я хочу, чтобы вы исходили в своих действиях из этого» (354–355). Хорошая инструкция представителю военной мощи Британии от британского премьер-министра, не правда ли?

Подобные признания делались им не раз и не случайно. Весной 1946 года Черчилль находился в Соединенных Штатах. 18 марта он был почетным гостем на обеде, данном Бенардом Барухом в Нью-Йорке¹³. Один из присутствующих, видный экономист Элиша Фрид-

¹¹ При взгляде на фотографии Вейцмана последнее, что приходит в голову, это образ библейского пророка, честно говоря: личико у него было незначительное («скарденное», как говорили в старину) и малосимпатичное, чем-то схожее с Лениным.

¹² Здесь замечу только, что среди убитых еврейскими террористами был даже министр-резидент Великобритании в Каире и личный друг Черчилля лорд Мойн. Однако, подчеркивает Гилберт, «как ни раздражен и огорчен был Черчилль убийством Мойна, это убийство не поколебало его глубинной симпатии к сионистам» (284).

¹³ Б. Барух – влиятельный американский финансист и политик еврейского происхождения. Во время Первой мировой войны стал главой Военно-промышленного комитета и сыграл ключевую роль в переориентировании американской промышленности на военные нужды. Затем был личным экономическим советником президента Т. В. Вильсона, после чего оставался неизменным спутником президентов Гардинга, Гувера, Рузвельта и Трумэна. Занимался преимущественно

ман, на следующий день написал Черчиллю: «Вы глубоко тронули меня, сказав, что вы – сионист» (308). Возвращаясь из Соединенных Штатов на борту лайнера «Куин Мэри» и знакомясь со списком пассажиров, Черчилль узнал, что на борту находится Барнет Дженнер, с которым он двадцать лет назад работал в комитете в поддержку сионизма в палате общин. Он пригласил Дженнера на чашку кофе в свою каюту, и первыми его словами при встрече были: «Я – сионист» (349)...

Наконец, в ходе официального визита в США во время своего второго премьерства летом 1954 года, отвечая на вопросы корреспондента на пресс-конференции, Черчилль вновь заявил: «Я – сионист».

Вот так манера представляться! Никто Черчилля за язык не тянул, таково было его свободное самоопределение. Надо, разумеется, иметь в виду, что сионизм – это не только движение за переселение евреев всего мира из стран рассеяния в Палестину, как иногда приходится слышать от его апологетов. Это еще и светская разновидность доктрины еврейского превосходства, имеющая религиозную основу, но секуляризованная в XX веке. Именно из-за этой особенности Генеральная Ассамблея ООН в своей знаменитой Резолюции № 3379 от 10 ноября 1975 г. приравняла сионизм к расизму и расовой дискриминации¹⁴. Но это было уже после смерти Черчилля, так что он еще не слишком рисковал своей репутацией, делая такие заявления насчет самого себя. Однако и пройти мимо них честному историку – невозможно.

Такого же рода свидетельств о том, сколь привилегированное место занимали евреи в уме и душе Черчилля, очень много, и об этом были отлично осведомлены его современники, как враги, так и друзья. К примеру, Гилберт вспоминает, как 1 сентября 1969 года он «провел целый день в беседе с сэром Эдвардом Льюисом Спирсом – генералом, многолетним другом Черчилля и его соратником по военной службе, по занятиям историей и по работе в парламенте». Убедившись, что Гилберт намерен создать полный и достоверный портрет Черчилля, Спирс доверительным тоном произнес: «Даже у Уинстона был один недостаток – он был слишком привязан к евреям» (11).

«Привязанность» – это не холодный политический расчет, который может легко быть изменен в изменившихся обстоятельствах. Тут уж, как говорится, сердцу не прикажешь. В этом нас убеждает весь жизненный путь сэра Уинстона.

вооружениями, атомной бомбой в том числе.

¹⁴ В 1991 году после крушения СССР и восточного блока, которые всегда поддерживали на Ближнем Востоке арабов, а не евреев, Резолюция № 3379 была отменена по инициативе Израиля и США, но это конъюнктурное обстоятельство не отменяет факта ее принятия. Что было, то было.

Семейная традиция – чисто английский фетиш

Интересно выглядит Уинстон Черчилль со своими представлениями о еврействе не только сам по себе, но и в рамках семейного портрета.

Симпатии Черчилля к евреям были так велики, так откровенны и так необъяснимы, что в наше время в Израиле была даже сделана попытка приписать ему еврейское происхождение по его матери, леди Рэндольф Черчилль, урожденной Дженни Джером. Стремление найти объяснение его чрезвычайной юдофилии через поиск еврейских корней более чем естественно. Эту попытку предпринял в 1993 году Моше Кох, якобы выяснивший, что отец Дженни, американский финансист и бизнесмен Леонард, изначально носил фамилию Якобсон, которую сменил затем на Джерома. Но на самом деле линия Джеромов может быть прослежена вполне четко с 1717 года, когда эмигрант Тимоти Джером высадился на берег Нового Света¹⁵, так что версия о еврейской крови в жилах Черчилля не может считаться подтвержденной.

Зато отец Уинстона Черчилля, лорд Рэндольф Черчилль, – уж это совершенно точно – «был известен своей тесной дружбой с евреями. Завсегдатаи британских клубов сплетничали о том, что у него было много друзей-евреев, а члены семьи упрекали его за то, что он приглашал евреев к себе домой» (13). Друзья и знакомые из числа англичан даже подтрунивали над ним за это, иногда с грубоватой прямоотой. Но сын преклонялся перед памятью отца и даже опубликовал в 1906 году его двухтомную биографию, а также назвал в его честь своего сына. «Когда-нибудь я стану государственным деятелем, таким же, как мой отец», – делился он юношеской мечтой со своим врачом. Поэтому неудивительно, что пример, поданный досточтимым родителем среди прочего в отношении евреев, был Уинстоном воспринят и усвоен. Таким образом, его зависимость от евреев началась еще до вступления во взрослую жизнь и даже без его воли.

Между тем «евреи, с которыми его отец был знаком и которых он приглашал к себе в дом, были выдающимися людьми, сумевшими многого добиться в жизни. Одним из них был «Нэтти» Ротшильд – первый барон Ротшильд, глава лондонской ветви банкирской семьи Ротшильдов, ставший в 1885 году первым евреем – членом палаты лордов. Другим был родившийся в немецком Кельне сэр Эрнест Кассель – банкир, близкий друг принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII» (14). «Другой хорошо знакомой Черчиллю ветвью семейства Ротшильдов была семья Леопольда Ротшильда, в чьем доме в Ганнерсбери, неподалеку от Лондона, он обедал в 1895 году в бытность свою младшим офицером британской армии и с сыном которого, Лайонелом, ставшим впоследствии членом парламента от партии консерваторов, он дружил... Родители Черчилля дружили также с родившимся в Австрии бароном Морисом де Гиршем, ведущим еврейским филантропом; они были частыми гостями в его доме в Лондоне» (15). Поистине, не имей сто рублей, а имей сто таких друзей, как у папы Черчилля.

Рэндольф Черчилль умер от сифилиса, оставив после себя долги, когда Уинстону было всего 21 год. (Жить в долг было для Рэндольфа привычкой – недаром при его вступлении в брак будущий тесть, богач, был вынужден внести за зятя 2000 фунтов и в дальнейшем настоял на раздельном пользовании супругов капиталами.) Мать Черчилля, красотка, известная в свете своими внебрачными романтическими отношениями с весьма высокопоставленными любовниками – помимо Берти, принца Уэльского, в их число входили чешский аристократ Карл Кински, король Сербии Милан IV Обренович, сэр Уильям Гордон-Камминг,

¹⁵ Черчилль порой ронял замечания о своем «экзотическом происхождении», но это был лишь отголосок легенды о некоем ирокезе, якобы оказавшемся в числе его предков по материнской линии.

граф де Брейтель и др., – не могла, однако, содержать семью на должном уровне. Юный Уинстон оказался в нелегком положении. К счастью для него, отец оставил в наследство ему не только финансовые затруднения, но и своих еврейских друзей. О том, как это помогло Уинстону выжить, расскажу ниже.

«После смерти лорда Рэндольфа Черчилля в 1895 году еврейские друзья его отца продолжали дружить с его сыном. Лорд Ротшильд, сэр Эрнест Кассель и барон де Гирш часто приглашали его к себе» (16). Черчилль очень дорожил такими отношениями и не только сам берегся чего-либо, могущего бросить на них тень, но и всю семью (как старшее, так и младшее поколение), если так можно выразиться, перевел на юдофильские рельсы.

В частности, вот примечательный эпизод. В 1906 году кузен Уинстона, девятый герцог Мальборо, возмутился рецензией в газете «Дейли телеграф», разнесшей в пух и прах двухтомное сочинение Черчилля о своем отце. Весьма влиятельную газету редактировал еврей, Генри Леви-Лоусон, и оскорбленный читатель направил ему гневное письмо, а копию – Уинстону, написав при этом: «Я не позволю евреям утверждать, что члены моей семьи бесчестны, не ответив им крепче, чем они ожидают». Он добавил, пытаясь вразумить кузена: «С евреями нельзя обращаться столь же доброжелательно, как это принято между христианами». Но Черчилль не последовал его примеру. Он не внял голосу родни и даже не откликнулся, явно не желая осложнять свои отношения с еврейским сообществом Англии и сделав потому вид, будто ничего не произошло, проглотив оскорбление памяти отца и своего собственного труда (28).

А вот не менее показательный случай: в 1907 году в своем письме Черчилль поучает родную мать, предостерегая ее против включения в свои мемуары антисемитского, как ему мнилось, пассажа об одном из ведущих британских политиков лорде Гошене: «Я не думаю, что история про Гошену заслуживает опубликования. Она оскорбит не только семью Гошена, но и евреев вообще» (18–19).

Всю жизнь Черчилль неустанно стремился не просто пестовать, но и преумножать свои еврейские связи, и вся семья помогала ему в этом. К примеру, особые отношения его матери с новым королем Эдуардом VII, сложившиеся еще в бытность того принцем Уэльским, обогатили Черчилля знакомством с несметно богатым выходцем из Багдада, евреем-сефардом Реувеном Сассуном. Его племянник Филипп Сассун (в матери которого, кстати, текла кровь Ротшильдов), ставший впоследствии министром общественных работ, а там и министром авиации Великобритании, сделался довольно близким другом Черчилля и нередко принимал его в своем поместье Порт Лимн на побережье Ла-Манша.

Не только свою мать, но и жену, и сына, и дочь Черчилль старался держать в орбите дружеских, близких отношений с евреями. Характерен такой, например, эпизод из его биографии. Оказавшись после войны временно не у дел, Уинстон засел за книгу «История англоязычных народов», в которой особое внимание уделил знаменитому британскому политику еврейского происхождения Бенджамину Дизраэли, графу Биконсфилду. Работая над посвященной ему главой, он в течение нескольких месяцев жил на принадлежавшей его еврейскому другу и сотруднику Эмери Ривзу вилле «Да Пауза» на юге Франции, где по вечерам играл в свою любимую карточную игру безик с баронессой Жанной де Ротшильд, супругой венского богача Ротшильда. В работе над книгой ему помогал специально приехавший во Францию молодой еврей Морис Шок, преподаватель Университетского колледжа в Оксфорде. А в те же дни супруга экс-премьера Клементина Черчилль находилась на высокогорном швейцарском курорте Санкт-Мориц, где водила дружеское знакомство с нью-йоркским евреем Льюисом Эйнштейном (364).

Черчилль даже свою родную дочь показательно назвал Сарой, что, конечно же, не могло не вызвать одобрительной улыбки у его еврейских друзей. (Именно ей, кстати, сэр Уинстон доверит со временем зачитать его послание во время торжественного заседания в

Карнеги-холле 29 апреля 1952 года по случаю четвертой годовщины независимости Израиля.) Но тут любящий отец попал в ловушку, сотворенную собственными руками, потому что семейная юдофилия Черчиллей обернулась для него неприятным сюрпризом, когда любимая дочь достигла двадцатидвухлетнего возраста.

В чем суть этого дела? Она в том, что дочь Черчилля Сара в 1936 году сбежала из дома с очаровавшим ее Виктором Оливером фон Самеком – тридцативосьмилетним евреем, дважды разведенным актером и пианистом, выступавшим на радио с комическими номерами и более широко известным под своим сценическим псевдонимом Вик Оливер. Черчиллю пришлось смириться с этим фактом. Со временем Сара вышла-таки замуж за Оливера (это был первый из трех ее браков), а Черчилль приобрел зятя-еврея. А еще два года спустя Черчилль обратился к постоянному помощнику министра внутренних дел с просьбой предоставить зятю британское гражданство. «Хотя, – пришлось признаться ему в своем ходатайстве, – первоначально я был против его брака с моей дочерью» (174–175). Но деваться политику-сионисту было некуда: ведь это все были плоды его воспитания, следствие семейной атмосферы.

История эта станет понятнее российскому читателю в своем психологическом содержании, если вспомнить, что дочь замечательного российского актера и режиссера Никиты Михалкова вышла замуж за грузина, несмотря на огорчение отца. Но кто же виноват в этом? Ведь Михалков так долго и так широко сам уверял всех в том, что русским может считаться любой, кто любит Россию... В решающий момент ему нечего было возразить против выбора дочери. Еще ближе по аналогии к черчиллевской ситуации пример академика Дмитрия Лихачева, чья дочь также вышла замуж за еврея, после чего академику пришлось по поводу и без оного делать громкие анти-антисемитские заявления, хотя никто его к тому не вынуждал...

Что ж, семейные узы – дело нешуточное. Теперь Черчилль оказался через свою легкомысленную дочь (она многое делала вопреки отцовской воле, включая выбор профессии актрисы и танцовщицы, а также склонность к алкоголю) привязан к евреям так крепко, как никогда.

Впоследствии он и сына принес на тот же алтарь. Еще до войны Рэндольф вошел в число почетных членов президиума еврейской молодежной организации «Маккаби». А уже во время войны, в 1944 году, заброшенный с парашютом в Югославию к маршалу Тито, Рэндольф Черчилль действовал там как связной Еврейского агентства (он же Сохнут, в 1920 году возглавленный Хаимом Вейцманом). Год спустя в Лондоне Рэндольф Черчилль отчитывался Вейцману о том, как «пытался спасти 115 евреев в Югославии» (260–261). Несомненно, и в этом рискованном выборе рода деятельности сказались еврейские связи и симпатии, традиционные для семейства Черчиллей.

О том, насколько эти симпатии были безотчетны и глубоки, говорит поразительный факт: в годы Второй мировой войны не кто-нибудь, а Виктор Ротшильд, недавно ставший третьим бароном Ротшильдом, лично занимался проверкой получаемых Черчиллем подарков в виде еды и сигар на предмет обнаружения в них яда (14). Не соплеменнику-англичанину, а именно еврею-инородцу доверил Черчилль свою жизнь! Может ли найтись свидетельство более многозначительное и выразительное?

Что ж удивляться, если сын Уинстона Черчилля Рэндольф, отлично осведомленный обо всех этих обстоятельствах, написал в примечании к первому тому официальной биографии отца: «Уинстон Черчилль не ограничивал свою потребность в общении с новыми интересными личностями посещениями одних лишь домов евреев. В этот период он иногда встречался и с гоями» (16). Как указывал еще М. Попов в «Полном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» (1907), гой – это «общее еврейское название для всех неевреев; гой – звучит с оттенком презрения». Если это и юмор, то, признаться, довольно специфический. Английский?

Не только сыну, но даже и внуку экс-премьера (тоже Уинстону и тоже военному корреспонденту и политику) передалась юдофилия как родовое свойство семейства Черчиллей. Совместно со своим отцом Рэндольфом (сыном сэра Уинстона) он написал и издал в Иерусалиме в 1975 году книгу «Шестидневная война», проникнутую пиететом перед Израилем, который они именуют «одной из наиболее достойных восхищения стран». Таким образом, перед нами как минимум четыре поколения одной семьи, в основе менталитета которой лежит осознание еврейского превосходства.

Разумеется, потомственные любовь, восхищение, почитание, привязанность и другие подобные чувства по отношению к евреям ни в коем случае не являются чем-то предосудительным для кого бы то ни было. Даже для государственного деятеля. Во всяком случае, если эти чувства искренни, бескорыстны и не вступают в противоречие с долгом перед родиной такого юдофила. Сердцу ведь, как уже сказано, не прикажешь.

Я склонен думать, что в случае с Черчиллем все именно так и было, по большому счету. Но вместе с тем вряд ли кто-то станет оспаривать, что Черчилль менее всего был идеалистом, политиком не от мира сего. А равно вряд ли кто-нибудь рискнет утверждать, что он не учитывал вполне земные и конкретные обстоятельства, делающие еврейство значительной финансово-экономической и политической силой.

Попробуем посмотреть на дело с этой точки зрения: не выяснятся ли некие важные подробности, проливающие свет на жизненный выбор и жизненный путь «величайшего британца», как именуют Черчилля соотечественники?

Но для начала попробуем разобраться и понять, что представляло собой еврейское сообщество в Англии времен Первой и Второй мировых войн, когда решались судьбы белой расы – Европы, а с нею и всего мира. Каким был общественный и политический вес британского еврейства – хотя бы в самых общих чертах.

Очерк английского еврейства

В 1320 году после ряда ожесточенных погромов евреи были изгнаны из Англии, как из многих национальных государств средневековой и возрожденческой Европы, начиная с Древней Руси (1113) и до Испании (1492). О причинах этого здесь не сужу. В течение трех с половиной столетий этот запрет не нарушался, евреев в Англии не было. Но в эпоху Кромвеля, остро нуждавшегося в средствах, амстердамский еврей Мейнаше Бен-Израэль обратился к диктатору с предложением снова разрешить евреям свободный въезд из-за границы, и тот в 1655 году успел разрешить группе евреев не только въехать в Альбион, но и приобрести земельные участки для кладбища и синагоги. Переселение евреев в Англию шло вначале из Португалии и Испании, где их заставляли принимать христианство (т. н. марраны), а с XVIII века также из Италии и Франции. К 1850 году евреев в Англии насчитывалось уже около 45 тысяч человек, это была богатая и влиятельная группа. В 1847 году барон Лионэль Ротшильд был избран в парламент Англии от Лондонского Сити, а сэр Соломон в 1855 году был избран лорд-мэром Лондона. В 1866 году, впервые за всю историю Англии, еврею барону Ротшильду было пожаловано звание лорда. А уже Бенджамин Дизраэли дважды, в 1868 и 1874 годах, становится премьер-министром, в 1876-м графом Биконсфильдом и членом палаты лордов. И т. п.

Резкие изменения в истории еврейской общины начались, когда в Англию из переполненной евреями российской Черты оседлости хлынул поток еврейских эмигрантов: с 1881 по 1906 г. въехало более 370 тысяч евреев. Образовались немалые еврейские анклавы (в частности, в Манчестере), где, как это всегда и везде бывало, жизнь текла по еврейским правилам. Опираясь на мощно возросшую диаспору, еврейские финансисты, предприниматели и связанные с ними политики стали массово занимать высокие места в истеблишменте Великобритании.

К 1920 годам, когда Уинстон Черчилль получил довольно широкую известность как политик, внушительное еврейское лобби уже имело солидную историю и опиралось на ряд крупных фигур. С тех пор как крещеный еврей Дизраэли стал занимать высшие должности в английском государстве и, пользуясь этим, провел в 1858 году билль о допущении евреев в парламент, общественная жизнь Великобритании существенно изменилась, наполнившись еврейским присутствием.

К примеру, даже одна из основных английских партий – либеральная – долгое время возглавлялась евреем Гербертом Самуэлем. Племянник президента Союза еврейских общин Англии Стюарта Самуэля, он был избран депутатом в английский парламент в 1902 году и считался одним из лучших теоретиков либерализма. В 1905 году Самуэль занял пост вице-министра внутренних дел, с 1918 года по 1920 год был председателем Королевской статистической комиссии. А в 1920 году он назначается верховным комиссаром Палестины (для нашей повести это очень важно) и занимает этот пост до 1925 года.

Легендой британских евреев был сэр Руфус Айзек. Аптекарский ученик, сбежавший из дому, чтобы стать судовым юнгой, впоследствии сделался популярным адвокатом. В 1904 году этот видный поборник либерализма впервые вошел в палату общин. Но затем стал лордом, верховным судьей и как барон Ридинг-оф-Эрлей вступил в палату лордов, превратившись потом, последовательно, в английского маркиза и ближайшего друга и конфидента короля Георга. Наконец, в 1919 году он занял самый высший пост после английского короля, став вице-королем Индии. Будучи самым младшим из двадцати семи маркизов Британской империи, он, однако, имел ни с кем не сравнимое влияние на политику Британской империи.

Еврей Альфред Монд, он же лорд Мельчетт, был прозван в Англии «фельдмаршалом британской промышленности», «химическим королем Англии». Заправляя десятками ком-

паний и ворочая десятками миллионов фунтов стерлингов, он был членом британского парламента с 1905 по 1928 год, побывал также министром здравоохранения и был возведен в достоинство пэра. Но для нас он интересен тем, что был ярким приверженцем сионистского движения, председателем Сионистской Федерации в Англии и председателем Совета «Еврейского агентства», во главе которого стоял Хаим Вейцман.

Еврей Лео Эмери побывал за свою жизнь военным министром, министром колоний в правительстве Болдуина (являясь горячим сторонником создания «духовного еврейского центра» в Палестине, обернувшегося со временем Израилем). В 1927 году журнал «Тайм» отнес его к наиболее влиятельным членам кабинета. При Черчилле, с которым вместе учился в Харроу-Скул, он в 1940 году будет назначен министром Индии, сосредоточив в своих руках большую власть.

К числу влиятельных евреев черчиллевской эпохи относится Лесли Исаак Хор-Белиша, барон Девенпортский. Учился в Оксфорде, в 1923-м был избран членом палаты общин от Девенпорта, а уже в 1931-м стал председателем Национальной либеральной партии и вошел в правительство в качестве финансового секретаря казначейства. В 1934–1937-м министр транспорта, в 1937-м занял пост военного министра. Был в числе членов кабинета, настоявших 2 сентября 1939 на немедленном объявлении войны Германии. В мае 1945-го Черчилль предложил Хору портфель министра национального страхования.

Список можно продолжить. Но гораздо более обширным может оказаться перечень крупных политиков и бизнесменов чисто английского происхождения, связанных с евреями родственными узами или опирающихся на евреев как на ближайших помощников. Так, крестным отцом одного из сыновей военного министра Джэффа Купера стал Отто Кан, совладелец банкирского дома «Кун, Леб и К^о», финансировавший большевистскую революцию в России. Наследник лорда-председателя совета министров виконта Галифакса женился на внучке Ротшильдов. Отец премьер-министра Невилла Чемберлена своей карьерой был обязан еврейской поддержке, почему и разделял идею сионистов о переселении евреев в Палестину. Сводный старший брат Невилла Чемберлена Остин какое-то время пользовался репутацией главы мирового еврейства. Родной брат министра торговли сэра Вальтера Рэнсимана женился на еврейке Леман, а товарищ морского министра Стенлей женился на одной из Ротшильдов; родная сестра министра торговли Оливера Стэнли вышла замуж за одного из Ротшильдов, а министр пенсий Гервальд Рамбошам женился на еврейке де Штейн, причем его секретарем состоял сэр Эдер Хор, отчим военного министра еврея Хора-Бейлиша. Личным секретарем премьера (в 1923–1924-м, 1924–1929-м, 1935–1937-м) Стэнли Болдуина был еврей Фрей; личной секретаршей лидера лейбористов и премьер-министра (в 1924 и 1929–1931-м) Макдональда – еврейка Розенберг. Постоянным секретарем лорда-канцлера виконта Хейлсхема был еврей сэр Клод Шустер, а его родной брат, сэр Малкольм Хог, был женат на дочери еврейского магната Гомертса.

И так далее. Министры, лорды, пэры Британии еврейского происхождения стали обыденной реальностью к моменту вхождения Черчилля в высшие слои английской политической атмосферы и бизнеса. Так что Черчилль, оглядываясь вокруг себя, видел вполне однозначную картину еврейского могущества и влияния и мог делать соответствующие выводы хоть каждый день. Он их и делал, соревнуясь со многими другими сообразительными политиками своего отечества.

Удивительно ли, что некоторые журналисты окрестили Англию в XX столетии «мечом Израиля», а глава Британской Имперской фашистской лиги Арнольд Лиз (1878–1956) как-то назвал Лондон «Новым Иерусалимом». «Мы призываем Его Величество короля Георга VI, – писал Лиз накануне войны, – к тому, чтобы он раз и навсегда положил предел дьявольским триумфам еврейского дракона для того, чтобы Британия смогла бы снова жить своей собственной самобытной жизнью и в своей международной ориентации смогла бы следо-

вать своему собственному голосу, а не еврейским указаниям, толкающим сейчас Лондон на разрыв и осложнения с гитлеровской Германией».

Но кто из серьезных политиков в Англии стал бы прислушиваться к словам политического маргинала? Неудивительно, что Арнольд Лиз вообще обрел и дурную славу, и нелегкую судьбу в своем возлюбленном отечестве¹⁶, в отличие от нашего героя. Плетью обуха он не перешиб.

¹⁶ В 1929 году, разочаровавшись в Британском союзе фашистов Освальда Мосли, Арнольд Лиз основал Имперскую фашистскую лигу. В 1936 году ему были предъявлены обвинения по факту публикации двух статей в июльском номере газеты «Фашист». Лиз был признан виновным в антисемитизме и приговорен к 6 месяцам тюремного заключения. В начале Второй мировой войны Лиза интернировали на основании Инструкции 18-В. В 1947 году он снова полгода находился в тюремном заключении за участие в помощи членам войск СС, подвергавшихся тотальному преследованию по всему миру.

Сила сильных мира сего

Черчилль, догадавшийся обратиться за поддержкой к евреям, не один был такой умный не только в Англии, но и во всем мире. Я приведу в пример лишь нескольких политиков, но этого будет вполне достаточно, чтобы многое понять, поскольку речь пойдет и о близкой нам материи: российской истории на роковом переломе начала XX века. Три ключевые фигуры политической жизни того времени – Александр Керенский, Павел Миллюков, Владимир Ульянов (Ленин) – соперничали, а то и воевали друг с другом, представляя интересы разных классов и сословий, олицетворяя основные движущие силы революции. Но при этом каждый из троих отлично понимал роль и силу еврейского фактора и пытался задействовать его в свою пользу, конкурируя с соперниками.

Не всегда видимая простым глазом еврейская составляющая всех русских революций была на деле мейнстримом российской политической жизни и задолго до Февраля, и, особенно сильно и эффективно, в Феврале 1917 года. С середины первого десятилетия XX века вела свою деятельность организация, которая существовала под разными именами, но в двух ипостасях – тайной и явной, хотя состояла из одних и тех же лиц. Ее вдохновителем и руководителем был Александр Браудо (масон высокой степени посвящения, как предполагает Еврейская энциклопедия), создавший «Еврейскую демократическую группу», «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России», а после выборов в 4-ю Государственную думу в 1912 году – «Политическое бюро для оказания помощи депутатам-евреям». В это Политбюро вошли представители всех еврейских политических партий, кроме крайне левых. Кроме того, под руководством Браудо действовала сеть информационных агентств.

Тайная власть и влияние названных организаций были немалыми. Нельзя не напомнить читателям в данной связи, что верховный правитель России Александр Керенский изначально был ставленником евреев. Именно от них осенью 1910 года адвокату Керенскому, уже дальновидно проявившему себя поборником еврейских прав, поступило предложение (устаи Л. М. Брамсона, члена упомянутого Политбюро) баллотироваться в Государственную думу по списку Трудовой группы. Так стартовала звездная карьера политика, на всем протяжении которой симбиоз Керенского и организованного еврейства всячески укреплялся. Всем своим политическим весом, к примеру, молодой депутат ринулся на еврейскую чашу весов в известном деле Бейлиса, забыв при этом закон и приличия до такой степени, что был осужден на восемь месяцев тюрьмы, от чего его избавила депутатская неприкосновенность, лишить которой его попытались власти, но также безуспешно. Рьяному защитнику еврейства отныне открылись такие тайные ресурсы, о которых он и мечтать не мог. В июне 1913 года Керенского, никогда не бывшего предпринимателем, избирают для пробы председателем IV Всероссийского съезда работников торговли и промышленности. Известный русский националист депутат Н. Е. Марков-Второй откомментировал это так: «Депутат Керенский, насколько мне известно, да и вам тоже, адвокат – во всяком случае, не приказчик; может быть, приказчик еврейского кагала, но это в переносном смысле». В первом кабинете министров Временного правительства Керенскому был предоставлен важнейший пост министра юстиции. Понятно, что, когда летом 1917 года дело дошло до переизбрания главы правительства, в ход были пущены те же рычаги (плюс масонские связи, что давно уже не секрет).

Не один Керенский, сознавая тайную власть и могущество евреев, стремился заручиться их поддержкой, искал с ними союза. Это было свойственно революционерам, левым партиям вообще.

Недаром П. Н. Миллюков еще в 1915 году разразился докладом «Еврейский вопрос в России», ведь этот вопрос всегда был в центре внимания партии конституционных демократов («кадетов»). Исследователю Николаю Коняеву удалось уже в наши дни разыскать в

архиве Санкт-Петербургской ФСК и опубликовать поразительное по откровенности и точности формулировки письмо, где Милюков признавался одному из активистов Союза русского народа И. В. Ревенко: «Вы знаете, что цель наша ограничивалась достижением республики или же монархии с императором, имеющим лишь номинальную власть; преобладающего в стране влияния интеллигенции и равные права евреев»¹⁷. Ближайшими опорными сотрудниками главы влиятельной партии кадетов были евреи Винавер, Бак, Гессен, Ганфман и другие.

Недаром и Ленин, обгоняя политконкурента Милюкова, еще 28 марта 1914 года подготовил и опубликовал для внесения большевистской фракцией в Думу законопроект под названием «Проект закона об отмене всех ограничений прав евреев и всех вообще ограничений, связанных с происхождением или принадлежностью к какой бы то ни было национальности». Сам, будучи еврейского происхождения, Ленин всегда был плотно окружен евреями, опирался на них.

Это своеобразное соперничество за влиятельного союзника выставляет наших политиков-революционеров как опытных прагматиков. Не говоря уже о том, что руководство всех левых партий было в весьма высокой степени представлено евреями (а в какой-то мере и партии кадетов). Ну, а после революции массовая женитьба большевиков и вообще людей при власти на еврейках как залог успешной карьеры, а равно женитьба влиятельных евреев на русских женщинах «из бывших» давно стали притчей во языцех.

Аналогично обстояло дело и в других европейских странах, где даже произошли революции, совершенные с опорой на местное еврейство как на ударную, движущую силу: в Германии, Венгрии. Но и не только там.

К примеру, во Франции был вынужден прибегнуть к поддержке евреев, которую он дальновидно выслуживал годами, такой видный политик, как Жорж Клемансо по прозвищу «Тигр», которому довелось быть премьером в годы Первой мировой войны и разрабатывать условия мира для Германии и «Версальской системы» в целом. Он был уже матерым политическим деятелем, когда его еврейские связи вдруг оказали ему дурную услугу в 1893 году, всплыв в разгар панамского скандала и громких разоблачений, главный герой которых еврей Корнелий Герц находился с Клемансо, как писали газеты, «в подозрительных сношениях». В результате Клемансо лишился репутации, а с нею депутатского мандата, и его карьера, как многим казалось, подошла к концу. Однако вскоре он нашел остроумный выход. Превратив свою газету «Аврора» («Заря») в трибуну дрейфусаров и защищая Дрейфуса, как впоследствии Керенский – Бейлиса, опубликовав знаменитое письмо Эмиля Золя «Я обвиняю!», Клемансо сумел аккумулировать такие средства и иные возможности, что уже в 1898 году «с почетом вернулся в политическую жизнь, откуда его вытолкнула причастность к панамскому скандалу»¹⁸. И с тех пор Клемансо более не покидал французский политический Олимп вплоть до 1920 года, когда потерпел неудачу на президентских выборах.

Этот пример, конечно же, не прошел мимо внимания не только Керенского в будущем, но и Черчилля в настоящем. Обращу внимание читателя: Черчилль, посетивший Париж именно в 1898 году, в разгар дела Дрейфуса, был свидетелем всех общественных страстей по данному поводу и, конечно же, ловкого демарша Клемансо. Он прочел письмо, опубликованное последним в «Авроре», и писал по этому поводу матери: «Браво, Золя! Я счастлив

¹⁷ Еще в 1901 году Милюков сблизился с Браудо, который, по его словам, играл «большую роль в тайных сношениях только что образовавшихся тогда социалистических партий» и «лично вел свои конспиративные дела, известные только посвященным». Браудо еще тогда помогал ссыльному Милюкову налаживать «сношения с Петербургом». Неудивительно, что впоследствии Милюков и его партия рьяно отстаивали еврейские права. – Милюков П. Н. Воспоминания. – М., Вагриус, 2001. – С. 173.

¹⁸ Василий Молодяков. Рождение «Действия» из «дела Дрейфуса». – Вопросы национализма, № 23, 2015. – С. 55.

быть свидетелем полного провала этого чудовищного заговора» (16). Несомненно, был им отмечен и новый взлет Клемансо¹⁹, и внутренняя связь указанных событий.

¹⁹ Он вообще следил за этим деятелем и даже присвоил в будущем для своей знаменитой Фултонской речи не менее знаменитую метафору Клемансо насчет «железного занавеса», которым следовало отгородиться от Советской России. С тех пор, как пишет Палм Датт, «во всем мире считают, что этот термин был изобретен гением сэра Уинстона Черчилля».

Кошелек и жизнь

Итак, Черчилль весьма рано осознал возможности, предоставляемые современному политику причастностью к еврейскому лобби, и сполна этими возможностями воспользовался, поставив от них в зависимость уровень своей жизни и карьерного успеха. Чтобы не быть голословным, приведу факты из книги Гилберта.

Прежде всего – деньги. Тут у нашего героя было на что оглянуться, чей опыт перенять. Дело в том, что работа Черчилля над книгой по истории семьи привела его на места сражений его прямого предка, известного полководца герцога Мальборо (он же Мальбрук в русском фольклоре)²⁰. И вот что всплыло в ходе исследования.

«Главным интендантом армии Мальборо во время Войны за испанское наследство (1701–1714) являлся еврей Соломон де Медина, который первым из исповедовавших иудаизм евреев Англии получил рыцарское звание. Медина снабжал Мальборо не только удовольствием, но и деньгами и важной военной информацией. Позднее Медина обвинил герцога в том, что тот получал от него 6 тысяч фунтов в год в обмен на контракты по снабжению, дав официальные показания об этом в Комиссии по счетам. Объясняясь перед комиссией, Мальборо ссылаясь на то, что подобная практика ранее всегда разрешалась генералам и главнокомандующим, поскольку расценивалась «как дополнительная привилегия», полагавшаяся им по должности» (125–126).

Сообразительный потомок учел опыт предка: ничто ведь не ново под луной. Смешивать интересы Британии со своими собственными и извлекать из этого выгоду с помощью евреев стало фирменным почерком Черчилля-политика.

Порой его собственные признания на этот счет просто поразительны. Так, он прямо писал, что Великобритания «никогда не искала никакой выгоды в Палестине. Мы более четверти века выполняли эту неблагодарную, болезненную, дорогостоящую, тяжелую, неудобную миссию, и выполняли ее весьма успешно» (318). Но так же прямо он умолчал о том, что эта миссия ему лично приносила громадные дивиденды – за счет своей страны, не имевшей в том выгоды и впрямь. Подробности будут ниже.

Все началось еще в юности, когда Уинстон осиротел, потеряв отца. Как уже упоминалось выше, близкие дому Черчиллей богатые и влиятельные евреи не оставили 21-летнего юношу на произвол судьбы. Сразу же «друг его отца сэр Эрнест Кассель предложил Черчиллю свои услуги в качестве финансового советника. Черчилль, заработавший написанием книг и статей свой первый капитал, согласился с предложением Касселя, сказав ему: «Кормите моих овец». Этим банкир и занялся. Разумно и удачно вложив заработки Черчилля в доходные бумаги, он со временем заметно преумножил его сбережения. При этом Кассель ничего не взял за свои услуги.

Когда Черчилль в 1899 году готовился к поездке в Южную Африку в качестве военного корреспондента, ему потребовалась финансовая поддержка для закупки необходимого снаряжения. Лорд Ротшильд выделил ему тогда 150 фунтов стерлингов, а Кассель – 100 фунтов. Общая сумма, поступившая Черчиллю в качестве поддержки от этих двух банкиров, равнялась годовому доходу семьи среднего класса тех лет. В 1902 году, на второй год пребывания Черчилля в парламенте, Кассель обеспечил ему участие в выпущенном японским правительством займе на сумму в 10000 фунтов (в нынешних деньгах – 500000 фунтов). Черчилль написал своему брату Джеку об этой финансовой операции: «Я надеюсь получить от этого небольшую прибыль». В 1905 году Кассель оплатил меблировку библиотеки в холостяц-

²⁰ Кстати – об этом приходится упомянуть – в работе над книгой ему помогал опять-таки еврей, профессор истории Льюис Намбер, которого одно время Черчилль даже прочил в соавторы.

кой квартире Черчилля в лондонском районе Мэйфэр. Финансовая поддержка со стороны Касселя была постоянной. Доходы от акций железной дороги «Этчисон, Топека и Санта-Фе», купленных им для Черчилля в 1907 году, позволили политику оплачивать услуги машинистки. Когда Черчилль в 1908 году женился на Клементине, Кассель подарил им на свадьбу 500 фунтов стерлингов, то есть около 25000 фунтов в пересчете на нынешние деньги» (17).

В 1906 году на летних вакациях Уинстон Черчилль отправился путешествовать по Европе. «При этом он посетил Эрнеста Касселя на его вилле в Швейцарских Альпах, Лайонеля Ротшильда, вместе с которым путешествовал по Италии, и барона де Фореста в замке Эйхштатт в Моравии. Все трое были евреями» (28). Дальновидный 32-летний политик уже в том далеком году готовил себе плацдарм, действуя по тому же алгоритму, что в разное время и Керенский, Милуков, Ленин, Клемансо...

Мы вряд ли узнаем когда-либо подробности тех встреч и бесед Черчилля на виллах его еврейских покровителей. Знаем лишь, что последовало далее. Вернувшись после каникул в Лондон, Черчилль первым делом женился. А вторым – отправился в центр еврейской диаспоры Англии, в Манчестер, где выступил с речью на митинге в поддержку Еврейского больничного фонда. Таковы были приоритеты начинающего английского политика.

В дальнейшем «в своем избирательном округе он делал периодические взносы в пользу еврейской столовой, еврейского молодежного клуба, еврейского теннисного и крикетного клуба. Газета «Таймс» описывала посещение им еврейской больницы, религиозной школы талмуд-тора и клуба еврейских рабочих, где он сказал, что «не может представить себе лучшего способа объединить еврейскую общину, чем создание подобных клубов». Черчилль добавил, что, посетив больницу и школу талмуд-тора, он был «очень тронут той работой, которую проводит там еврейская община». Он считал, что «люди могут объединиться лишь на базе какого-то основополагающего общего принципа. В этой части Манчестера евреи сохраняют дух своего народа и свою веру». Он посоветовал им сохранять и поддерживать этот дух, сказав: «Это замечательная вещь, которая объединяет вас, дарит вам вдохновение и является источником вашей силы» (29).

Было бы, разумеется, нисколько не странно, если бы с подобными целями и речами он обращался к английским обывателям, шел бы в английские больницы и школы, английские клубы и кружки, религиозные общества. Если бы об англичанах думал и заботился, помогал им деньгами. Однако не к англичанам, а именно к евреям оказались обращены заботы молодого Черчилля в начале карьеры. Впрочем, вот вопрос: на чьи деньги он помогал евреям, ведь своих-то у него еще не было? Не для того ли он и посещал летом богатых евреев, чтобы иметь возможность потом евреям же благотворительствовать, но только бедным?

Так или иначе, его опорной базой на годы стал еврейский Манчестер, его главным электоратом – еврейская диаспора. Таким был его истинный старт как политика.

Но карьерный рост Черчилля в зависимости от еврейских связей мы рассмотрим позже. А пока уместно было бы вспомнить факты извлечения Черчиллем доходов из его высоких должностей, из положения в государственной иерархии. То есть о том, что вытекало из соединения личных интересов с государственными и что у нас обычно называют коррупцией. Берясь за эту тему, надо отчетливо понимать, что взаимосвязь между решениями и их последствиями в таких делах не всегда прямая и непосредственная («утром деньги – вечером стулья») и что умные коррупционеры, как правило, не оставляют следов, извлекая доход порой весьма замысловатыми и многоходовыми комбинациями. Но положение, как говорится, обязывает и свидетельствует зачастую само за себя.

К примеру, еще в годы Первой мировой войны для производства взрывчатого вещества Великобритании в огромном количестве (тридцать тысяч тонн) потребовался ацетон, вообще отсутствовавший на рынке. Государство готово было платить за него сполна, не торгуясь, только бы было предложение. Кому же первый лорд адмиралтейства Уинстон Чер-

чилль поручил его изготовление, с кем заключил контракт? Этим счастливец оказался руководитель Еврейского агентства, главный идеолог и лоббист сионизма в мировом масштабе Хаим Вейцман. Впоследствии он вспоминал: «Я получил карт-бланш от Черчилля и от порохового отдела адмиралтейства и взялся за работу, потребовавшую от меня всей моей энергии в течение последующих двух лет, работу, которая привела к последствиям, которых я не мог даже представить себе». Гилберт комментирует: «Одним из таких последствий явилось сотрудничество Х. Вейцмана с преемником Черчилля на посту первого лорда адмиралтейства Артуром Бальфуrom. Вейцману удалось убедить Бальфура поддержать идею создания еврейского национального очага в Палестине, которую можно было бы осуществить после поражения Турции в Первой мировой войне» (40–41).

Оставим пока в стороне политическую составляющую сделки, хотя запомним взаимную связь трех имен. Но пусть читатель оценит: Вейцман фактически получил из рук Черчилля монополию на производство ацетона в масштабах всей империи. Можно себе представить, какую сказочную прибыль приносят подобные контракты!

Закулисный союз, сложившийся в результате между Черчиллем, Вейцманом и Бальфуrom, еще не раз выражался в финансовых и деловых соглашениях. Например:

«В бытность Черчилля министром финансов Х. Вейцман обратился к британскому кабинету с просьбой предоставить правительственные гарантии займу, предназначенному для целей экономического развития Палестины... Заем, объяснял Вейцман, «требовался лишь для единственной цели – создания благоприятных возможностей для создания еврейских поселений в Палестине, как предполагалось условиями британского мандата».

Лорд Бальфур, являвшийся автором Декларации Бальфура и лордом-президентом Тайного правительственного совета Его Величества, в качестве старшего члена кабинета поддерживал проект предоставления займа. Перед обсуждением этого вопроса в кабинете министров он устроил встречу Черчилля и Вейцмана в своем лондонском доме» (115–116).

Важное свидетельство предварительного сговора единомышленников! Дух огромных денег все время веял вокруг этого небольшого слаженного сообщества из трех человек.

Как министр финансов, хорошо осведомленный о первостепенных потребностях страны, Черчилль, конечно, должен был бы воспротивиться уходу денег «на сторону». Тем не менее он, как и участвовавший в сговоре Бальфур, поддержал на заседании кабинета идею займа. Как ни странно, патриотичный кабинет отверг этот план, Бальфур и Черчилль остались в меньшинстве, заем не состоялся. Что обещал им Вейцман и чего они лишились, помимо репутационных издержек, отважно выступив вразрез позиции собственного кабинета, мы, конечно, не узнаем. Но о том, что Черчилль вступил в должность министра финансов Великобритании, уже подготовленный к совместному с евреями ведению личного бизнеса, нам достоверно известно.

Дело в том, что, когда в 1922 году правительство Ллойда Джорджа потерпело поражение, Черчилль на пару лет лишился и реальной власти, и парламентского кресла. Его попытка вернуться в палату общин, где он заседал уже почти два десятка лет, оказалась безуспешной. На этот раз его репутация юдофила сработала не за, а против него: избираться пришлось в округе Западный Лестер, а не в Манчестере или Данди, и где бы Черчилль ни пытался выступать, «он постоянно сталкивался с обвинениями в том, что во время войны он оказывал покровительство богатым евреям-бизнесменам, позволяя им получать незаконные доходы. Это обвинение... получило весьма широкое распространение» (112). Как видно, эксклюзивный подряд на ацетон, выданный Вейцману, был далеко не единственным благодеянием такого рода. Конечно, как у нас говорят, не пойман – не вор, за руку Черчилля никому схватить не удавалось, но ведь и дыма без огня не бывает.

Итак, Черчилль временно утратил былые возможности лоббиста. Но те, кому он так рьяно споспешествовал в минувшие годы, не дали ему пропасть.

«Видный представитель еврейской общины в Великобритании сэра Роберт Уэйли Коэн попросил его стать посредником на переговорах с британским правительством о слиянии двух его частных нефтяных компаний с Англо-Персидской нефтяной компанией, в которой держателем большинства акций являлось британское правительство...

Черчилль согласился представлять компании Коэна на переговорах с британским правительством. За свое посредничество он получил 5000 фунтов – сумму, эквивалентную годовой зарплате члена кабинета министров. Черчилль признавался своей жене, что когда он попытался узнать у своего бывшего личного секретаря в адмиралтействе сэра Джеймса Мастертона-Смита, допустимо ли ему выступать на таких переговорах в качестве посредника, то Мастертон-Смит «посоветовал ему быть крайне осторожным в этом вопросе по веским политическим причинам». Однако Черчилль, который недавно приобрел поместье Чартуэлл в графстве Кент (откуда деньги? – А. С.), остро нуждался в деньгах для осуществления дорогостоящей перестройки своего нового дома. Поэтому он обратился по этому вопросу непосредственно к премьер-министру Стэнли Болдуину, попросив его не возражать против объединения компаний. При этом Черчилль не желал предавать огласке свое обращение к премьеру. Он писал Клементине: «Я проник в резиденцию премьера на Даунинг-стрит, войдя через основной вход Министерства финансов, чтобы избежать комментариев. Это очень позабавило Болдуина».

Однако все прошло гладко. «Мой разговор с премьером был весьма благоприятным, – сказал Черчилль Клементине. – Он полностью поддержал проект соглашения об объединении компаний исходя из представленных условий. Он говорил об этом так, что можно было вообще подумать, что я разговариваю не с ним, а с самим Коэном. Я уверен, что все получится». В своих воспоминаниях Черчилль написал, что на этой встрече Болдуин сказал ему, что «нынешнее положение и перспективы дальнейшего существования Англо-Персидской компании внушают ему беспокойство, поэтому он отнюдь не возражает против уменьшения доли правительства в компании. К тому же он в принципе выступает против участия британского правительства в нефтяном бизнесе, исходя из общеполитических и экономических соображений. В этой связи ему представляется целесообразной продажа принадлежащих правительству акций компании частным инвесторам, и он полагает, что сумма в двадцать миллионов была бы хорошей ценой, которую можно было бы выручить за эти акции» (116).

Как приятно, должно быть, обсуждать на таком уровне подобные круглые цифры! Интересно, какова была цена этого вопроса, решенного келейно? Что Черчилль пообещал Болдуину с подачи Коэна? И что в действительности рассчитывал получить (получил?) сам помимо пяти тысяч фунтов, несообразно малых на фоне таких цифр?

Впрочем, в это время перед Черчиллем забрезжили новые, более важные возможности, и он уведомил Коэна, что вынужден-де отказаться от своей деятельности по слиянию компаний, потому что собирается «вернуться к общественной жизни». Вскоре Черчилль вернулся-таки в парламент от округа Эппинг, после чего Болдуин немедленно назначил его – кем бы вы думали? – министром финансов. Таким стал во всей этой ситуации его личный итог, его главный приз со всеми вытекающими из высокого назначения последствиями. А, кстати, 5000-то ведь он уже получил и дело сделал, договоренности достиг. Это ли не коррупция? На новом посту Черчилль продолжал мирволить евреям, как о том нам красноречиво рассказала история с займом для сиониста Вейцмана.

Поскольку Черчилль преданно оказывал большие и малые услуги евреям на протяжении всей своей жизни, служа не за страх, а за совесть, то и дивиденды за это ему приходили всю жизнь²¹. Уже 78-летним, «осенью 1952 года, через шестьдесят лет после своей пер-

²¹ Известность Черчилля не только в английских, но и в международных еврейских кругах уже к началу Первой мировой войны была весьма велика и обеспечивала ему симпатии. В частности, об этом говорит такой эпизод. «В его дивиденды за это ему приходили всю жизнь»²¹.

вой встречи с первым лордом Ротшильдом, Черчилль познакомился с другим членом семьи Ротшильдов – майором Эдмундом де Ротшильдом. Это произошло после того, как Джозеф Смолвуд, премьер-министр Ньюфаундленда, предложил Черчиллю реализовать план использования энергии Великих водопадов высотой 245 футов для создания там источника энергии не только для Восточной Канады, но и для всего восточного побережья Северной Америки. Черчилль, который за тридцать лет до этого поддержал своим политическим авторитетом сионистский проект электрификации в Палестине, в поисках источников финансирования этого грандиозного проекта обратился в банк Ротшильдов в лондонском Сити «Н. М. Ротшильд и сыновья» – в банк, который он впервые посетил более полу столетия назад. Один из партнеров банка, Эдмунд де Ротшильд, воевавший во время войны во Франции, в Северной Африке и Италии, взялся организовать финансирование проекта, учредив для этого специальную холдинговую компанию «Бринко».

Три года спустя, уйдя в отставку с поста премьер-министра, Черчилль приобрел пакет акций «Бринко». Именно Эдмунд де Ротшильд – «мистер Эдди», как его называли в банке, постоянно информировал его о продвижении работ над проектом. После смерти Черчилля Джозеф Смолвуд и Эдмунд де Ротшильд, вместе явившиеся на похороны, чтобы почтить память Черчилля, стоя у его гроба в Вестминстерском аббатстве, решили переименовать Великие водопады в водопады Черчилля. «Они носят это имя и сегодня, – писал позднее Эдмунд де Ротшильд, – вырабатывая все свои 5255 миллионов киловатт!» (348).

Что ж, Черчилль сделал поистине хорошее вложение. Но, конечно, не только тогда, когда под конец жизни купил пакет акций «Бринко», а напротив, в начале жизни, когда сделал главную ставку на евреев. И это касается не только его политической и финансовой биографии, но и личной, и творческой.

Однажды, за пару лет до Второй мировой войны, Черчилль написал статью на важную для него тему: должны ли евреи, где бы они ни жили, искать возможности самим бороться с преследованием немецких евреев властями Германии, или они должны предоставить это дело правительствам стран, в которых они живут. (Политик идейно укреплял позицию по защите евреев от Гитлера.) Статья имела резонанс.

С этого момента он был включен в весьма эффективный литературно-коммерческий проект, приносивший ему немалые дивиденды до конца дней, а его семье и после того. Ибо с Черчиллем начал активно сотрудничать предприимчивый и оборотистый литературный агент, венгерский еврей Имре Ревеш, впоследствии известный под именем Эмери Ривз. Ривз, чья семья была расстреляна вместе с более чем 1200 другими евреями в оккупированной венграми части Югославии, сотрудничал с Черчиллем не за страх, а за совесть и почитал это за честь. Но и об обоюдной выгоде при этом отнюдь не забывал.

«В начале 1930-х годов Ривз создал в Берлине специальное литературное агентство для распространения в прессе статей ведущих европейских демократических политиков. С приходом Гитлера к власти Ривз был вынужден перевести свое агентство в Париж. Там он снова начал расширять число публикуемых им антинацистски настроенных авторов. 25 февраля 1937 года Черчилль и Ривз впервые встретились в Лондоне, и Черчилль согласился предоставить Ривзу исключительные права на публикацию своих статей, «представляющих международный интерес», за пределами Британской империи и Северной Америки.

Ривз брал на себя организацию переводов и, где возможно, одновременную публикацию статей во всех европейских странах. Ривз должен был платить Черчиллю 60 про-

зии переводчиком с французского языка работал тридцатилетний лейтенант-еврей Эмиль Герцог, впоследствии ставший известным как писатель Андре Моруа... Позже Моруа писал: «Я не смею надеяться, что он заметил какого-то безвестного француза, который лишь смотрел на него с немим восхищением» (42–43). Должен пояснить: для нас это непривычно и нелогично, но во Франции французом традиционно называют любого гражданина этой страны, отчего порой возникают нелепые недоразумения.

центов выручки за каждую проданную статью с гарантированным минимумом в 25 фунтов. Обычно он помещал статьи Черчилля каждые две недели в двадцати пяти европейских странах, в том числе в газетах, выходящих в семнадцати европейских столицах: Париже, Копенгагене, Стокгольме, Брюсселе, Люксембурге, Осло, Хельсинки, Риге, Таллине, Праге, Вене, Варшаве, Каунасе, Афинах, Белграде, Бухаресте и Будапеште. Статьи Черчилля регулярно публиковались также в выходивших на идиш газетах в Варшаве, Вильнюсе и Каунасе, давая возможность трем крупнейшим еврейским общинам Восточной Европы выслушивать предостережения Черчилля. Ривз также помещал его статьи в двух выходящих в Палестине газетах – тель-авивской газете на иврите «Гаарец» и иерусалимской англоязычной «Палестайн пост» (177–178).

Подсчитал: у меня получилось как минимум 1250 фунтов в месяц – очень большие деньги по тем временам. Ривз знал свое дело.

По окончании Второй мировой войны после поражения на выборах Черчилль официально возглавил оппозицию, но лишь изредка посещал заседания палаты. Теперь он в основном занимался литературной деятельностью, заключив ряд крупных контрактов с периодическими изданиями – такими, как журнал «Life», газеты «The Daily Telegraph» и «The New York Times», – и рядом ведущих издательств. Работа над военными мемуарами частенько шла на юге Франции в имении все того же Эмери Ривза, и Ривз вел переговоры о продаже прав на их издание в Соединенных Штатах. При этом ловкий агент «не только обеспечил Черчиллю поступление значительного аванса от американских издателей, но и сумел продать мемуары тринадцати европейским издательствам и израильскому издательству в Тель-Авиве, выпустившему эту книгу в переводе на иврит. Шесть томов, озаглавленных «Вторая мировая война», были сосредоточены на проблемах британской политики, борьбе вооруженных сил Великобритании и рассказывали о том, как Черчилль руководил войной» (332). Это уже были совсем другие деньги...

Результат поражает воображение. Сам Черчилль однажды в ответ на предложение одного из издателей передать ему право издания книги, которую пишет, заявил: «Я не пишу книгу, я делаю состояние». Амбициозное издание стало для него настоящим предприятием, в котором он использовал множество людей: военно-морских, военных и военно-воздушных экспертов, ученых, историков, литераторов, делавших огромную работу: отбор материала, проверку фактов, подготовку справок. Кроме них, на Черчилля в две смены по восемь часов работала группа подготовленных секретарей. А сверх того, пользуясь возможностью войти в историю, Черчиллю охотно помогали своими воспоминаниями по частным поводам бывшие военные, политические деятели и бизнесмены, причастные к военным событиям.

Тем временем Ривз провел беспрецедентную пиар-кампанию. В результате Черчилль получил на руки уникальное произведение, спрос на который превысил самые смелые расчеты и надежды. Все крупнейшие англоязычные (и не только) журналы конкурировали за право первыми опубликовать главы этого труда по мере их написания. Как пишут, один только журнал «Лайф» (США) заплатил за такое право около 2 миллионов долларов. Однако ведь и многие другие журналы публиковали черчиллевскую историю войны, а в ряде стран этот массивный шеститомник выходил отдельными изданиями в течение долгих лет. Ну и, кроме всего этого, Черчилль получил Нобелевскую премию прежде всего за эту свою историю. Неудивительно, что газета «Санди таймс» итожила в 1965 году: «Очень немногие авторы в двадцатом столетии получили больше денег от своих книг, чем Черчилль».

Перед нами, конечно, показательный факт: судьбу своего главного литературного детища Черчилль смело вручил еврею (как в годы войны вручил еврею охрану своей жизни). Знал, что может вполне довериться и рассчитывать на лучшие условия, на максимальный профит. Это был точный расчет матерого дельца от политики. Ведь Ривз, как и некогда Вик-

тор Ротшильд, был не случайной фигурой, его отношение к Черчиллю было искренне наилучшим.

Факт прямой зависимости материального благосостояния Уинстона Черчилля от многих евреев с разными, в том числе очень большими, финансовыми возможностями – неоспорим. Этого одного было бы достаточно, чтобы ответить на вопрос об истинных мотивах его политической деятельности. Но в неменьшей степени от евреев зависела, помимо кошелька, также и карьера английского политика.

В Вестминстер через Манчестер

Еще во время военной службы в Индии в 1897 году «Черчилль мечтал найти газету, которая согласилась бы печатать его военные корреспонденции. «Лорд Ротшильд мог бы устроить это для меня, – писал он матери, – потому что он знаком со всеми». По возвращении из Индии весной 1899 года, желая начать политическую карьеру, он вновь рассчитывал на помощь Ротшильда. Во время приема в лондонском доме лорда Ротшильда он с радостью заметил, что другой гость банкира, министр финансов А. Дж. Бальфур «очень вежлив со мной – и мне кажется, что он согласен с тем, что я говорю, ведь он внимательно слушал все, что я говорил» (16).

Отметим про себя этот факт, ведь ясно, что сложившаяся в тот год триада «Ротшильд – Черчилль – Бальфур» со временем, как мы помним, легко преобразуется в триаду «Черчилль – Бальфур – Вейцман». Спайка Черчилля с Бальфуром, так же, как и он, зависимым от евреев, состоялась еще задолго до событий, начавших определять судьбы мира после Первой мировой войны. Это имело важные последствия.

Светские знакомства Черчилля вообще со временем будут конвертированы в политические связи, об эффективности которых позволяет судить пунктир его назначений: с декабря 1905 года он занимает пост заместителя министра по делам колоний, в апреле 1908 года министра торговли и промышленности, в феврале 1910 года министра внутренних дел, с октября 1911 года он первый лорд адмиралтейства, в июле 1917 года министр вооружений, а в январе 1919 года – военный министр и министр авиации.

Бытует мнение, что Черчилль вошел в политику благодаря своим личным достоинствам: военному мужеству и таланту публициста. И действительно, впервые он попал в парламент от округа Олдхем, населенного текстильными рабочими, проголосовавшими за него как за молодого героя Верхнего Нила и просторов Судана, за автора книги «Речная война». Тогда Черчилль занял позицию в стане консерваторов, партии тори.

Конечно, отрицать личные достоинства этого трудоспособного, волевого и талантливого человека не приходится. Но всего подобного, как мы знаем из множества примеров, недостаточно для карьерного взлета. Он должен был на кого-то опираться, кто-то должен был подставить ему плечо, снабдить средствами, которых у обедневшего потомка герцогов Мальборо не было, дать публичную высокую трибуну, обеспечить «паблик рилейшенз». Без мощной поддержки Черчилль в дальнейшем не занимал бы высокие министерские посты и не был дважды премьер-министром Великобритании...

Как ему удалось выйти на эту орбиту? Сам ли он совершил это или кто-то помог ему подняться? Такое не делается в одиночку: политика – это командная игра. И работяги из Олдхема не многое могли в этом плане, они не обеспечивали перспективу.

Выход нашелся. Черчилль недолго пробыл консерватором, уже к 1904 году он, взвесив шансы, перешел в лагерь либеральной партии. «Тогда его консервативные избиратели из Олдхема объявили, что больше не будут его поддерживать. Нуждаясь в приобретении нового, либерально настроенного электората, он принял предложение баллотироваться от округа Северо-Западного Манчестера, где треть избирателей составляли евреи» (20). И это оказался верный шаг, он вновь стал депутатом.

Как покажет будущее, Черчилль в принципе не владел подходом к сердцам простого английского большинства, не зная и зная не желая его нужд и чаяний, не обращаясь к его заветным интересам. (Характерное признание сделала Клементина, супруга Черчилля, заявившая лорду Чарльзу Морану в апреле 1945 г., что «Уинстон всегда смотрел на мир как бы в шорах... Он ничего не знает о жизни простых людей. Он никогда не ездил в автобусе и только один раз был в метро».) Он предпочел игру на другом поле и нашел оригинальный и

бесприигрышный вариант в смысле электоральной базы. Он поставил на евреев. Для начала даже не всемирных, или хотя бы великобританских, или хотя бы лондонских, а всего лишь — манчестерских, густо населявших этот небольшой пригород столицы. Но ему этого хватило на первый раз. А уж в дальнейшем подключились и силы иного масштаба.

Как уже рассказывалось, в Манчестере Черчилль посещал подряд различные еврейские организации и благотворительствовал, что называется, направо и налево. И это не осталось незамеченным. От Черчилля стали ждать более серьезных дел. Так на деле началась история его возвышения — и одновременно его история как самого главного защитника еврейских интересов в Англии, а может быть, и во всем мире.

* * *

«Вскоре Черчилля пригласили в Манчестер для выступления по поводу вопроса общенационального значения: проекта закона об иностранцах, внесенного в парламент правительством консерваторов. Этот закон имел целью сократить приток еврейских иммигрантов из царской России, бежавших от преследований и нищеты. Одним из главных сторонников Черчилля в манчестерском отделении либеральной партии был Натан Ласки, президент Старой еврейской конгрегации Манчестера и руководитель еврейской больницы Манчестера. Он всячески поддерживал кандидатуру Черчилля в качестве нового парламентария от Манчестера, считая это абсолютно необходимым и неотложным для того, чтобы предотвратить прохождение в парламенте закона об иностранцах, ущемлявшего интересы прежде всего иммигрантов-евреев.

В мае 1904 года Натан Ласки представил Черчиллю материалы и документы по поводу закона об иностранцах. Эти материалы включали и официальную иммиграционную статистику. На основе этих материалов Черчилль подготовил детальный критический обзор предлагавшегося правительством законопроекта. Он отправил его и самому Ласки и опубликовал в виде открытого письма в газетах...

Натан Ласки писал Черчиллю из Манчестера: «Благодарю вас за блестящее письмо, полученное сегодня утром. Вы заслужили благодарность еврейской общины не только Манчестера, но и всей страны». 31 мая 1904 года, в день, когда письмо Черчилля с критикой антисемитизма было опубликовано, он формально вышел из рядов консервативной партии и присоединился к либеральной оппозиции» (20–23).

Точнее сказать, отступил на заранее подготовленные позиции. Выбор на всю жизнь был сделан, жребий брошен (не в отношении партийности, конечно, которую Черчилль легко менял не раз, исходя из конъюнктуры). Случайного в этом выборе не было, думается, ничего. Не зря газета «Сан» подчеркивала, что Черчилль противодействовал законопроекту по прямому указанию лорда Ротшильда. Это обвинение основывалось на заметке в еврейской «Джуиш кроникл», где рассказывалось о митинге в Манчестере, на котором «мистер Натан Ласки сказал, что он беседовал с мистером Уинстоном Черчиллем, встречавшимся с лордом Ротшильдом по поводу законопроекта об иностранцах. В результате этой встречи мистер Черчилль возглавил противодействие законопроекту в Большом комитете парламента» (23). Майор Вильям Эванс-Гордон, один из тех членов Большого комитета, которые противились еврейской иммиграции, заявил, что Черчилль «верно следовал инструкциям, полученным от той группы людей, по поручению которых он действовал» (23–24).

После такой публичной рекомендации рассчитывать на победу где-либо, кроме Манчестера, уже не приходилось. Но не в характере Черчилля было отступать. Разумеется, он объявил все эти нападки клеветой и удвоил усилия по критике законопроекта, который, как он уверял, препятствует прибытию в Великобританию «честных, но бедных людей». В резуль-

тате, «чтобы не попасть в неловкую ситуацию, правительство было вынуждено вообще снять законопроект с обсуждения. Поддержав евреев, Черчилль победил» (24).

Черчилль победил, зато Англия проиграла. В начале XX века проблема с цветными иммигрантами еще не стояла так остро, как в конце столетия. А вот с иммигрантами-евреями – уже стояла. Черчилль определился в этом вопросе сразу и навсегда и был последователен. Задыхаясь сегодня от наплыва инородцев-иммигрантов со всего мира, англичане должны знать, кого за это благодарить²².

Ну, а в те дни благодарить Черчилля должны были, вне всякого сомнения, евреи, особенно приехавшие из России, беспрепятственный въезд которых в Великобританию он так энергично поддерживал. Кстати, на митинге в Манчестере по поводу еврейских погромов в России, где Черчилль стал главным оратором, «среди присутствовавших был химик и активный сионист доктор Хаим Вейцман, родившийся на территории царской России и лишь за год до этого переехавший в Великобританию из Женевы». Так начались отношения, прервать которые смогла только смерть.

Поведение Черчилля в парламенте, где он умудрился восстановить против себя не только консерваторов, от коих переметнулся к либералам, но и своих новых соратников либералов, противодействуя их согласованным инициативам, не осталось незамеченным английским обществом. И это общество ясно дало ему понять, какого оно мнения об этом его политическом поведении. Получив в апреле 1908 года пост президента Торговой палаты, Черчилль был обязан – таковы правила – пройти через переизбрание в парламент. И вот в том самом Манчестерском округе, где он недавно с триумфом победил, его неожиданно «прокатали» избиратели, и Черчилль потерял депутатское кресло.

В чем дело? Что случилось? Неужели евреи, чьи интересы он так рьяно защищал, отвернулись и предали своего благодетеля? Нет, ни в коем случае. Один из лидеров манчестерской еврейской общины, Джозеф Дальберг, написал Черчиллю после поражения: «Утешением для меня служит то, что я сделал все, что мог, для вашего успеха, и в том, что касается ваших еврейских избирателей, вы не должны были быть разочарованы. Если бы другие группы избирателей так же сплотились вокруг вас, вы бы выиграли с большим перевесом. Согласно нашим подсчетам, на вашей стороне было не менее 95 процентов еврейских избирателей» (34). Нет, дело-то как раз в том, что своей проеврейской позицией Черчилль настолько отличился и прославился, что совершенно осточертел остальным двум третям избирателей и резко оттолкнул всех неевреев, которые не захотели дольше терпеть еврейского агента, политика-юдофила, и дружно восстали в небывалом единении, чтобы не дать ему победить.

Теперь ему пришлось искать для новой попытки выборов отдаленнейший избирательный округ, где его либо совсем не знали, либо знали понаслышке с хорошей стороны лишь как героя войны и бойкого военного журналиста. Такой округ (Данди) нашелся почти в другой, можно сказать, стране – в Шотландии...

²² Парадокс в том, что вскоре проект закона об иностранцах, также ограничительного характера, был внесен уже правительством либералов. И был принят, несмотря на все противодействие, которое пытался оказать Черчилль этому, по его словам, «глупому законодательному акту», и на «горькое разочарование» еврейской общины. Черчилль оказался в еврейском вопросе либеральнее либералов, своих однопартийцев, пойдя таким образом сразу против двух главных партий своей страны. То есть против самой Англии, по сути дела. В первый, но далеко не последний раз.

«Тигры сионизма», Черчилль и еврейское лобби

Итак, Черчилль снова в парламенте – и снова на страже еврейских интересов. И вскоре ему пришлось защищать их всей силой государства, ибо он был в 1910 году, несмотря на молодость и неопытность, назначен министром внутренних дел (закулисная история этого ни с чем не сообразного назначения мне неизвестна, увы), сосредоточив в своих руках огромную власть. А как раз уже в 1911 году, в августе, в Англии разразился еврейский погром, первый в ее новейшей истории. И «разруливать» ситуацию довелось сэру Уинстону. Но об этом эпизоде биографии Черчилля я расскажу в свое время. А пока – новые этапы карьеры нашего героя.

Вкратце назову некоторые его высокие должности, разительно не соответствовавшие ни опыту, ни способностям. В 1905–1911 годах он последовательно являлся заместителем министра колоний, министром торговли, министром внутренних дел (кстати, в этом качестве Черчилль предоставил Хаиму Вейцману британское гражданство), наконец, военноморским министром (1911–1915). Но тут его ждал скандальный провал с т. н. Дарданелльской операцией, после которого карьера оказалась на два года прервана.

В 1917 году Ллойд Джордж вернул Черчилля из политического небытия, предложив ввести его в состав коалиционного правительства, и в 1918–1922 годах сэр Уинстон возглавлял военное и авиационное министерства. В этот период жизни ему приходилось тесно сотрудничать со многими еврейскими дельцами и политиками (что зачастую одно и то же). «Одним из тех, с кем Черчилль работал вместе в своем новом министерстве, был сэр Альберт Стерн, генеральный директор Управления по производству танков и убежденный сионист. Другим ведущим сотрудником Министерства вооружений был эксперт в области взрывчатых веществ полковник Фредерик Натан, еврей по национальности. Под его началом работал Хаим Вейцман» (43). Но самое главное, в качестве члена кабинета министров Черчилль в 1921–1922 годах отвечал за разработку статуса еврейского национального очага в Палестине. Сегодня, по прошествии почти ста лет, основное содержание его деятельности той поры историк может усмотреть именно в этом.

Как и в первый раз, когда избиратель «прокатил» Черчилля на выборах из-за его подчеркнутого филосемитизма, в 1923 году англичане снова не захотели видеть в парламенте открытого лоббиста еврейских интересов. Его попытка баллотироваться в парламент от округа Западный Лестер провалилась. Одним из ярких противников Черчилля был поэт лорд Альфред Дуглас, который читал по всей Англии публичные лекции, рассказывая о связях Черчилля с еврейскими, как сказали бы теперь, олигархами. Особенным успехом пользовался рассказ о том, как «в результате тайного плана, разработанного богатыми британскими евреями во главе с сэром Эрнестом Касселем, сразу после Ютландской битвы в 1916 году британское адмиралтейство, возглавлявшееся тогда Артуром Бальфуrom, издало официальное коммюнике, в котором говорилось, что сражение было тяжелой неудачей для Великобритании. Удручающий тон коммюнике оказал непосредственное влияние на курс британских акций на Нью-Йоркской бирже, который резко упал. Воспользовавшись этим, еврейские заговорщики тут же скупили эти акции по бросовой цене. Затем Черчилль, действовавший в сговоре с евреями и с тем же Бальфуrom, издал другое коммюнике. В нем говорилось, что сражение оказалось гораздо более успешным для Великобритании, чем считалось ранее. Акции сразу же поднялись до нового высокого уровня. Заговорщики немедленно продали их, получив в результате огромную прибыль. Согласно Дугласу, еврейские финансисты выплатили за это Черчиллю 40 000 фунтов», что эквивалентно более чем миллиону фунтов в 2006 году.

Будучи допрошен по данному поводу в суде, Черчилль на вопрос, имело ли «второе коммунике адмиралтейства» какое-то «отношение к манипуляциям акциями на какой-либо бирже в мире?», не моргнув глазом отвечал: «Эта мысль никогда не приходила мне в голову». Затем его спросили: «Получили ли вы от этого какой-либо доход?». На это он, естественно, ответил: «Нет» (112–113). А что еще он мог сказать?!

Ну, на «нет» и суда нет. Доказать свое обвинение Дугласу не удалось, ведь его противники были не так глупы, чтоб оставлять следы... Однако он опубликовал текст своей обвинительной речи в виде брошюры, не меньше 30000 экземпляров которой разошлись по Лондону. Взбешенный Черчилль подал на него в суд, куда явился сам и привел своего старого надежного товарища и партнера лорда Бальфура в качестве свидетеля. Участие такого тяжеловеса (Бальфур в общей сложности провел пятьдесят лет на английском политическом Олимпе, а накануне суда занимал пост лорда-председателя Совета) решило дело: Дуглас был признан виновным. Это была показательная расправа. Однако свое место в парламенте от округа Данди, где ему некогда доверились шотландские избиратели, Черчилль все же потерял, а затем потерпел поражение и в Лестере. Англичанам был не нужен известный еврейский лоббист в высшем представительном органе страны. Оставшись не у дел, Черчилль занялся живописью и литературным творчеством.

В 1924 году, поправив репутацию за счет литературной известности, он все же вернулся в парламент от маленького округа Эппинг (графство Эссекс), знаменитого своим маслом и колбасами. Возвратившись при этом как ни в чем не бывало в партию консерваторов, он был назначен в правительстве Стэнли Болдуина канцлером казначейства, где и пребывал с 1924 по 1929 годы, доведя страну до массовой безработицы и экономического спада. (О некоторых обстоятельствах его дружбы с Болдуином см. выше.) После чего ему долгое время уже никаких должностей не доверяли, и с 1931 года по роковой сентябрь 1939 года Черчилль был всего лишь рядовым членом парламента, основную деятельность посвятив устным и письменным выступлениям, работе над статьями и книгами.

Однако на деле затишье было мнимым. Именно на протяжении 1930-х годов, когда мир шаг за шагом продвигался к новым глобальным потрясениям, Черчилль отнюдь не сидел сложа руки, а напряженно и целенаправленно готовился к важнейшей миссии в своей жизни. Естественно, все это было связано с евреями, с их положением в Европе и на Ближнем Востоке. Подробнее об этом будет рассказано в своем месте. А здесь я должен привести лишь один эпизод, но очень выразительный, который рисует те установки, что двигали Черчиллем и направляли его энергию и общественный темперамент.

8 июня 1937 года сэром Арчибалдом Синклером (политик, лидер либералов, крупнейший землевладелец, тесно сотрудничавший с Гербертом Самуэлем и Уинстоном Черчиллем) была организована встреча Хаима Вейцмана с рядом парламентариев, евреев и неевреев, поддерживавших сионизм. Такими, как уже известный нам Лео Эмери, лидер лейбористской партии Клемент Эттли (в 1945 году он сменит Черчилля на посту премьера), полковник Джозайа Веджвуд и капитан Виктор Казалет. На встрече присутствовали также Черчилль и Джеймс де Ротшильд. Обращаясь к Вейцману, Черчилль дал удивительный обет, указывая на присутствующих: «Если вы попросите нас сражаться за вас, мы будем драться, как тигры» (156).

Вот удивительное дело: откуда в Англии взялись эти «тигры»?! Что за патология в стране, казалось бы, победившего английского национализма, стране – наследнице королевы Виктории, Киплинга и расового идеолога Хьюстона Чемберлена, на сочинениях которого вырос Гитлер?

Названные гости Синклера были представителями парламентской оппозиции. Со временем к ним присоединятся вожди рабочей партии Гринвуд и Моррисон (в будущем вице-премьер при Эттли), а также оппозиционер-консерватор Дафф Купер, пламенный побор-

ник сионизма, сторонник создания еврейского государства, и другие лица. Вот такими «тиграми» Черчилль угощал Вейцмана, гарантируя ему поддержку! Не в одиночку боролся он за еврейские права и интересы, но действовал в комплоте с влиятельными лицами и под внимательным приглядом Ротшильда. И этот комплот, незримый для электората Британии, существовал при полном взаимопонимании обеих главных партий Англии, как правящей, так и оппозиционной.

Впрочем, он не ослаблял и личных усилий. К примеру, накануне обсуждения в палате общин «Белой книги», изданной правительством в мае 1939 года с целью ограничить приезд евреев в Палестину, где разгорался еврейско-арабский конфликт, Черчилль пригласил Хаима Вейцмана на ланч в свою лондонскую квартиру. «В своих мемуарах Вейцман вспоминал, как Черчилль «вынул из кармана пачку маленьких карточек и прочитал нам свою речь; затем он спросил меня, могу ли я предложить какие-нибудь поправки» (200). В своей речи Черчилль, конечно же, протестовал против «Белой книги», именуя ее издание «постыдным актом». И консультация с Вейцманом как высшей инстанцией была неслучайной. Сам факт обращения Черчилля к главному еврею-сионисту за одобрением, за апробацией – очень о многом говорит. Главный еврей должен был получить новое свидетельство того, что Черчилль делает для евреев все, что в его силах. Черчилль лишний раз присягнул евреям на верность.

Характерной была ответная реакция: «Ваша великолепная речь способна разрушить эту политику правительства, – телеграфировал Черчиллю доктор Вейцман в день выступления Черчилля в парламенте. – У меня нет слов, чтобы выразить вам свою благодарность». Натан Ласки писал Черчиллю из Манчестера: «Позвольте поздравить вас с великой речью государственного значения, произнесенной вчера по вопросу о Палестине. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что вас благословят за это миллионы евреев во всем мире». Эта речь произвела на сионистских лидеров такое впечатление, что впоследствии Британская ассоциация за создание национального еврейского очага в Палестине напечатала ее отдельной брошюрой.

Удивительно ли, в таком контексте, что евреи преисполнились волей вернуть своего самого надежного защитника к вершинам власти! Первый раз они ввели Черчилля во власть, как мы помним, еще до Первой мировой войны. И сейчас они снова сделали это, и с успехом, умело, при этом очень ловко манипулируя общественным мнением, готовя его к новому взлету карьеры своего героя. Вот как повествует об этом Гилберт в своей книге.

«В то время как Чемберлен и его ближайшее окружение не хотели впускать Черчилля в свой круг, все большая и большая часть британской публики призывала дать ему место в правительстве. Это требование было выражено в феврале и марте 1939 года в журнале «Пикчер пост», в двух номерах подряд призывавшем к возвращению Черчилля в правительство. Статьи были иллюстрированы фотографиями Черчилля в Чартуэлле, его доме, ставшем местом его своеобразного изгнания, где он был запечатлен работающим, кладущим кирпичи, читающим – в ожидании, пока его наконец позовут (то-то умилились английские обыватели! – А. С.).

Появление этих статей было во многим заслугой обладавшего даром предвидения издателя «Пикчер пост» Стефана Лорана, венгерского еврея, который в 1919 году в возрасте восемнадцати лет бежал из пропитанной антисемитской атмосферой страны...

Лоран с фотографом журнала провел в Чартуэлле целый день, беседуя с Черчиллем и собирая необходимый ему материал, чтобы как можно лучше подготовить призыв к возвращению Черчилля в правительство, который он собирался разместить на страницах «Пикчер пост». Два номера «Пикчер пост», последовавших за визитом Лорана в Чартуэлл, обозначили поворотный пункт в общественном восприятии Черчилля как человека, знания и опыт которого не используются. Первая статья, написанная Генри Уикхемом Стидом, бывшим

главным редактором «Таймс» и членом Антинацистской лиги, была опубликована 25 февраля 1939 года и озаглавлена так: «Величайший момент в его жизни еще придет?» (196–197).

И что бы вы думали? Этот момент действительно пришел! 10 мая 1940 года Черчилль становится главой национального правительства и одновременно министром обороны, лидером палаты общин, а с конца года – и лидером консервативной партии, сосредоточив в своих руках все главные рычаги управления всей Великобританией. Такой власти не имел никто и никогда в Англии после королевы Елизаветы Тюдор, даже Дизраэли. «Тигры Вейцмана» взяли верх в стране²³.

²³ Характерная деталь: «В представительстве Еврейского агентства в Лондоне профессор истории Льюис Намбер, с которым Черчилль восемь лет назад консультировался по поводу биографии герцога Мальборо, собирал разнообразные отклики евреев, воодушевленных новым возвышением Черчилля» (216). Еще бы! Это был час их торжества, их победы.

До самой смерти

О том, чем была для Черчилля Вторая мировая война, какую роль сыграл он в ее развязывании, как вел себя в ее ходе и чем завершился, рассказано в отдельной главе. Поэтому я обращаюсь к послевоенному периоду карьеры Черчилля, которая была долгой вне сравнения.

Война закончилась, когда Черчиллю было уже за семьдесят. Триумфальное завершение многолетней кровавой страды привела его к неожиданному результату: вместо выражения всенародной признательности путем переизбрания народ Англии отказал в поддержке консерваторам (а значит, и лично Черчиллю) уже в июле победного 1945 года! Впервые в истории парламентское большинство, да еще с большим перевесом, составили лейбористы. Избиратели припомнили довоенный политический и экономический курс консерваторов и не захотели к нему возвращаться. Черчиллю не осталось места в высшем эшелоне власти, ему пришлось даже покинуть Потсдамскую конференцию победителей, что было, конечно, крайне унижительно. Отблагодарили соплеменники, ничего не скажешь...

Отныне на довольно долгое время сэр Уинстон утратил возможность влиять на политику Англии иначе, чем посредством статей и выступлений. Самолюбивый и честолюбивый до тщеславия²⁴, он тяжело переживал вынужденную отставку. Это был удар в самое сердце, ведь он считал себя вождем и спасителем английского народа, если не всего мира, а избиратели – и что самое ужасное, солдаты в основной своей массе – отвергли его самого и его партию. По свидетельству Вирджинии Коулс, присутствовавшей 26 июля на традиционном послевыборном обеде, Черчилль был совершенно убит случившимся. Он был не в состоянии произнести ни слова, а его дочери сидели все в слезах. На следующий день, 27 июля, Черчилль созвал прощальное заседание кабинета. Как пишет его министр иностранных дел Энтони Иден, «это было довольно мрачное зрелище... Он был в расстроенных чувствах, бедняга... Говорил, что сегодня он вовсе не примирился со случившимся. Напротив, боль стала еще сильнее, как боль от раны, которая становится невыносимой после первого шока». В состоянии фрустрации сэр Уинстон даже отказался от почетнейшего ордена Подвязки, предложенного королем (получит его спустя годы уже от королевы).

В своих мемуарах Черчилль горько ссылается на Плутарха: «Неблагодарность по отношению к своим великим людям есть характерная черта сильных народов». Он относил эти слова, конечно же, к англичанам. Однако, как выяснилось, упрек этот заслужили и евреи, для которых внезапно лишенный всех правительственных постов политик потерял свою ценность и привлекательность, что было для них особенно досадно, ибо именно в первые послевоенные годы решалась судьба будущего Израиля, а своего главного и надежного заступника евреи в тот момент утратили.

Власть Черчилля уже висела на волоске, когда 24 мая 1945 года он получил письмо от Хаима Вейцмана, в которое было вложено требование Еврейского агентства об отмене любых ограничений на въезд евреев в Палестину, которые были установлены британским правительством в 1939 году. Вейцман писал: «Пришло время... открыть евреям дорогу в Палестину и провозгласить там создание еврейского государства. Мой священный долг просить вас осуществить это, и осуществить немедленно» (299).

Но Черчилль, зная, что у него уже нет шансов провести подобное решение через временное правительство, созданное лишь на предвыборный срок, ответил: «Я боюсь, что не будет возможности продуктивно рассмотреть этот вопрос до начала специальной мирной конференции с участием союзников-победителей». Это не было решительным отказом, это

²⁴ Тот факт, что весомая часть трудов Черчилля посвящена прославлению предков (герцога Мальборо – 6 томов, собственного отца – 2 тома), о многом говорит психологу.

была лишь мягкая попытка немного урезонить просителей, привести их надежды в соответствие с возможностями момента, призыв проявить понимание и терпение.

Но евреи смотрели на ответ Черчилля по-другому, они не хотели знать никаких резонансов, не собирались терпеть и требовали своего. На заседании Политического сионистского комитета в Лондоне 13 июня Х. Вейцман осудил письмо Черчилля как «противоречащее реальному пониманию всей этой проблемы»... Он подытожил: «Если бы Черчилль хотел уладить дело, он мог бы это сделать». Для Давида Бен-Гуриона письмо Черчилля показалось «сильнейшим ударом, полученным евреями» (300–301).

Дружба сразу кончилась, все бесчисленные благодеяния, сотворенные Черчиллем для евреев, и самое их спасение тут же оказались забыты. Гилберт: «Не получив от Черчилля никакого ответа вплоть до 27 июня, Х. Вейцман выразил свое глубокое разочарование по этому поводу на следующем заседании Политического сионистского комитета... Он сказал своим ближайшим друзьям в Лондоне, что Черчилль и Рузвельт «унизили его, может быть, и непреднамеренно, но проявив невнимательность. Они дали обещания, которые не выполнили и не собирались выполнять. Ведь они имели дело всего лишь с маленьким народом; этот народ не мог бороться с Черчиллем или Трумэнном, но он мог сохранить чистой свою совесть, сказав: «Вы сделали то, что сделали, но вам не следует ожидать, что я это проглочу» (302–304).

Как видим, ни тени признательности, ни следа прежней дружбы, одни максималистские претензии и глухие угрозы вместо спасибо...

Были ли те угрозы лишь пустыми словами? Как знать: евреи обычно сводят свои счета, ни с кем не соображаясь и ни у кого не спрашивая, будь то хоть царь, хоть премьер-министр. Русские это хорошо знают по опыту; а вот Черчилль не знал. Возможно, он никогда и не узнал также, что 16 декабря 1944 года «Элияху Голумб, глава нелегальных сил «Хаганы», публично осудившей убийство лорда Мойна и сотрудничавшей с британскими властями, чтобы прекратить терроризм, тайно встретился с Натаном Фридман-Еллиным, членом правящего триумvirата «Штерна»²⁵. Два члена «Штерна» были тогда под судом за убийство Мойна, и триумvirат хотел провести какой-нибудь впечатляющий террористический акт, который послужил бы предупреждением и мстью. Одной из обсуждавшихся возможностей было убийство самого Черчилля» (282).

Да, скорее всего, Черчилль не узнал ни о черной неблагодарности евреев (и лично Вейцмана) в 1945 году, ни даже о попытках его взорвать, поскольку продолжал работать на их пользу во всю силу своих возможностей, были они большими или малыми. На его счастье, евреи все же отказались от покушения на его светлую личность. А какой был бы финал для вельможного юдофила! Какой поучительный случай!

Однако холодок с еврейской стороны повеял, и через пару недель Черчилль бросился оправдываться: в письме от 29 июня он советовал Вейцману добиваться передачи мандата на управление Палестиной «от Великобритании к Соединенным Штатам... с их огромным богатством и мощью и со значительной еврейской прослойкой населения». Сам же он складывал руки: «У меня очень мало сторонников в консервативной партии, и даже лейбористы, кажется, потеряли интерес к идее создания еврейского государства в Палестине» (302–303).

Это была капитуляция проигравшегося – ошибочное и преждевременное проявление слабости. Что ему стоило все обещать, как всегда! Но он решил поиграть в откровенность – и потерял лицо. Предчувствия не обманывали Черчилля, он таки проиграл выборы. В разгар Потсдамской конференции, когда победители делили мир, англичане выкинули «главного победителя» – Уинстона Черчилля – из политики. Подозреваю, что одна из основных причин

²⁵ «Штерн» («Звезда») – подпольная террористическая еврейская организация в Палестине, занимавшаяся политическим убийством британских администраторов на британской подмандатной территории.

в том, что разочарованные евреи не поддерживали его так, как могли бы и как они уже не раз делали в прошлом. Свои же собственные, личные возможности Черчилль самонадеянно переоценил.

Евреи добились своего и без Черчилля: в 1948 году на карте мира появилось независимое государство Израиль. Отношения Черчилля с еврейским сообществом отныне стабилизировались: он всячески старался напомнить евреям о своей роли в прошлом, они охотно признавали ее и отвечали устной и письменной благодарностью.

На встрече 29 марта 1949 года с американскими еврейскими лидерами, собравшимися для обсуждения будущего Израиля, Черчилль заклинал: «Помните, что я стоял за свободный и независимый Израиль в течение всех тех темных лет, когда многие из моих самых выдающихся соотечественников придерживались других взглядов. Не допускайте даже мысли о том, что у меня есть хотя бы малейшее намерение предать вас в этот час вашей славы» (343).

Какая странная, на первый взгляд, идея: кто бы мог в нем усомниться? Но, видимо, Черчилль, искушенный политик, знаток человеческих слабостей, боялся, что про его услуги забудут по миновании надобности, выкинут его, как отработанный шлак. Жажда чести и награды была ему свойственна. Поэтому он продолжал в том же духе: не позволяя обрваться ниточкам связи и признательности, продолжал их натягивать.

В апреле 1951 года Х. Вейцман пригласил Черчилля на открытие рощи имени Вейцмана в Иерусалимских горах. Черчилль не смог прибыть на эту церемонию, но написал израильскому послу в Лондоне: «Будучи сионистом еще со времен Декларации Бальфура, я очень польщен приглашением столь великого государственного деятеля, как доктор Х. Вейцман» (344).

17 января 1952 года, во время своего официального визита в Вашингтон, Черчилль выступил перед американским конгрессом. «Начиная с момента принятия Декларации Бальфура, — сказал он, — я желал, чтобы евреи получили национальный очаг в Палестине, и я работал над этим» (345).

Снова и снова Черчилль напоминал евреям о своих заслугах, своих правах на благодарность, напоминал победителям, кто помог им победить. Чтобы, не дай бог, не забыли, не списали со счетов. Он хотел всемерно продлить зависимость, столь важную и полезную для него.

И не без успеха. Хотя, как ни странно, не всегда благодарное признание евреями благотворной для них роли Черчилля было таким уж безусловным. «Вопрос о том, в какой мере Черчилль был другом евреев и Израиля, весьма широко обсуждался как внутри Израиля, так и среди мирового еврейства. Были среди евреев и такие, кто считал — как и ряд сионистских лидеров в 1945 году, — что ему не следует доверять. Но родившийся в Южной Африке сотрудник израильского Министерства иностранных дел, житель Иерусалима Майкл Комей написал в сентябре 1950 года израильскому послу в Лондоне, что Черчилль «продолжает оставаться влиятельным другом нашей страны и нашего народа как в официальном, так и в личном качестве»» (344).

26 октября 1951 года Черчилль во второй раз стал премьер-министром. Чем и как способствовало еврейское лобби его возвращению на Даунинг-стрит, об этом в книге Гилберта не говорится. До 77-го дня рождения ему оставался всего месяц. Здоровье уже никуда не годилось: его лечили от сердечной недостаточности, экземы и развивающейся глухоты. В феврале 1952-го и июне 1953 года он пережил инсульты, его даже на несколько месяцев парализовало на левую сторону. Полноценно выполнять свои обязанности он уже не мог, однако категорически отказывался подать в отставку или хотя бы перейти в палату лордов, оставаясь номинально в должности премьера. Ожидать от него какой-то существенной поддержки евреи уже не могли.

Тем не менее Хаим Вейцман одним из первых поздравил его с возвращением к власти (345). И вообще евреи его совершенно не забывали. Я уже рассказывал об электростанции его имени и полученном им пакете ее акций. Но были и другие знаки внимания, не столь, может быть, материально значительные, но трогательные.

Так, Джеймс де Ротшильд, видевший как-то его выступление по телевидению, написал ему: «Мой дорогой Уинстон – или, быть может, в этом случае я должен был выбрать обращение «Мой дорогой премьер-министр». Я только что прослушал и просмотрел ваше выступление по телевизору и чувствую, что должен написать вам, чтобы сказать, как я был очарован вашим видом и тем, что вы сказали... Преданный вам Джимми» (347).

Первый глава Израиля Давид Бен-Гурион признавался Черчиллю: «Как и многие другие люди во всех концах света, я смотрю на вас как на величайшего англичанина за всю историю вашей страны и величайшего государственного деятеля нашего времени, человека, чья храбрость, мудрость и предвидение спасли его страну и весь свободный мир от нацистского рабства» (369).

Став во второй раз премьер-министром, Черчилль подружился с родившимся в Югославии еврейским скульптором Оскаром Нимоном. Королева Елизавета Вторая поручила тому изваять бюст Черчилля для Виндзорского замка, и он выполнил поручение весьма монументально.

В 1955 году Черчилль вновь покинул премьерский кабинет, на этот раз навсегда. Ему оставалось еще жить долгих десять лет, но влиять на события он уже не мог.

Когда 30 ноября 1957 года Черчиллю исполнилось восемьдесят три года, «среди рождественских подарков, полученных им в тот год, был ящик израильских апельсинов от вдовы Х. Вейцмана Веры и виргинская ветчина от Бернарда Баруха» (368).

Финальный аккорд... Пустячок, а приятно.

* * *

Такова, вкратце, история взаимных симпатий Уинстона Черчилля и евреев.

Кстати, именно Черчиллю приписывается популярная фраза о том, что англичане-де не являются антисемитами потому, что не считают себя глупее евреев. Так ли оно на самом деле, или Черчилль сказанул это ради красного словца, я не берусь судить. Но за такую безрассудную самонадеянность англичане расплатились всей своей судьбой.

Впрочем, не следует забегать вперед. Из красных нитей, проходящих через судьбу Черчилля, выберем для начала самую толстую.

Глава I. Палестина, Израиль, евреи, арабы

Самая большая по протяженности глава из книги жизни Черчилля могла бы быть названа так, как эта: «Палестина, Израиль, евреи, арабы». По сути, она началась в дни первого вхождения Черчилля в правительственные сферы и завершилась, когда мир признал еврейское государство Израиль, созданное на территории Палестины, некогда подмандатной Великобритании.

Одни приписывают честь создания Израиля Хаиму Вейцману, другие – Иосифу Сталину, третьи – даже Адольфу Гитлеру. И в каждом из этих утверждений есть доля истины, поскольку Вейцман всеми признан как локомотив сионизма, Гитлер мечтал о таком месте, куда можно было бы переселить всех европейских евреев, а Сталин надеялся, что вместе с советскими евреями в Израиль переедет и утвердится там социализм. Но главную-то роль тут сыграл Уинстон Черчилль. Об этом и поговорим.

В молодые годы Черчилль, служивший офицером британской армии в Судане, увлекался Арабским Востоком и исламом. Какое-то время он даже бравировал этим, полушутя. К примеру, в своем письме к леди Литтон в 1907 году он написал, что хотел бы получить в Османской империи титул паши. Он дружил с востоковедом Уилфридом Блантом и, как и он, мог нарядиться в арабские одежды, отправляясь на вечеринку. Его увлечения бросались в глаза родным; в том же 1907 году Гвендолин Берти, жена брата Черчилля, писала ему с тревогой: «Пожалуйста, не принимай ислам; я заметила твою склонность ко всему восточному. Если ты соприкоснешься с исламом, твое обращение может произойти даже быстрее, чем ты думаешь. Борись с этим». Историк Уоррен Доктер из Кембриджского университета, обнаруживший данное письмо во время работы над книгой «Уинстон Черчилль и исламский мир: ориентализм, империя и дипломатия на Ближнем Востоке», комментирует: «На самом деле Черчилль никогда всерьез не задумывался о том, чтобы принять ислам. К этому времени он уже был практически атеистом. Но он был весьма впечатлен исламской культурой»²⁶.

Эти новейшие открытия, однако, мало согласуются с тем, что сам Черчилль писал в книге «Речная война» (1899) по свежим впечатлениям, вернувшись из Судана, где он воевал против исламского халифа. К примеру: «Как ужасны проклятия, которыми магометане осыпают порой своих же единоверцев! Кроме фанатичного неистовства, опасного в человеке, как водобоязнь у собак, в них присутствует и ужасная фаталистическая апатия. Эффект этого очевиден во многих странах. Непредсказуемое поведение, неважная система сельского хозяйства, пассивные методы ведения торговли, отсутствие должного уважения к собственности существуют везде, где живут или правят последователи Пророка. Огрубление чувств лишает их жизнь изящества и утонченности, а также достоинства».

Или вот еще выразительная цитата: «Тот факт, что, согласно магометанскому закону, каждая женщина должна принадлежать какому-нибудь мужчине в виде его абсолютной собственности в качестве дочери, жены или наложницы, откладывает окончательное избавление человечества от рабства до тех пор, пока исламская вера не перестанет обладать столь великой властью над людьми. Как индивидуумы, мусульмане могут проявлять замечательные качества, но влияние религии парализует социальное развитие тех, кто привержен ей. В мире не существует более мощной силы, замедляющей развитие. Далекое от заката и упадка магометанство – воинственная и прозелитическая вера. Она уже широко распространилась по Центральной Азии, везде привлекая в свои ряды бесстрашных бойцов, и если бы христианство не охранялось сильным оружием науки, науки, против которой оно когда-то напрасно

²⁶ Оригинал новости RT на русском: <https://russian.rt.com/article/66812>

боролось, то цивилизация современной Европы могла бы погибнуть, как погибла цивилизация Древнего Рима» (73–74).

Пожалуй, все же именно в подобных речениях – истинный ключ к позиции Черчилля. Конечно, мы вправе спросить, в чем же тогда привлекательность ислама для почти двух миллиардов жителей Земли? Ответ вряд ли устроил бы Черчилля: да именно в этом – в тотальном консерватизме, в моральном отвращении к прогрессу а-ля Запад.

Думается, что, вернувшись с театра военных действий в Лондон и связав свою политическую биографию с евреями, Черчилль если и питал какие-то добрые чувства к исламской культуре, то скоро и радикально поменял вектор своих симпатий. В дальнейшем он воспринимал свой союз с евреями против арабов как союз с цивилизацией против дикости. Вряд ли в этом состояла объективность, но для него это было так, и он не раз это подтверждал.

Жизнь рано заставила Черчилля сделать означенный выбор. В 1905 году он был назначен на должность замминистра по делам колоний. По словам Гилберта, «для Черчилля вопрос о содействии еврейским национальным чаяниям встал в полный рост уже буквально через несколько дней после его вхождения в правительство», поскольку евреи, не теряя драгоценного времени, немедленно обратились к нему с просьбой поддержать их идею о выделении Британией одной из колоний для целей еврейской эмиграции. Тогда Палестина еще не была под контролем Англии, но все дело в том, что «в сионистском движении к тому времени одержали верх те силы, которые хотели образовать еврейский национальный очаг в Палестине и нигде больше» (26–27). И Черчилль вскоре также проникся этой задачей. 30 января 1908 года, обращаясь с посланием к ежегодной конференции Английской сионистской федерации, замминистра по делам колоний писал уже вполне однозначно: «Я с полной симпатией отношусь к традиционным историческим ожиданиям евреев. Их возвращение в то место, которое исторически служило центром их государственности, символом национального и политического единства, стало бы великим событием в истории всего мира» (33).

В дальнейшем тесное знакомство с главным сионистом Хаимом Вейцманом привело к превращению самого Черчилля тоже в завязанного сиониста, о чем написано выше. (Напомню читателям про двойной смысл термина «сионизм» и подчеркну, что здесь оно используется в значении идеи заезда евреев в Палестину.) Наконец, итоги Первой мировой войны стали для Черчилля поистине судьбоносными, определив на три десятилетия одно из магистральных направлений его жизни и деятельности.

Дело в том, что в число побежденных в этой войне входила Османская империя турок. Как верно пишет Гилберт, «перспектива поражения Турции разожгла территориальные аппетиты Великобритании. Сэр Герберт Самуэль, один из двух евреев в составе британского кабинета министров, предложил распространить на Палестину власть британской короны с тем, чтобы в будущем она могла стать населенной преимущественно евреями самоуправляющейся территорией» (42). Сильнейшим лоббистом этой стержневой сионистской идеи Черчилль стал на всю жизнь.

К тому моменту, когда решалась судьба Палестины, на территории которой мечтали обосновать свою государственность евреи, Черчилль уже занимал должность министра обороны. Будущее ближневосточных провинций побежденной Оттоманской империи входило в сферу его забот. Ему пришлось временно испытать чувство раздвоенности. С одной стороны, он понимал и опасался, что «предполагавшаяся передача мандатов на управление Палестиной и Месопотамией (Ираком) Великобритании приведет к тому, что его страна окажется втянутой в длительные конфликты на Востоке, которые дорого обойдутся ей» (52). Он даже писал 25 октября 1919 года в специальном меморандуме для британского кабинета о том, что если бы Великобритания отказалась участвовать в разделе наследия Оттоманской империи, она избежала бы не только колоссальных расходов и трудностей, но и ответствен-

ности за судьбу Палестины и евреев (53). С другой стороны, еврейские связи уже прочно опутывали нашего героя.

Вскоре филосемитизм превозмог патриотизм, интересы евреев оказались предпочтительней интересов британцев, и Черчилль «стал явным и определенным сторонником» выполнения так называемой Декларации Бальфура (54). Об этом интересном документе надо рассказать подробно, поскольку именно он стал основой всей той политики, которую повели Черчилль и иже с ним в отношении Палестины, арабов и евреев.

Документ, ставший из личного эпохальным

2 ноября 1917 года Альфред Бальфур, бывший премьер-министр и первый лорд адмиралтейства, а ныне министр иностранных дел в правительстве Ллойд Джорджа, послал лично господину второму барону Уолтеру Ротшильду письмо на бланке Министерства иностранных дел, прославившееся как Декларация Бальфура. В истории сионизма ей придается колоссальное, определяющее значение.

В тот момент, когда Бальфур писал это письмо, британская армия уже вторглась в Палестину, ее войска успешно захватывали территории, до взятия Иерусалима оставался лишь месяц с небольшим, но север страны еще оставался под турками до сентября 1918 года, после чего аннексия уже станет полной. 25 апреля 1920 г. на конференции в Сан-Ремо Верховный совет стран Антанты передаст Англии мандат на Палестину. 24 июля 1922 года его условия будут одобрены Советом Лиги Наций, и 29 сентября 1923 года мандат официально вступит в силу. Однако Бальфур писал так, как если бы полное владычество Британии в Палестине уже было заранее решено.

Текст письма гласил в своей основной части: «Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; причем ясно подразумевается, что не должны производиться никакие действия, которые могут нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине или же права и политический статус, которым пользуются евреи в любой другой стране».

Письмо, отметим, было написано по предложению добрых знакомцев Бальфура – сионистских лидеров Хаима Вейцмана и Наума Соколова – и адресовалось главе еврейской банковской семьи, отнюдь не являвшемуся официальным и полномочным представителем еврейского народа. Перед нами – не правительственный манифест, санкционированный кабинетом министров, парламентом или премьер-министром, подтвержденный Его императорским величеством, широковещательный и публичный. Нет! По сути, это всего лишь частное письмо, хоть и написанное на бланке Министерства иностранных дел. Пустячный, в общем-то, документ, совершенно ничтожный в юридическом смысле.

И еще одна важная деталь: в непосредственной подготовке так называемой Декларации Бальфура принимал участие лондонский еврей Гарри Сахер, адвокат, член Манчестерского кружка сионистов во главе с Вейцманом²⁷. Какую именно часть текста он готовил, неизвестно. Возможно, что и весь текст целиком.

Однако в дальнейшем сионисты и сам Уинстон Черчилль всегда трактовали это частное письмо как священную клятву Великобритании на верность еврейскому народу и настаивали на исполнении ее буквы и духа. (При этом всегда упирая лишь на создание «еврейского национального очага» в Палестине и напрочь забывая про «гражданские и религиозные права» нееврейских общин.) По воле сионистов письмо обозвали Декларацией, превратили этот клочок бумаги в какой-то род присяги, в краеугольный камень при закладке Израиля.

Подчеркну еще раз: пресловутая «Декларация Бальфура» – не что иное, как всего лишь навсего письмо министра иностранных дел – второму барону Ротшильду, частному лицу. Если кто и должен был нести ответственность за этот полуофициальный документ, то

²⁷ Гарри Сахер (1881–1971) британский адвокат и сионист. Родился в Лондоне, сын портного, учился в Лондонском и Оксфордском университетах и в Европе. В 1905–1909 и 1915–1919 годах член издательского правления газеты «Манчестер Гардиан», где занимался политической аналитикой. В 1920 году осел в Палестине, где занимался юриспруденцией и экономикой. Неоднократно избирался в Сионистский исполнительный комитет. В 1930 вернулся в Лондон, где издавал англо-еврейские сионистские журналы вроде «The Jewish Review», автор ряда книг об Израиле и сионизме. – http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/judaica/ejud_0002_0017_0_17232.html

разве что лично сам Бальфур. Это однозначно. Однако в общественном мнении ему было придано совершенно исключительное значение клятвенного заверения английского государства, которое нельзя просто так отбросить. Уцепившись мертвой хваткой за этот ничего не значащий, в сущности, документ, Черчилль в дальнейшем, как мы увидим, умело пользовался им то как дубиной против своих оппонентов, то как отмычкой, волшебным «сезамом», открывающим двери даже там, где их на первый взгляд не было. Листок бумаги стал стягом и жупелом. Удивительный образец беззастенчивой манипуляции! Беспрецедентный случай! Политическое нахальство и трюкачество экстра-класса!

Вот несколько примеров.

В главе, характерно названной «Работа на основании Декларации Бальфура», Гилберт рассказывает, как «во время встречи в Лондоне 22 июня [1921] с четырьмя премьер-министрами британских доминионов – Канады, Ньюфаундленда, Австралии и Новой Зеландии – Черчилль выяснил, что все они разделяют опасения арабов о формировании со временем в Палестине еврейского большинства». И тогда Черчиллю пришлось принимать экстренные меры по «выправлению мозгов» собравшихся. Собственно, в этот момент и оформилась предельно четко его личная доктрина, личная позиция, личная стратегия в палестинском вопросе, которая в силу его официального положения стала позицией всей страны. В чем она состояла?

Черчилль «разъяснил им позицию Великобритании по отношению к сионизму. «Идеал, который исповедуют сионисты, – сказал им Черчилль, – это очень высокий идеал, и, признаюсь, он вызывает мою искреннюю личную симпатию». Но Декларация Бальфура, добавил он, есть нечто большее, чем идеал. Она представляет собой принятое в годы войны обязательство оказывать помощь евреям по всему миру. «Великобритания должна быть очень пунктуальной, – объяснил он, – в выполнении своих обязательств» (91).

Так Черчилль еще в 1921 году навязал всей Британской империи (даже и с доминионами) свои взгляды, свой подход, превратив завоеванную, оплаченную английской кровью Палестину в тяжелую, неудобную ношу и трудную проблему. А те и проглотили, приняли это как должное.

Получилось, что англичане сделали это завоевание не для себя, а для евреев. Черчилль и его старшие товарищи и единомышленники Ллойд Джордж и Бальфур считали нужным не только поддерживать сионистов, но и сверять частным образом с ними свои позиции, чтобы полностью соответствовать их планам. Так, 22 июля они втроем «встретились с Вейцманом в доме Бальфура в Лондоне, чтобы успокоить Вейцмана и разъяснить ему, что британская политика не изменилась. На этой встрече Вейцман заявил, что Декларация Бальфура фактически сведена на нет и что сам британский верховный комиссар Г. Самуэль подрывает ее принципы. Вейцман указал, что в официальном выступлении 3 июня Самуэль заявил: «Условия жизни в Палестине таковы, что не допускают массовой иммиграции евреев». Такое утверждение, сказал Вейцман, являлось фактическим «отрицанием Декларации Бальфура». Черчилль спросил, почему он так считает, и Вейцман объяснил, что Декларация Бальфура санкционирует возникновение в Палестине еврейского большинства, тогда как речь Самуэля «не позволит никогда образоваться такому большинству». Согласно протокольной записи об этой встрече... «Ллойд Джордж и Бальфур согласились с тем, что Декларация Бальфура всегда подразумевала постепенное возникновение в Палестине еврейского государства» (93).

Дело в том, что Герберт Самуэль, хоть и приходился родней Ротшильдам и с пониманием относился к сионистам, но был по убеждению государственник и твердо стоял на страже интересов Британской империи. Он прямо и жестко писал Вейцману об этом так: «Необходимо ясно видеть основные факты во всем этом деле. По моему мнению, эти факты заключаются в том, что очень большое число арабов, включая многих представителей образованных слоев, пришли к выводу, что сионистская политика заключается в создании чис-

ленного перевеса евреев в Палестине за счет массовой еврейской иммиграции, что впоследствии приведет к тому, что из-за этого они потеряют не только политическое преобладание в Палестине, но и свои земли и свои святые места». Самуэль ясно предвидел, что арабы не примут без боя судьбу, которая, по их мнению, им уготована, будут сопротивляться всеми силами. При этом, подчеркнул он, «сионистская политика не имеет столь прочных основ в Великобритании, чтобы позволить себе продолжать и далее расшатывать их» (94).

Итак, в этих встречах и дебатах выявилась и основная линия водораздела, и главная тема повестки дня: быть или не быть в Палестине численному преобладанию евреев, которое позволит со временем основать там еврейское государство. Именно вокруг этого пункта и развернется главная интрига, главная борьба сторон.

Не правда ли, парадоксальная ситуация, когда еврей по национальности Самуэль, исходя из профессиональных и великобританских патриотических побуждений, осмеливается действовать поперек установок сионистов, а трое природных англичан, сверяя свои слова и поступки с верховным сионистом, обсуждают, как этому противостоять. И ведь успешно противостояли! Напомню, что в те дни Ллойд Джордж был еще премьер-министром, а Бальфур лордом-председателем Совета, их позиции были очень сильны. Однако особую роль в этом сыграл, конечно, наш герой, отличавшийся непреклонностью нрава.

Далее события развивались в 1921 году так. 22 августа Черчилль принял арабскую делегацию, «ее члены бескомпромиссно потребовали от него немедленно отменить действие Декларации Бальфура и прекратить дальнейшую еврейскую иммиграцию в Палестину. Черчилль отказался сделать и то, и другое, представив делегации свое понимание природы сионизма» (94).

В этот день между Великобританией и арабским миром пробежала трещина, что впоследствии весьма дорого обойдется империи. Вместо того чтобы покровительствовать миллионам арабов, оказавшимся в ее власти согласно мандату Антанты, Англия открыто и цинично предала интересы своих подопечных и заложила основу для бесконечного кровавого противостояния на Ближнем Востоке. А это противостояние, в свою очередь, станет со второй половины XX века краеугольным камнем глобального конфликта, когда сионизированный Запад войдет в состояние необъявленной войны с исламским Востоком. Что особенно наглядно проявляется в наши дни.

Ответом на предательство арабов Британией в лице Черчилля явились в Палестине «акты насилия против евреев. В течение ноября арабы Яффы и близлежащих арабских деревень нападали на евреев прямо на улицах и разрушали еврейскую собственность. В ответ британская администрация наложила коллективный штраф на яффских арабов и на те арабские деревни, из которых совершались нападения».

Черчилль весьма остроумно возложил ответственность за это на Самуэля, написав своим представителям в Палестине: «Сэр Герберт Самуэль должен жестко следить за неукоснительным применением в Яффе штрафных санкций». Тот, вынуждаемый действовать против собственных убеждений, пытался протестовать, но Черчилль был непреклонен: «В Яффе и в близлежащих деревнях должны усвоить, что лица, виновные в нападениях на евреев, будут немедленно нести ответственность. Мы не можем позволить каким-либо соображениям целесообразности (!) влиять на осуществление правосудия». Апелляция к высшим нормам морали в ситуации собственного аморального поведения всегда была сильнейшим козырем Черчилля, и он им виртуозно пользовался.

Черчилль объявил далее, что если Самуэль не справится с задачей, то он готов прислать в помощь военный корабль, чтобы поддержать авторитет власти верховного комиссара в Палестине. А когда Самуэль пожаловался, что «арабов спровоцировали на бунт действия проникшей в Израиль в составе иммигрантов группы коммунистов», то Черчилль немедленно указал Самуэлю, что «ответственность за очистку еврейских колоний от коммунисти-

ческих элементов лежит на самом верховном комиссаре» (95–96). Поистине, в искусстве выкручивания рук ему не было равных!

Черчилль добавил, что недоволен попытками арабов прибегнуть к насилию по всей Палестине «в надежде напугать нас и заставить нас отказаться от нашей политики в отношении сионизма». Его позиция была определенной, ясной и четкой. И «запугать» его, заставить отступить действительно не могли никто и ничто. Даже очевидные интересы собственной страны.

Чего добился Черчилль своим железным упорством в неуклонном проведении в жизнь сионистской программы?

Быстро и напористо действуя в заданном направлении, сотрудники аппарата Черчилля уже к началу февраля 1922 года подготовили такой проект конституции для Палестины, согласно которому «арабам было бы невозможно использовать свое численное большинство для того, чтобы препятствовать продолжающейся еврейской иммиграции и капиталовложению». Делегация палестинских арабов пыталась законными способами воспрепятствовать вопиющей несправедливости. 15 февраля сэр Уильям Джойнсон-Хикс, член парламента от консерваторов, официально попросил Ллойд Джорджа, имея в виду Декларацию Бальфура, объяснить, почему правительство обещало еврейскому народу создание национального очага «в стране, которая уже является национальным домом для арабов». Не получив внятного ответа, «3 марта арабская делегация провела митинг своих сторонников перед отелем «Гайд-парк» в Лондоне с требованием, чтобы Великобритания отказалась от своей «сионистской политики»». Главный оратор на этом митинге Шибли аль-Джамаль, являвшийся секретарем арабской делегации, говорил о том, что «придется убивать евреев, если арабы не достигнут своей цели» (97).

По сути, евреи, действуя через Черчилля, руками англичан развязали войну за Палестину. Войну объявили арабы – но вызвал-то ее Черчилль, размахивая Декларацией Бальфура, как знаменем. В этой войне, однако, Палестина стала для Англии не наградой, а несносной и дорогой обузой, которую рано или поздно она была вынуждена выпустить из рук...

Кому и зачем был нужен еврейский анклав в Палестине

Были ли у Черчилля иные мотивы, кроме тех отношений и обязательств, которые сложились между ним и евреями, в том числе сионистами, с Хаимом Вейцманом в первую очередь? Как знать.

Еврейская диаспора, большая и активная социально и экономически, давно стала головной болью для многих стран и народов XX века: для России, Польши, Германии, Франции, Испании, Венгрии, Америки, Англии... В России эта проблема решилась парадоксально: евреи, опираясь на широкое антиимперское движение разнообразных инородцев (поляков, финнов, армян, грузин, среднеазиатов, прибалтов, горских народов и др.) и возглавив рабоче-крестьянскую революцию и Гражданскую войну, свергли законное правительство и сами стали властью. На какое-то время похожая схема сработала в Германии, вызвав к жизни революцию, капитуляцию и Веймарскую республику. Подобная попытка была и в Венгрии, а позже и в Испании. Взаимосвязь всех революций осуществлялась через Коммунистический Интернационал, в котором евреи, благодаря своим международным племенным связям, играли главную роль²⁸. В других странах повторить российское безобразие не получилось, в Испании взяли верх фашисты, да и Венгрия с Германией (точнее, венгры с немцами) быстро опомнились и отыграли назад. Но страх перед еврейским Коминтерном, без сомнения, тревожил души ответственных национальных политиков многих стран и народов. Вытянуть из всех стран евреев, не являющихся патриотами этих стран, «международных евреев» (Черчилль использовал именно этот термин), в некую отдельную область на земном шаре – и пусть себе там устраивают свое государство, хоть коммунистическое, хоть какое, только бы не у нас: так в то время рассуждали и мечтали очень многие. В том числе, как мы знаем, поляки и немцы, надеявшиеся «сплавить» своих евреев, к примеру, на Мадагаскар.

Возможно, среди тех, кто так думал, был и наш герой, искренне ненавидевший коммунизм и боявшийся его. Ведь не случайно, выступая 2 января 1920 года в Сандерленде с обзором международной ситуации, Черчилль назвал большевизм «еврейским движением» (55). Как обезопасить Англию от него?

И вот в газете «Иллюстрейтед санди геральд» от 8 февраля 1920 года Черчилль публикует уже упоминавшуюся весьма объемную и подробную статью по еврейскому вопросу, где, в частности, есть раздел «Дом для евреев». Британскому правительству, пишет автор, в результате приобретения им права на управление Палестиной, «представилась возможность обеспечить для евреев всего мира пристанище и создать центр их национальной жизни. Государственная мудрость и чувство истории мистера Бальфура помогли использовать эту возможность. Была принята декларация, однозначно определившая политику Великобритании в этой сфере. Пламенная энергия доктора Вейцмана, руководящего практическим осуществлением сионистского проекта и поддерживаемого многими известными британскими евреями, направлена на то, чтобы этот выдающийся проект оказался успешным».

«Конечно, – писал Черчилль, – Палестина слишком мала и способна принять лишь часть еврейского народа. К тому же большинство евреев, проживающих в других странах,

²⁸ Напомню читателю, что Коминтерн (он же III Интернационал, преемник I и II Интернационалов) был учрежден 4 марта 1919 года по инициативе Л. Д. Троцкого, поддержанной В. И. Лениным. Троцким же был написан программный «Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира». При Коминтерне работали секретные военно-политические курсы, слушатели которых набирались в разных странах агентами Коминтерна и формально учились зачастую в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ). Эти люди потом вели в своих странах шпионскую и подрывную работу.

и не стремится туда. Но если, как это может случиться еще в период нашей жизни, на берегах Иордана под покровительством британской короны будет создано еврейское государство, способное принять три или четыре миллиона евреев, то в мировой истории произойдет событие, благодетельное со всех точек зрения, событие, которое будет полностью гармонизировать с истинными интересами Британской империи» (60–61).

Интерпретировать этот текст можно и в том смысле, что в будущем еврейском государстве, куда будут свезены «взрывоопасные» евреи из переполненной ими Европы, Черчилль провидел мировой оплот против большевизма, своего рода альтернативу коммунистической России. Да, собственно, Черчилль примерно так сам и писал, только более обтекаемо: ««Пассивное сопротивление» большевизму было недостаточным, указывал Черчилль. «Нужны практические альтернативы ему как в моральной, так и в социальной сфере. Быстрое создание национального еврейского центра в Палестине могло бы стать не только убежищем для людей, угнетаемых и подавляемых ныне в несчастных странах Центральной Европы, но и послужить символом еврейского единства и храмом еврейской славы» (61).

Ну, уж какой «храм еврейской славы» получился из Израиля, я тут судить не стану, но нельзя не признать, что порядка пяти миллионов евреев в конечном счете удалось оттянуть со всего мира на этот маленький клочок земли. В результате чего от евреев почти полностью избавились, например, послевоенные Польша и Германия, да и в России со временем их количество заметно снизилось, что, правда, не помешало им вторично прийти к власти в этой стране в 1991 году с не менее сокрушительным эффектом.

Итак, признаем, что в поведении Ллойд Джорджа, Артура Бальфура, Уинстона Черчилля и других британских «тигров сионизма» может просматриваться и логика освобождения родной страны от нежелательного еврейского компактного и влиятельного меньшинства путем «сплавания» его в Палестину. Чего, впрочем, достичь не удалось.

Однако все, что мы знаем о сэре Уинстоне Черчилле и о чем уже было и еще будет сказано на этих страницах, говорит о том, что этот мотив не был ни единственным, ни главным в его поведении. Его личные отношения с еврейским сообществом в целом и еврейскими лидерами в частности развивались год от года таким образом, что опутывали его неразрывной сетью больших и малых обязательств, связей и симпатий. Связи связывали. Узелок затягивался все туже, коготок увязал все глубже, птичке суждено-таки было пропасть.

Как Черчилль начал строить Израиль

Итак, в апреле 1920 года Верховный совет Антанты передал Англии мандат на Палестину, а в январе 1921 года Ллойд Джордж назначил Черчилля министром по делам колоний, возложив на него особую ответственность за два британских мандата – Палестину и Месопотамию. В министерстве был даже специально создан Ближневосточный департамент, во главе которого стал Джон Шакбер, ветеран департамента по вопросам Индии. Стать своим консультантом Черчилль попросил разведчика и дипломата полковника Т. Е. Лоуренса (знаменитого «Лоуренса Аравийского»)²⁹, которому довелось добиваться примирения с арабами, отказывавшимися признать мандат Англии над Палестиной и Франции над Сирией.

Пользуясь личными отношениями, Лоуренс сумел заключить соглашение со старшим сыном «короля арабской нации» Хусейна эмиром Фейсалом, согласно которому арабы смирились с тем, что в Палестине уже были основаны еврейские поселения. Черчилля вполне устраивал план, «согласно которому Фейсал принимал трон короля Ирака, а его брат Абдалла – трон короля Трансиордании в обмен на то, что Западная Палестина, от Средиземного моря до реки Иордан, становилась местом учреждения еврейского национального очага под британским контролем... Если земля к востоку от реки Иордан становилась арабским государством, а земля к западу от Иордана и до Средиземного моря – территорией, отведенной для еврейского национального очага, то Великобритания одновременно выполняла оба обещания, данные ею как евреям, так и их арабским соседям» (66–67). Так арабские владыки, в обмен на признание и утверждение их полномочия в условленных регионах, предали свой народ. Отчего произошли весьма далеко идущие последствия.

Впрочем, как говорится, гладко было на бумаге...

22 марта 1921 года новоявленный министр по делам колоний Уинстон Черчилль, в сопровождении Самуэля и Лоуренса, отправился в Палестину, где в то время проживало примерно 83 000 евреев и 600 000 арабов. Вскоре это соотношение должно было, по замыслам сионистов и английских «тигров сионизма», радикально измениться. И Черчиллю было важно, во-первых, проинспектировать, прозондировать ситуацию, оценить осуществимость поставленной задачи. А во-вторых, подготовить почву, насколько это было в его силах, для ее осуществления.

Гилберт формулирует так: «Главная цель посещения Иерусалима для Черчилля заключалась в том, чтобы объяснить эмиру Абдалле смысл решений Каирской конференции³⁰ и сообщить ему о желании британского правительства поддержать его как правителя подмандатной территории к востоку от реки Иордан (отсюда ее название – Трансиордания) при условии, что Абдалла согласится на создание еврейского национального очага внутри Западной Палестины и сделает все, что в его силах, для предотвращения антиссионистской агитации среди своего народа к востоку от Иордана». К этому моменту «Лоуренс уже получил заверения Фейсала, брата Абдаллы, в том, что «будут предприняты все меры, чтобы поощрить и стимулировать иммиграцию евреев в Палестину в широких масштабах и возможно быстрее, чтобы создать там поселения с интенсивной обработкой земли»» (72).

Со временем такая сделка с этими ближневосточными владыками, британскими марионетками, предавшими свой народ, продавшими первородство за чечевичную похлебку и

²⁹ Лоуренс Аравийский однажды сказал в интервью британской еврейской газете: «Совсем не являясь евреем, сам я рассматриваю евреев как естественных носителей западных ценностей, столь необходимых странам Среднего Востока» (71). Увы, он все понимал наоборот: это Запад давно и прочно стал носителем еврейских ценностей... Да и по поводу того, что нужно людям Востока, мне кажется, он заблуждался.

³⁰ Каирская конференция, сразу после которой Черчилль приехал в Палестину, утвердила контуры британской политики на Ближнем Востоке.

заслужившими дружную ненависть всего арабского мира, стала предметом особой гордости Черчилля, хвастливо, но вполне обоснованно утверждавшего: «Я был одним из лучших друзей, когда-либо бывших у арабов, и это я поставил в Иордании и Ираке арабских правителей, которые правят там до сих пор» (227). Почему бы это арабы не оценили столь дружескую услугу?

Надо сказать, что Черчилль не побрезговал обманом в отношениях с новоявленными властителями арабских стран. В беседе с эмиром Абдаллой 28 марта, в ответ на его опасения («Имеет ли в виду Его Величество создать еврейское Царство к западу от Иордана и изгнать оттуда все нееврейское население?»), Черчилль постарался успокоить Абдаллу, говоря, что, по его мнению, «у живущих в Палестине арабов много беспочвенных опасений. Им кажется, что сотни и тысячи евреев за короткое время запрудят страну и будут господствовать над нынешним населением. Это не только не предвидится, но и совершенно невозможно... Еврейская иммиграция будет очень медленным процессом, и права нынешнего нееврейского населения при этом будут строго соблюдаться» (75–76).

Конечно, это была заведомая наглая ложь. Поскольку по итогам этой встречи Черчилль тогда же сообщил в Лондон, «что Трансиордания становится арабским королевством под властью Абдаллы, в то время как Западная Палестина, от Средиземного моря до Иордана, будет управляться Великобританией, которая выполнит свое обещание о предоставлении этих земель для расселения евреев-колонистов» (76). Планы сионистов получили старт для форсированного развития³¹.

Черчилля не смущали возможные тяжелые последствия содеянного, хотя во время данной поездки он получил ясное представление о том, что без них не обойтись. Так, в Газе, по воспоминаниям очевидца, «Черчилля приветствовала огромная толпа криками по-арабски: «Привет министру!» Но затем их предводитель вдруг яростно вскричал, поддержанный толпой: «Долой евреев!» и «Перережем им глотки!»... Мы ехали по городу, сопровождаемые почти фанатичной толпой, все более возбуждавшейся от этих криков. Никто не пытался их успокоить, но в конце концов все обошлось без инцидентов... Прежде чем Черчилль снова сел на поезд в Газе, ему подали петицию, подписанную ведущими мусульманами города. В ней излагались их надежды на создание в Палестине арабского государства и выражался протест против еврейской иммиграции... 25 марта в Хайфе прошла арабская демонстрация (NB: христианско-мусульманская. – А. С.) с протестом против еврейской иммиграции... В связи с тем что во время демонстрации наблюдались акты насилия, полиция была вынуждена открыть огонь. Были убиты 13-летний мальчик-христианин и арабка-мусульманка. Вслед за этими действиями полиции в Хайфе начались антиеврейские волнения, в ходе которых десять евреев и пять полицейских были ранены ножами и камнями» (72–74).

Через неделю британской полиции пришлось вновь применить оружие против арабов, собравшихся толпой, чтобы выразить протест против Декларации Бальфура. В этот день 29 марта Абдалла посетил мечеть Омара, где пытался поговорить с возмущенными арабами (на этом месте спустя тридцать лет его, предателя, застрелит мститель-палестинец). Но его прервали крики «Палестина для арабов!» и «Долой сионистов!». Ситуация сразу накалилась, и трудно сказать, чем бы закончилось дело, но вновь вмешалась полиция...

Таков был кровавый пролог к осуществлению пресловутой Декларации Бальфура и планов сионистов. Как видим, с самого начала британцы начали убивать арабов за евреев.

³¹ Характерный момент: «Джеймс Ротшильд, один из ведущих представителей еврейской общины Великобритании и член британского парламента, сразу осознал, что, отдав Абдалле восточную часть подмандатной Палестины и отстранив его от контроля над Западной Палестиной, Черчилль тем самым обеспечил возможность выживания еврейских поселений в Палестине. Тридцать четыре года спустя Ротшильд написал Черчиллю письмо, поблагодарив его за то, что в 1921 году в Иерусалиме он «заложил основы еврейского государства, отделив королевство Абдаллы от остальной Палестины. Без этой меры, продиктованной вашим пророческим предвидением, не было бы сегодняшнего Израиля» (78).

Потом арабы начнут за евреев убивать самих британцев. Наконец, убивать британцев станут уже евреи сами за себя. Ответственность за все это лежит на Черчилле.

Черчиллю, возможно, удалось обвести вокруг пальца Абдаллу, но не арабов, обладавших на удивление ясным и точным пониманием сути дела. 30 марта члены Исполнительного комитета Хайфского конгресса арабов Палестины пришли на встречу с Черчиллем, чтобы вручить ему петицию на тридцати пяти страницах. Главная идея которой состояла в том, что «вся Палестина принадлежит арабам и что Декларация Бальфура является огромной несправедливостью» (78–79).

Продemonстрировав исчерпывающе глубокое знание национальной характеристики евреев и вообще их уникальной природы как нации-религии, арабы в этом документе просили Черчилля «во имя справедливости и права» согласиться с пятью требованиями палестинских арабов: «Первое: Образование национального очага для евреев отменяется. Второе: Создается национальное правительство Палестины, ответственное перед парламентом, избранным населением, проживавшим в Палестине перед Первой мировой войной. Третье: Еврейская иммиграция прекращается до образования этого правительства. Четвертое: Введенные в действие перед войной законы остаются в силе и не заменяются новыми, пока не начнет действовать национальное правительство Палестины. Пятое: Палестина не должна быть отделена от братских арабских стран». Этими странами были Сирия, находившаяся тогда под управлением Франции, и Египет, которым управляла британская администрация».

Арабы, надо отметить, сумели заглянуть в будущее, в том числе далекое, чтобы предупредить Британию: «Если Англия не примет сторону арабов, то это сделают другие державы... От Индии и Месопотамии до Хиджаза и Палестины сейчас доносится призыв к Англии. Если она не прислушается, то, может быть, Россия воспримет этот призыв, а может быть, даже Германия». Голос России, предупреждали палестинские арабы, не слышен среди народов, но «придет время, когда она себя утвердит».

Именно так все и будет. Возможно, Черчилль сам, будучи весьма дальновидным, понимал правоту арабов, но отвечал им «немедленно и в резких выражениях: «Вы просите меня прежде всего отменить Декларацию Бальфура и запретить иммиграцию евреев в Палестину. Не в моей власти сделать это. Но даже если бы я и мог сделать это, то это не соответствовало бы моим желаниям. Британское правительство устами А. Бальфура дало слово, что оно благожелательно отнесется к созданию национального очага для евреев в Палестине, что неизбежно включает в себя и иммиграцию евреев сюда. Эта декларация мистера Бальфура и британского правительства была ратифицирована союзными державами-победительницами, когда военные действия еще продолжались и поражение или победа еще не были предрешены. Ее реализация стала возможной в результате успешного окончания войны, и ее следует рассматривать как один из итогов победы в Первой мировой войне»».

Британское правительство твердо намерено, отчеканил Черчилль, дать сионистам «справедливый шанс» в Палестине (78–81).

Это был откровенный, неприкрытый диктат – диктат победителей.

Vae victis! Горе побежденным! Черчилль всегда исповедовал этот подход, и мы не раз еще с этим столкнемся. Он лишал арабов всякой надежды, не оставлял им другого выхода, кроме вооруженной борьбы за свое будущее.

При этом министр по делам колоний пытался подсластить пилюлю, словно имея дело с наивными дурачками, а не с древним народом, мудрым и хорошо изучившим своего недруга: «Мы думаем, что это будет хорошо для всего мира, хорошо для евреев и хорошо для Британской империи. Но мы также считаем, что это будет хорошо и для живущих в Палестине арабов. Мы полагаем, что при этом они не должны никоим образом пострадать или быть вытесненными из страны, где они живут сейчас, и быть лишены своей доли во всем, что делается для прогресса и процветания Палестины. И тут я должен привлечь ваше внимание

ко второй части Декларации Бальфура, которая торжественно и недвусмысленно обещает всем без исключения жителям Палестины полную защиту их гражданских и политических прав» (81).

Обманывал, потому что сам обманывался? Или все же лукавил? У меня лично нет никаких сомнений: лукавил, конечно...

Между тем Черчилль использовал свой визит на Ближний Восток не только для того, чтобы обмануть если не всех арабов, то хотя бы их правителей. Но еще и для того, чтобы принести оммаж – вассальную клятву на верность сеньору – уже не лондонским сионистам (это было сделано давно), а непосредственно евреям Палестины.

Сразу вслед за арабской делегацией, ушедшей от Черчилля несолоно хлебавши, он принял еврейскую делегацию, которую заверил в своем благоволении. После чего посетил место строительства будущего Еврейского университета, где открыто признался: «Мое сердце полно симпатии к сионизму. Эта симпатия существует уже много лет, еще с тех пор как я оказался связан с евреями Манчестера, которых представлял в парламенте. Я верю, что образование еврейского национального очага в Палестине станет благословением для всего мира, благословением для еврейского народа, рассеянного по миру, и благословением для Великобритании. Я твердо верю и в то, что оно будет благословением для всех обитателей этой земли, независимо от расы и религии» (77).

Комментарии излишни. Лицом к евреям, спиной к арабам: такую позицию заняла Британия в лице Черчилля на Ближнем Востоке раз и навсегда. Треугольник, как известно, самая жесткая конструкция; в данном случае все его компоненты, «евреи – Черчилль – арабы», окончательно заполучили свои места именно в 1922 году.

За восемь дней, проведенных в Палестине весной 1922 года, Черчилль, 48-летний достаточно искушенный государственный муж, вполне постиг весь расклад сил на подмандатной Англии территории, где он вознамерился создать еврейское государство. Он понимал, без иллюзий, что война в том или ином виде здесь неизбежна. И как это было ему всегда свойственно, сделал свой выбор. В пользу войны, разумеется.

Вернувшись в Лондон, Черчилль продолжил работу в намеченном направлении. «На заседании правительства 31 мая при обсуждении долгосрочных перспектив развития подмандатной территории Палестины и требований арабских представителей о немедленном учреждении палестинского парламента и правительства Черчилль объяснил, что он решил отложить формирование представительных учреждений в Палестине «ввиду того, что любой избранный орган несомненно запретил бы дальнейшую иммиграцию евреев... Я не вправе сделать ничего, – объявил он, – что приведет к ситуации, в которой мы не сможем выполнить наши ранее данные обязательства в отношении сионистов. Я обязан сохранить в руках британского правительства весь объем власти, необходимой для реализации этих обязательств» (90).

Черчилль не ограничился устными выступлениями и разъяснениями, но счел нужным в том же 1922 году выпустить т. н. «Белую книгу»³² по палестинской проблеме. В ней, как он сам позднее подчеркивал, исходя из текста Декларации Бальфура, «признавались британские обязательства не только по отношению к обитателям Палестины, как арабам, так и евреям, но и по отношению к сионистскому движению во всем мире, которому первоначально и было дано обещание содействовать созданию еврейского национального очага в Палестине». Черчилль подчеркивал, что британские обязательства были «даны евреям, вне зависимости от того, где они находятся, с целью гарантировать им право обрести еврейский

³² «Белая книга» – традиционный термин англоговорящих стран, обозначающий официальное сообщение в письменном виде, разъясняющее государственную политику в том или ином отношении, сопровождающееся, как правило, официальной документацией.

национальный очаг в Палестине». При этом он добавлял, что «никаких подобных обязательств не было дано в отношении арабов, живших вне пределов Палестины». Великобритания дала такие обещания только евреям, обещав им возможность создания национального очага путем их иммиграции в Палестину (121).

Откровеннее не скажешь! Краеугольный камень политики Великобритании в Палестине оказался заложен прочно, на два с половиной десятилетия вплоть до создания Израиля. «Белая книга» Черчилля была одобрена Лигой Наций, евреям был дан зеленый свет для беспрепятственного въезда в Палестину.

Вскоре, после неудачных для лейбористов всеобщих выборов 1922 года, правительство Ллойд Джорджа потерпело полное поражение: было сформировано правительство из одних консерваторов, Черчилль вылетел из игры. Он потерял притом и свое парламентское кресло от округа Данди. Но английский избиратель опоздал – Черчилль совершил свое предназначение: еврейский национальный очаг в Палестине был создан.

Первым следствием избранной Черчиллем линии стало постепенное прибытие 400 000 еврейских иммигрантов в Палестину в период между 1922 и 1939 годами (91), чему не смогло помешать никакое сопротивление арабов, не сумевших ни создать своего могущественного лобби, подобного еврейскому, ни хотя бы развязать индивидуальный террор, как это сделали евреи в предреволюционной России.

Но другим неопровержимым следствием этой же позиции стало оставление в Палестине значительного воинского контингента как гаранта безопасности евреев, хотя это обходилось Англии в немалую копеечку. Казалось бы, чего проще: увести из Палестины английские войска, и пусть там арабы с евреями сами разбираются! Это избавило бы империю не только от непосредственных материальных и человеческих (!) жертв, но и от значительных морально-политических издержек. Однако это противоречило бы избранному вектору политики, согласованному с сионистами. Поэтому Англия будет нести этот свой крест, возложенный на ее плечи Черчиллем, до самой своей бесславной сдачи мандата и ухода из Палестины, которым все дело закончилось в мае 1948 года...

Боец за дело сионизма

Прежде чем продолжить рассказ, мне хотелось бы обратить внимание на тот факт, что отношение в высшем эшелоне британской политики к затеям Бальфура и Черчилля вовсе не было положительным в том далеком 1922 году. Поэтому то, что в конечном итоге удалось Черчиллю сделать в Палестине, выполняя планы сионистов, нельзя назвать иначе, как его личным титаническим сверхусилием, личным невероятным успехом. Он буквально свернул гору. Вот некоторые подробности.

«Вся британская политика на подмандатной территории Палестины подвергалась ожесточенным атакам. 23 июня член палаты лордов, либерал лорд Ислингтон внес проект резолюции, согласно которой обязательства Великобритании в отношении подмандатной территории Палестины объявлялись «неприемлемыми», поскольку сам этот мандат «противоречил чувствам и желаниям громадного большинства народа Палестины»... Лорд Ислингтон провозглашал далее, что «сионизм противоречит всему направлению человеческой психологии нынешнего века»... Состоявшееся голосование продемонстрировало преобладание взглядов лордов-антисионистов; шестьдесят из них проголосовали против Декларации Бальфура и только двадцать один – за нее».

Такое дружное выступление верхней палаты парламента ставило под удар все усилия сионистов и их главного лоббиста. Результаты их трудов оказались подвешены на волоске. Спас их дело, конечно же, Черчилль, практически в одиночку.

«Черчиллю пришлось бороться с резолюцией палаты лордов в палате общин для того, чтобы обеспечить поддержку сионистскому предприятию в Палестине.

...Обсуждение британской политики на подмандатной территории Палестины... в палате общин происходило 4 июля 1922 года...

Произнесенная Черчиллем в парламенте 4 июля речь стала декларацией в защиту британских обязательств по отношению к евреям. Упомянув о Декларации Бальфура, он указал, что парламент никогда не выступал в принципе против той политики, на которой была основана сама декларация... Черчилль отметил, что в ноябре 1917 года «почти каждый государственный деятель в нашей стране поддержал Декларацию Бальфура».

...Защищая политику Великобритании в Палестине по отношению к евреям, Черчилль сказал: «После того что мы сказали и сделали, мы не имеем права подвергнуть евреев в Палестине опасности дурного обращения со стороны арабов, которые сейчас настроены против них». Страхи арабов, что их сгонят с их земли, «попросту иллюзорны».

...Черчилль заявил также, что если парламентарии считают, что «содержащиеся в Декларации Бальфура обязательства по отношению к сионистам» следует претворить в жизнь, то им необходимо своим голосованием в палате общин аннулировать предыдущее решение палаты лордов, которое фактически перечеркнуло эту декларацию... По мнению Черчилля, при голосовании следовало прежде всего исходить из того, что Великобритания обязана превыше всего хранить верность обязательствам, данным «перед лицом всех наций мира».

...Призыв Черчилля возымел успех. Только тридцать пять голосов были отданы против политики британского правительства в Палестине, в то время как двести девяносто два – за нее. Его речь стала личным триумфом политика.

...Но после этого голосования предстояло проделать очень большую работу, причем проделать ее быстро: Черчилль должен был представить основные принципы британской политики на подмандатной территории Палестины на одобрение Лиги Наций, под чьей юрисдикцией находился палестинский мандат.

Эти принципы были отражены в рамках ежегодной «Белой книги», ставшей известной как «Белая книга Черчилля». Эта «Белая книга» сформулировала основные идеи, которые лежали в основе политики британских властей в Палестине.

«Белая книга Черчилля» была представлена в Лигу Наций в Женеве и одобрена Лигой 22 июля. Сионисты осознали, что Черчилль разработал для них такой план, который позволял им продвигаться, пусть и постепенно, к созданию собственного государства в Палестине.

...26 июля, через несколько дней после одобрения британского мандата в Лиге Наций, Хаим Вейцман направил Черчиллю поздравительное письмо. «Мы передаем вам и всем, кто связан с вами в Министерстве по делам колоний, – писал Вейцман, – нашу самую искреннюю благодарность. Сионисты во всем мире глубоко ценят постоянную симпатию, которую вы всегда проявляли по отношению к их законным чаяниям, и ту огромную роль, которую вы сыграли в обеспечении возможности воссоздания национального очага еврейского народа в Палестине на основе мирного сотрудничества со всеми, кто живет на этой земле»» (102–111).

Итак, настойчиво преследуя заветную цель, не кто иной, как именно Черчилль сумел сделать ситуацию необратимой, используя для этого все мыслимые средства. Даже сегодня, зная всю дальнейшую историю Палестины, Израиля и вообще арабо-еврейских отношений вкуче со всем комплексом международных последствий оных, нелегко определить, что в позиции, в аргументах Черчилля было продиктовано искренними иллюзиями и тем, что я определил как мифологию еврейства, а что являлось откровенным умышленным обманом и ловким лицемерием. Легко представить, как непросто было разобраться во всем этом современникам, депутатам палаты общин в частности. Что ж, это позволяет и нам вслед за Вейцманом воздать должное талантам Черчилля как оратора, политического манипулятора и, главное, бойца. Что было, то было, не отнять.

* * *

Прогрессирующее возрастание численности и удельного веса евреев в Палестине, в полном соответствии с планом сионистов, стало главным залогом создания на этой земле еврейской государственности. К 1937 году, когда развернулась новая страница израильской эпопеи, еврейская община уже выросла с 80 до 380 тысяч человек и продолжала расти, особенно за счет польских и германских евреев, стимулированных к переселению политикой нацистов. Это вынуждало британское правительство определиться по отношению к новой реальности, поскольку до того речи о создании в Палестине еврейского государства напрямую никогда не шло. Даже в пресловутой Декларации Бальфура.

И вот, «12 марта 1937 года Черчилль был вызван для дачи показаний в королевскую комиссию по Палестине. Эта комиссия была известна как комиссия Пилля, поскольку возглавлял ее лорд Пиль, бывший министр по делам Индии. Целью слушаний в комиссии было определить характер британских обязательств по отношению к евреям и арабам и выработать предложения о будущем подмандатных палестинских территорий... Черчиллю было задано более ста вопросов. Его ответы дали точное представление о его взглядах на то, каким должен был быть еврейский национальный очаг в Палестине, как он исторически развивался и каким Черчилль видел его будущее» (141–142).

Как и в далеком уже 1922 году, Черчиллю спустя пятнадцать лет снова пришлось преодолевать, ломать враждебное отношение к сионизму британского истеблишмента, своих собратий по классу и по крови, чтобы пробить, успешно пролоббировать в парламенте те представления о должном, которые им были согласованы с сионистами. Как и тогда, он был неукротимо напорист и неистощимо изобретателен в аргументах, среди которых на первом месте, как всегда, стояла двадцатилетней давности безответственная и злополучная Декла-

рация Бальфура. Его выводы и рекомендации были неизменны: «совершенно очевидно, что наши обязательства перед евреями заключаются в том, чтобы позволить прибыть в Палестину максимально возможному количеству еврейских иммигрантов»; «мы должны выполнить взятые на себя обязательства и насколько возможно содействовать созданию национального еврейского очага в Палестине»; «я считаю, что такое положение дел, когда они стали бы там большинством населения, соответствовало бы духу Декларации Бальфура».

Наконец, он без обиняков высказал и главное, заветное: «Очевидно, что в свое время мы связали себя обязательством, из которого следует, что когда-нибудь, в отдаленном будущем, здесь возникнет большое еврейское государство с численностью населения в миллионы человек, которое намного превзойдет нынешнее население этой страны» (142–144).

«Большое еврейское государство с численностью населения в миллионы человек» – это были сильные слова, сказанные исчерпывающе откровенно. Правда, Черчилль утверждал: «Это не случится в течение ближайшего столетия» (147). Но ведь он был хороший диалектик, прекрасно понимавший, что количество (евреев в Палестине) неизбежно перейдет в качество – и тогда процесс возникновения еврейского государства станет необратим. Он просто заведомо вводил в заблуждение, успокаивал коллег: говорил то, что те хотели слышать, не отвечая за свои слова.

Как выполнение этого завета о еврейском государстве отразится на арабах, на англичанах? Это Черчилля волновало меньше всего. Его ответы на подобные вопросы просто поражают – то ли глуповатой наивностью, то ли запредельным лицемерием.

Например, на вопрос, не будет ли распространение еврейского очага на всю Палестину все же представлять собой несправедливость по отношению к арабам, Черчилль ответил отрицательно: «В чем заключается грубая несправедливость, если люди приходят и создают в пустыне пальмовые и апельсиновые рощи? В чем несправедливость, если создается все больше рабочих мест и богатства для каждого? В этом нет несправедливости. Несправедливо, если живущие в этой стране оставляют ее пустыней в течение целых тысячелетий» (145).

Но напряжение в ходе заседания, больше напоминавшего перекрестный допрос, было чрезвычайно велико, и порой Черчилль показательно проговаривался, становился искренним поневоле. Вот выразительные примеры.

Депутат Рэмболд спросил его, считает ли он, что еврейская иммиграция в Палестину должна продолжаться, даже если «эта политика приведет к периодическим вспышкам волнений и будет стоить нам жизней наших солдат». Черчилль заявил на это совершенно бесстрастно: «Все вопросы, связанные с учреждением самоуправления в Палестине, должны вытекать из Декларации Бальфура, центральной идеей которой является идея создания национального очага для евреев. Соответственно, мы должны быть готовы ко всем последствиям, которые вызовет осуществление этого плана. Создание еврейского национального очага в Палестине – вот наше главное и основополагающее обязательство. Именно этим и должны определяться все действия Великобритании» (146).

В переводе на человеческий язык это значило: да, Черчиллю было не жалко жизней английских солдат ради интересов евреев, которые он, играя в высокую принципиальность, пытался прикрыть пустой бумажкой – Декларацией Бальфура, личным, по сути, письмом одного ангажированного чиновника, составленным под диктовку виднейших сионистов.

Другой депутат, профессор Каплэнд, резко возражал против концепции Черчилля о необходимости продолжения еврейской иммиграции, называя ее «ползучим вторжением и завоеванием Палестины, продолжающимся более полувека». «Это неслыханная в истории вещь», – сказал Каплэнд. И был совершенно прав!

Черчилль резко возразил ему. «Это не ползучее завоевание, – сказал он. – В 1918 году арабы потерпели поражение и оказались под нашей властью. Они были разбиты в открытом

бою. Никакого ползучего завоевания не было. Они были побеждены нами. Никто не смел возражать нам в ту пору. И тогда мы решили в процессе политического переустройства этих территорий принять на себя определенные обязательства и в отношении евреев» (148).

Снова прозвучал знакомый мотив: горе побежденным! Что ж, тоже откровенно, хоть и жестко. Но есть и второй смысл в этих словах: получается, что англичане сражались и умирали в боях с арабами – ради еврейских интересов? По Черчиллю, выходило, что да, что так и надо.

Предвзятость, высокомерие по отношению к арабам так и выпирали из ответов Черчилля. Об объективном подходе и речи быть не могло!

Когда Рэмболд заметил, что арабы создали «значительную цивилизацию в Испании», Черчилль парировал: «Я рад, что их оттуда вышвырнули» (149). Когда Каплэнд заметил, что Еврейское агентство имеет свое представительство в Лондоне, в то время как у арабов нет такого представительства и они чувствуют к себе холодность со стороны британских властей, Черчилль резко бросил в ответ: «Это зависит от того, какая цивилизация вам ближе» (153). Ему-то, ясное дело, были ближе евреи, и он хотел навязать свой подход и парламенту, и правительству, и всей Англии, и англичанам. И все они в конечном счете за это расплатились так жестоко, как только возможно.

И, наконец, Черчилль выразился откровеннее, чем когда бы то ни было, высказав свою собственную «декларацию» – декларацию жестокого, беспощадного колонизатора, человека без совести и жалости, последовательного этноэгоцентрика и расиста в худшем смысле слова. Когда глава комиссии Пиль заявил, что Великобритания «будет испытывать угрызения совести, зная, что она год за годом притесняла арабов, которые всего лишь хотели оставаться в своей собственной стране», Черчилль ответил настоящей отповедью. Он сказал: «Я не считаю, что собака на сене имеет исключительные права на это сено, даже если она лежит перед ним очень длительное время. Я не признаю такого права. Я не признаю, например, что какая-то великая несправедливость была совершена по отношению к американским индейцам или к аборигенам в Австралии. Я не признаю, что этим людям был причинен ущерб в результате того, что более сильная раса, более высокоразвитая раса или, во всяком случае, более умудренная раса, если можно так выразиться, пришла и заняла их место» (154–155).

Здесь, в этих словах, весь моральный облик Черчилля, его ценности, его глубинные мотивы и руководство к действию – как на ладони. В них четко и совершенно неприкрыто выражено кредо оккупанта, претендента на мировое господство, почище чем у Гитлера – они были ягодами одного поля. Мы, русские, всегда должны помнить об этих его словах, ибо в любую минуту они могли бы быть обращены и в наш адрес. (Мы ведь, с нашими ископаемыми богатствами, тоже, с подобных позиций, – собака на сене.) А заявленная в них логика с легкостью была бы применена к нам не Гитлером, а тем же Черчиллем, сложись все немного по-иному.

Помни, не забывай об этом, Иван! И будь всегда бдителен, имея дело с англичанами, людьми Запада вообще.

Но вся прелесть в том, что эти слова и эта логика были использованы в обоснование и в защиту особых прав не англичан в Палестине, а евреев по сравнению с арабами. Кто, поистине, был уже к тому времени для Черчилля «своим»?

Как Черчилль вооружил евреев на вечный бой

Усиливающаяся лавинообразно иммиграция евреев в Палестину неизбежно вела к обострению арабо-еврейских отношений. Это породило, в свою очередь, две проблемы: 1) на повестку дня встал вопрос о разделе Палестины на две независимые друг от друга части: поменьше для евреев и побольше для арабов; 2) евреи поставили вопрос о необходимости вооружиться «для самообороны». Конечно же, евреи не могли обойтись без Черчилля для оптимального, с их точки зрения, решения проблемы.

Но тут их взгляды неожиданно разошлись. Ибо Черчилль, если можно так выразиться, оказался большим сионистом, чем сами сионисты. Дело в том, что идею немедленного раздела Палестины поддержал Хаим Вейцман, «предпочитавший образование маленького государства прямо сейчас перспективе создания большого государства в относительно отдаленном будущем» (156). Вейцман, так сказать, предпочел получить синицу в руки, нежели журавля в небе. О чем он и заявил на известной встрече с Черчиллем и «тиграми сионизма» в 1937 году. Черчилль же категорически протестовал против такой минимизации требований и требовал от евреев ждать своего часа, целенаправленно проводя ту же политику массовой иммиграции, и «держаться, держаться, держаться». Он считал, что имеющее быть там созданное еврейское государство должно включать в свой состав всю Палестину, от Средиземного моря до реки Иордан. Время подтвердит его правоту.

В этом споре на стороне Черчилля оказался и поддержал его своими соображениями весьма специфический исторический персонаж – еще один лидер сионистов Владимир-Зеев (Вольф Евнович) Жаботинский, встречу с которым Черчиллю за две недели до дебатов по разделу Палестины организовал Джеймс де Ротшильд в своем поместье. «Если Вейцман был общепризнанным, всем известным и дипломатичным лидером главенствующего направления в сионизме, то Жаботинский являлся харизматичным главой воинственно настроенного нетерпеливого крыла «ревизионистов» и его молодежного подразделения – Бейтара» (160). Гилберт, правда, забыл разъяснить, что такое Бейтар – еврейские террористы, кровавые боевики, негласная сионистская армия. И сам Жаботинский, организатор первого еврейского «отряда самообороны» в России (таких же боевиков, попросту), затем создатель сражавшегося с турками Сионского корпуса, а ныне глава крайне радикального Всемирного союза сионистов-ревизионистов, жил с руками по локоть в крови. Весной 1920 года англичане даже приговорили его к 15 годам каторги за организацию боевых вылазок евреев против арабов, но после амнистировали. В отличие от дипломатичного легитимиста Вейцмана, Жаботинский исповедовал силовое давление как на арабов, так и на британские власти в Палестине. Свои взгляды он изложил в культовых статьях «О железной стене» и «Этика железной стены» (1924). Будучи к тому же убежденным противником коммунизма и социализма, Жаботинский вполне закономерно заслужил у своих оппонентов прозвище «фашист». В 1930 году британские власти были вынуждены запретить Жаботинскому въезд в Палестину, после чего «он направился в Восточную Европу, заражая еврейские массы лозунгом образования еврейского государства по обе стороны Иордана и призывая к массовой эмиграции. Он надеялся направить в Палестину таким путем до полутора миллионов иммигрантов» (160).

Обогатившись, как пишет Гилберт, новыми аргументами от Жаботинского, Черчилль своей речью в палате общин 21 июля 1937 года сумел убедить парламент не принимать «продиктованного отчаянием» решения о разделе Палестины. Результат вполне удовлетворил оратора, ведь он, по сути, создал первоначальные границы Израиля в максимальном варианте. Желая умиротворить сионистов, Черчилль спустя неделю в разговоре с бароном Меллеттом, который одновременно дружил с ним и с Вейцманом, настаивал на том, что раздел

Палестины был бы ошибкой и что он друг сионизма и «сделал бы все возможное, чтобы помочь им; но он не собирается быть большим сионистом, чем сами сионисты» (167–168). Парадокс: Черчилль лучше понимал и последовательнее отстаивал интересы евреев, чем даже сам Хаим Вейцман!

Отказ от раздела Палестины жестко ставил сионистов перед необходимостью наращивать там удельный вес евреев, добиваться изменения своего положения меньшинства, расширения своего контроля над всей территорией. А это можно было сделать только увеличивая поток иммигрантов. Погромы «Хрустальной ночи» с 9 на 10 ноября 1938 года и новый подъем антисемитизма в Германии сильно поспособствовали этой задаче. Все сионисты использовали этот козырь для пополнения еврейского населения Палестины. И ради этого готовы были даже сотрудничать с Гитлером (подробности ниже).

Перед Черчиллем же встала новая важнейшая задача: добиться британских санкций на расширение иммиграционной квоты. «В ходе дебатов в палате общин 24 ноября Черчилль произнес убедительную речь... Цитируя ежегодные отчеты с данными о переписи населения, предоставляемые в Лигу Наций, Черчилль отметил, что за прошедшие пятнадцать лет, в период между 1923 и 1938 годом, прирост арабского населения составил 300 тыс. человек, а еврейского – 315 тыс. человек. «Поэтому мне кажется, что... правильным решением было бы установление правила, согласно которому еврейская иммиграция в Палестину не должна быть меньше роста арабского населения» (192).

Хитрый трюк! Это означало бы быстрый рост удельного веса евреев, поскольку их прирост в процентном отношении был бы гораздо выше. Те же 300 тысяч для арабов относительно небольшая, а для евреев – огромная цифра. На словах получалось, что Черчилль предлагает ограничить уровень иммиграции (и так это поначалу и восприняли обиженные на него сионисты)³³. А что на деле? На деле под видом квотирования он предлагал вдвое увеличить поток евреев-мигрантов по сравнению с фактическим: «Такая политика, по расчетам Черчилля, должна была привести к тому, что численность ежегодной еврейской иммиграции должна была быть ограничена цифрой от 30 000 до 35 000 человек. Это было значительное число, в три раза превышавшее действительные размеры еврейской иммиграции за 1937 год, которая составила лишь чуть больше 10 000 человек, и в два раза больше иммиграции за 1938 год, составившей 15 000 человек» (194).

А поскольку некоторые парламентарии выразили беспокойство, что арабы не согласятся и на урезанную иммиграционную квоту, то Черчилль в своей циничной манере, не колеблясь, прибег к шантажу и давлению: «Если арабы откажутся прийти к какому-либо соглашению, то иммиграция тогда вообще не будет ограничена никаким определенным пределом... Если согласия с их стороны не последует, то мы будем для обеспечения своей безопасности полагаться на другие факторы. Однако тогда у нас не будет установлена верхняя планка численного уровня иммиграции»³⁴(194).

* * *

Спрашивается, на какие «другие факторы» собирался полагаться Черчилль? Только ли на британские вооруженные силы? Нет. Как уже говорилось выше, проблема создания соб-

³³ По признанию Черчилля, «Великобритания просто не могла позволить себе открыто заявить во всеуслышание, что на территорию Палестины будут прибывать пришельцы, которые станут вытеснять отсюда тех, кто жил здесь столетиями» (341). Это было им сказано в январе 1949 года. Но понимал-то он это всегда и знал, что делал, тоже всегда, хотя только теперь в этом косвенно признался!

³⁴ Позиция Черчилля по этому вопросу всегда оставалась твердой и неизменной. Например, 27 апреля 1942 года в меморандуме военному кабинету У. Черчилль в очередной раз подчеркнул: «Я не смогу ни при каких обстоятельствах согласиться с абсолютным прекращением иммиграции в Палестину по требованию арабского большинства» (237).

ственно еврейских вооруженных сил давно стояла на повестке дня у сионистов, ввиду разрастания арабо-еврейского противостояния, вызванного иммиграционной еврейской лавиной.

Однако задача вооружить евреев для борьбы с арабами должна была иметь благовидное обоснование. Оно нашлось через год, сразу после начала Второй мировой войны, в беседе новоиспеченного первого лорда адмиралтейства Уинстона Черчилля с Хаимом Вейцманом, приглашенным на обед непосредственно в адмиралтейскую резиденцию. На встрече Черчилль предложил, чтобы Вейцман «подготовил список необходимых условий» в связи с возможным участием палестинских евреев в военных усилиях Великобритании. В ответ Вейцман указал, что 75 тыс. молодых еврейских мужчин и женщин в Палестине уже «зарегистрировались для национальной военной службы, чтобы сражаться в составе британских вооруженных сил там, где это может понадобиться». Черчилль спросил, вооружены ли они, и, получив отрицательный ответ, сказал, что «он должен вооружить их». Если евреи будут вооружены, сказал Черчилль, то можно будет вывести британские войска из Палестины (206–207).

Вот так и договорились. Вторая мировая война отлично сгодилась как предлог для вооружения палестинских евреев. О том, как и против кого потом будет использовано это оружие, речь, конечно же, не шла. Но умные собеседники прекрасно понимали, что ни отнять оружие по миновании надобности, ни указывать евреям, против кого его повернуть, никогда уже не получится, коль скоро 75 тысяч человек сольются в первоначальную еврейскую армию. Тем более если британские войска окажутся выведены из Палестины для переброски на фронт. Блестящие умы!

«Черчилль добавил, что верит, что если евреи будут вооружены, то «арабы придут к соглашению с ними». Это были ободряющие слова, сказанные с искренними намерениями...» (207). Ларчик открывался просто: куда бы арабы делись перед лицом вооруженных евреев!

Но кабинет не терял головы, и первая попытка Черчилля вооружить евреев Палестины сорвалась. Однако он уже четко обозначил свои намерения, а отступать не привык. И тут случилось то, что должно было случиться: 10 мая 1940 года Черчилля назначили премьер-министром. Характерную реакцию это сообщение вызвало на Ближнем Востоке. По воспоминаниям некоего Бена Гейла, находившегося в тот момент в Тель-Авиве, на лекции преподаватель вдруг прервался, чтобы зачитать вслух поступившую записку: «Чемберлен отступил. Теперь Черчилль стал премьер-министром». В ответ на это «в большом зале все встали и горячо приветствовали сообщение. С Черчиллем у руля появлялась надежда и у евреев Палестины» (216). Конечно, они хорошо знали, who is who.

Вооружению палестинских евреев противился министр по делам колоний лорд Ллойд, который боялся «наихудшей возможной реакции арабского мира». Но Черчилль возражал ему как премьер и как министр обороны: «Наша главная и практически единственная цель в Палестине в настоящее время заключается в том, чтобы высвободить одиннадцать батальонов отличных регулярных войск, находящихся там. С этой целью евреи должны быть как можно скорее вооружены и соответствующим образом организованы для того, чтобы образовать силы самозащиты Палестины... Мы не вправе оставить их безоружными, когда наши войска уйдут, а они должны уйти как можно скорее».

Его позицию неожиданно поддержал лорд Лотиан, британский посол в США, приславший телеграмму, сообщавшую, что американские евреи хотят, чтобы палестинские евреи были организованы в вооруженные отряды под командованием британцев. «Если Палестина подвергнется нападению и евреи не смогут защитить свою страну, это вызовет прискорбную реакцию американского еврейства» (217).

На первое время был найден компромисс: 20 тыс. евреев-добровольцев влилось в британскую армию, но эти пятнадцать батальонов были отправлены в Египет против немцев и итальянцев. (Воображаю, как обрадовались арабы Египта таким защитникам! Нет, чтобы их отправить на европейский фронт...)

В 1941 году Вейцман вновь стал настаивать на создании «отдельной еврейской армии, со своими знаками отличия и собственным знаменем», обещая сформировать целую дивизию в составе 12 тыс. человек. Это не были пустые слова. К тому времени у палестинских евреев уже была своя вооруженная до зубов боевая организация «Хагана», действовавшая с 1920 года нелегально, подпольно, но эффективно³⁵. В 1938 году она превратилась в военное крыло Еврейского агентства, руководимого Вейцманом, так что тот знал, что обещал Черчиллю. В мае 1941 года Хаганой были созданы две «ударные роты», год спустя их число было доведено до шести. Весной 1941 года бойцы Хаганы под британским командованием осуществили ряд диверсионных рейдов в Сирию. А когда в 1944 году в рамках британской армии была, наконец, создана Еврейская бригада, многие участники Хаганы влились в нее. Были у евреев наряду с Хаганой и иные вооруженные формирования, действовавшие не спросясь у англичан³⁶.

Однако кабинет твердо противился созданию регулярной еврейской армии, и Черчилль в марте 1941 года сообщил Вейцману, что решение этого вопроса вынужденно откладывается, но при этом заверил его в том, что «никогда не подведет» старого друга (229).

Его феноменальная настойчивость вновь одержала верх. По мере того как немцы и итальянцы продвигались по землям Египта все ближе к Суэцкому каналу, Британия, наконец, одобрила план самозащиты еврейской общины и позволила ей соорудить укрепления на стратегических высотах. Кроме того, 6 августа, после успешного наступления немцев, в Палестине «был объявлен призыв добровольцев, арабов и евреев, в результате чего был создан Палестинский полк. Добровольцев оказалось достаточно для формирования трех еврейских и одного арабского³⁷ батальона с британскими знаками различия и знаменами» (238–239). Это был шаг с далекими последствиями. Лиха беда – начало...

Когда в 1948 году свежее испеченное государство Израиль формально озаботилось созданием своей армии, для этого уже было все давно готово. Проверка Израиля на прочность была осуществлена арабами немедленно по уходу англичан, сразу же, в мае 1948 года. Она показала: труды и заботы сионистов и Черчилля по милитаризации еврейской общины были не напрасны. Израиль выстоял.

Хотел ли того Черчилль, понимал ли он это или нет, но его политика в Палестине неизбежно привела со временем к бесконечной кровавой расправе евреев и арабов, у которой нет и не может быть мирного исхода никогда.

В этой расправе пострадали и сами англичане по русской формуле «в чужом пиру похмелье». Подробнее об этом я скажу в своем месте, здесь же только процитирую историка Вадима Кожина: «Определенная часть находившихся в 1940-х годах в Палестине сионистских боевых структур воевала не только с арабами, но и – как сообщает в своей изданной в

³⁵ Британские власти наложили на деятельность Хаганы запрет, однако это не помешало ей организовать эффективную защиту еврейских поселений. С образованием еврейского государства Хагана стала основой Армии обороны Израиля.

³⁶ Черчилль как-то заметил по поводу одной из таких структур: «Конечно, арабы им не противники. Люди из «Иргуна» – просто гангстеры» (331). Имелся в виду Иргун Цвай Леуми, еврейская подпольная террористическая организация, совершавшая теракты как против арабов, так и против англичан, которых члены организации уже считали «нелегальными оккупантами» еврейской территории.

³⁷ Замечу, что, будь политика Черчилля на Ближнем Востоке иной, арабских батальонов на службе Британии могло бы быть не менее тридцати. Поражает лицемерие, с которым Черчилль заявил как-то Вейцману об арабах: они-де «сделали для нас очень мало во время войны и во многих случаях только создавали нам проблемы. Он припомнит это, когда придет день расчета». В том же духе писал он и Комитету начальников штабов, жалуюсь на арабов (255). А чего же ждал сей кондотьер сионизма?! На что смел бы надеяться?!

1981 году в Мюнхене книге «Второй Израиль для территориалистов?» своеобразный еврейский идеолог Б. Ефимов – «продолжала вооруженную борьбу против английских властей, то есть они фактически участвовали в войне на стороне Гитлера, а некоторые из них даже вели с нацистами переговоры о создании еврейско-нацистского союза против Великобритании (интересно отметить, что крупнейшую из организаций, продолжавших войну против англичан, возглавлял будущий премьер-министр Израиля Бегин)»³⁸. Задачу противостояния британским властям в целях выполнения программы сионизма также во многом выполняла пресловутая Хагана.

³⁸ Подробно о работе В. В. Кожина, посвященной Хаиму Вейцману, речь впереди.

У порога нового еврейского государства

15 февраля 1944 года премьер-министр Британии сэр Уинстон Черчилль в очередной раз обедал тет-а-тет с Хаимом Вейцманом. Разговор, естественно, шел о судьбе еврейской общины. Коллеги-сионисты, с волнением ждавшие итогов, спросили потом Вейцмана, поддержал ли Черчилль их надежду на создание еврейского государства в Палестине. «Да, его позиция обычно всегда обнадеживающая, – открыл им Вейцман. – У нас нет причин для беспокойства, потому что у нас есть очень хороший ответ» (256).

А в ноябре того же года эта же пара политиков, сидя в имении Черчилля, уже обсуждала границы будущего Израиля по окончании войны. Это была, по словам Вейцмана, «длительная и очень дружественная встреча». Черчилль пояснил, что он, как и сам верховный сионист, стоит за включение пустыни Негев в состав еврейского государства: «Если бы евреи могли получить всю Палестину, – добавил Черчилль, – это было бы хорошо». Вейцман же сообщил Черчиллю, что они имеют в виду принимать около 100 тыс. евреев в год в течение примерно пятнадцати лет. Черчилль спросил, означает ли это что-то вроде полутора миллионов, на что Вейцман ответил, что «это действительно так – для начала» (277).

Только теперь Вейцман вполне раскрыл свои карты, но Черчилль вновь его всецело поддержал. Такое развитие событий виделось им обоим в качестве победного итога Второй мировой (Черчилль настаивал из дипломатических соображений: «ничто не должно решаться до конца войны», но по сути они обо всем уже условились). Что кто ни говори после этого, а мы понимаем, что Израиль был состряпан Вейцманом и Черчиллем. Хотя, конечно, не только ими, но ими – в первую очередь.

Ближе к окончанию войны, как пишет Гилберт, «Черчилль продолжал искать решение, которое позволило бы создать сионистское государство, благодаря которому 517 000 евреев, живших тогда в Палестине, то есть меньше трети всего населения, должны были получить собственное государство, которое не зависело бы от милости враждебного арабского большинства и могло бы самостоятельно управляться хотя бы в рамках той части территории страны, которую надеялись получить представители еврейской общины» (286).

Эта тема волновала, конечно, не только евреев и Черчилля. В начале 1945 года Саудовская Аравия, Египет и Ирак вдруг забеспокоились насчет намерений Великобритании и США в отношении будущего Палестины. Но это беспокойство явно запоздало: число евреев выросло там к концу войны в 6,5 раза! Количество, по закону диалектики, перешло в качество. Создание независимого еврейского государства становилось закономерным и неизбежным следствием этого наплыва еврейских иммигрантов.

Против такого следствия пытался возразить король Аравии Ибн-Сауд, специально добившийся с этой целью встречи с Рузвельтом. Дело в том, что к концу войны стало ясно, что несмотря ни на какие мандаты Великобритания более не способна решать ни судьбы мира, ни даже судьбу крохотного клочка земли на Ближнем Востоке. Роль хозяина перешла на обозримую перспективу к Америке, и в руках Рузвельта были отныне те весы, на чашах которых колебалось будущее двух ветвей семитской расы. Это понимал и Черчилль, пытавшийся влиять на американского президента, и все другие участники ближневосточной драмы.

Рузвельту самому далеко не все было ясно относительно этой драмы, и он вовсе не был никогда сторонником сионизма, в отличие от Черчилля, зато был горячим поклонником арабской нефти, которую намеревался без проблем добывать для Штатов. Поэтому ему хотелось выслушать все стороны, и он начал обсуждение с того, что попросил у короля совета относительно дальнейшей судьбы «еврейских беженцев, изгнанных из своих домов в Европе». Король ответил: «Евреи должны возвратиться в те страны, откуда они были изгнаны, и жить

там». И тогда Рузвельт заверил Ибн-Сауда, что он «не сделает ничего, чтобы помочь евреям в борьбе против арабов, и не сделает ни одного шага, враждебного арабскому народу», и что его администрация не изменит свою политику в Палестине «без полной предварительной консультации с евреями и арабами». Рузвельт предложил, чтобы король оказал поддержку дипломатическим миссиям арабских стран в Великобритании и Соединенных Штатах в выдвижении аргументов против планов сионистов, потому что, как сказал президент, «многие люди в Англии и Америке оказываются дезинформированными».

Иными словами, мудрый, искушенный политик Рузвельт предложил арабскому королю развернуть антиссионистскую пропаганду в мировом масштабе. Без этого, он понимал, ничего изменить уже не удастся. Но недалекий, непродвинутый араб не понял, не оценил совет Рузвельта. Он ответил, довольно глупо, что такая работа могла бы быть полезной, но «важнее всего то, что президент только что сказал ему о своей политике по отношению к арабскому народу» (288–289).

Он не заметил даже, что Рузвельт умирает и ничем уже не сможет помочь...

А тем временем Черчилль не дремал и в то же время в том же месте также ждал встречи с Рузвельтом. В отличие от араба, англичанин сразу сообразил, что Рузвельт уже не жилец, что «жить ему осталось недолго». Свою задачу Черчилль понял верно: надо тянуть время. И немедленно направился через пустыню в «Отель дю Лак» на встречу с Ибн-Саудом, которого попросту обвел вокруг пальца, обманул, заверив, что Великобритания не допустит вооруженного нападения евреев на арабов: «Мы контролируем моря и легко можем лишить их снабжения. В то же время евреи должны иметь место, где жить, – другими словами, иметь возможность жить в Палестине. Он никогда не выступал за то, чтобы Палестина была превращена в еврейское государство, он лишь за создание еврейского национального очага в Палестине». Он-де надеется, что может рассчитывать на содействие короля, чтобы обеспечить «твердый и постоянный порядок при совместном проживании евреев и арабов в Палестине» (291).

Лицемер и обманщик чудовищный! На время ему удалось затуманить сознание короля. Но через шесть недель Черчилль получил от Ибн-Сауда письмо, в котором тот настаивал, что образование еврейского государства в Палестине «станет смертельным ударом для арабов и постоянной угрозой миру. Еврейские амбиции не ограничиваются одной Палестиной. Их приготовления показывают, что они намерены предпринять враждебные действия против соседних арабских государств». Евреи готовятся «установить своеобразную форму нацизма или фашизма на виду у демократических стран и посреди арабских стран». Как в воду смотрел король! Но изменить ничего уже не мог...

Последнее усилие

Мировая война неизбежно шла к концу, а евреи – к созданию Израиля. Но в этом процессе на самом финише Черчилля ожидал личный крах, повлекший за собой перемену в его роли на Ближнем Востоке.

Черчиллю не дали самому довести дело евреев в Палестине до победного конца и пожать все надлежащие лавры, т. к. консерваторы и он сам потерпели фиаско на выборах летом 1945 года. Все вопросы взаимоотношений Великобритании и Палестины оказались в ведении нового премьер-министра, представителя британских лейбористов Клемента Эттли. Однако за всю жизнь сэр Уинстон сумел сделать для создания Израиля столько, что предопределил необратимость последствий и итоговый результат. Ему оставалось лишь в пух и прах критиковать лейбористов, втихую потирая руки и перемигиваясь со своими еврейскими друзьями. Черчилль не знал ни о неблагодарности евреев в 1945 году, ни даже о попытках его взорвать (!) и продолжал работать и интриговать в их пользу изо всех сил.

Главная идея Черчилля в отношении Палестины состояла по окончании войны в том, чтобы устранить Англию от участия в решении этого вопроса и тем самым окончательно развязать руки сионистам. 6 июля 1945 года он написал министру по делам колоний Оливеру Стэнли и начальникам штабов британских вооруженных сил, послав копию этого письма министру иностранных дел Энтони Идену: «Я не считаю, что мы должны брать на себя ответственность за управление этим трудным регионом, пока американцы спокойно сидят и критикуют нас. Нам надо задаться вопросом, не следует ли нам попросить их взять все это на себя? Я считаю, что чем теснее они окажутся связанными с проблемами средиземноморского региона, тем мы станем сильнее. Во всяком случае, то обстоятельство, что мы никак не демонстрируем желание сохранять британский мандат в Палестине, очень нам помогает. Лично я не вижу даже малейшего преимущества для Великобритании от этого болезненного и неблагодарного занятия. Настала очередь кого-то еще» (305–306).

Если Соединенные Штаты не желают «прийти и разделить с нами бремя содействия делу сионизма, – разъяснял Черчилль палате общин 1 августа 1946 года, – тогда Великобритания должна немедленно заявить, что мы возвратим британский мандат Организации Объединенных Наций». В ответ на эту речь Хаим Вейцман писал Черчиллю на следующий день: «Я хочу надеяться, что судьба вручит вам решение нашей проблемы, которая к настоящему времени уже могла бы быть решена, а мы могли бы быть избавлены от многих несчастий» (320). Хитрецы все просчитали. Ведь евреи уже были готовы взять дальнейшую судьбу в свои руки. Как публично признал тот же Черчилль, «евреи-сионисты всего мира и палестинские евреи... больше не нуждаются в нашей помощи для защиты своего национального очага против враждебно настроенных местных арабов» (313). И они могли отбросить Великобританию, как ракету-носитель, выведшую их на заданную орбиту и ставшую мешающей лишней обузой.

Цинизм Черчилля был поистине безграничен. Теперь, когда его титаническими трудами Палестина превратилась в пороховую бочку, готовую вот-вот рвануть большой этнической войной, из которой должно было родиться новое государство евреев, он принялся убеждать свою страну в том, что Великобритании лучше уйти из региона. 31 января 1947 года он внушал парламенту: «Цена поддержания порядка в этом регионе составляет от 30 до 40 миллионов фунтов в год – денег, в настоящее время просто утекающих прочь». А сто тысяч солдат, расквартированных в Палестине, «составляют очень значительную часть нашей армии. Сколько еще времени они должны находиться там? И для чего находиться?» И впрямь: ведь теперь евреи могли и сами себя защитить. И бывший премьер резюмировал: «Я никогда не

видел, чтобы была получена меньшая отдача за приложенные усилия, чем это происходит в Палестине» (224). Можно подумать, что в бытность его у руля империи это было не так!

Мавр сделал свое дело, мавр может уйти. Перефразируя Наполеона, скажу: стакан был уже полон, и наполнил его Черчилль, а кому пить – не его забота. После того как Англия четверть века несла немыслимые материальные, моральные и политические издержки из-за палестинского мандата, следовало отпихнуть ее от принятия решений, чтобы не путалась под ногами, а всю ответственность переложить на Штаты, нового хозяина мира. Умывая руки и призывая Великобританию прекратить всю возню в Палестине, когда дело уже зашло слишком далеко и до создания Израиля оставались считанные месяцы, Черчилль лишил свою страну даже моральной компенсации за те издержки, затраты, протори и убытки, которые она десятилетиями несла на Ближнем Востоке по его милости. Это была его последняя жертва евреям за счет Великобритании, жертва полностью бессмысленная (не для евреев, конечно). Бедная одураченная Англия – вот все, что можно тут сказать!

Несмотря на то что к власти пришли антагонисты Черчилля – и это был публичный афронт, пощечина, заслуженная оголтелым юдофилом от английского народа, его публичный провал, – тем не менее заложенные им основы еврейского государства были так велики и прочны, что дать задний ход англичанам уже не удалось, было поздно. Оставалось только одно: постыдная капитуляция, бесславный уход с ближневосточной арены. Это, конечно, лишь фрагмент общей картины капитуляции Великобритании перед Америкой, передачи ей всех сколько-нибудь значимых мировых инициатив, как и уход из Индии, из Египта, и др. Но и то, и это – наследие политики Черчилля, плоды его деятельности во время премьерства.

Черчилль и на этот раз победил, уже будучи простым депутатом парламента, лишенным власти, но не права голоса, которым так мастерски пользовался. «В результате дебатов 31 января 1947 года лейбористское правительство Великобритании приняло решение вернуть палестинский мандат в Организацию Объединенных Наций. Это решение кабинета было опубликовано две недели спустя» (325).

Палестинская политика Черчилля привела Англию к позорному финалу: она перестала вообще справляться с ситуацией и вынуждена была вернуть ООН свой мандат – от бессилия. Это стыд и срам; но Черчилль потирал руки: белый английский мавр сделал свое дело и может убираться ко всем чертям. Пусть стыдится Англия – но торжествуют евреи! Победа сионизма и Израиля – превыше всего!

Конечно, Черчиллю не было дела до репутации Британии, которую он же и поставил в дурацкое положение. Что до его личной репутации, то он с немалым тщеславием приписывал себе (тайно от общества, в котором родился и жил) заслугу глобального масштаба: «Нравится это нам или нет, но возникновение еврейского государства в Палестине является событием мирового значения, которое следует рассматривать с учетом его исторических перспектив. При этом речь идет о перспективе не в рамках жизни одного поколения или нынешнего столетия, а о перспективе в одну тысячу, две тысячи или даже три тысячи лет. Это тот стандарт времени, который очень плохо согласуется с присущей нам постоянной стремительной сменой настроений и с тем переменчивым временем, в котором мы сейчас живем. Создание Израиля – это подлинное событие мировой истории» (337). Черчилль в эти минуты мог считать себя демиургом.

Действие британского мандата на управление Палестиной закончилось 14 мая 1948 года. В тот же день Давид Бен-Гурион провозгласил создание независимого Государства Израиль. Как Советский Союз, так и Соединенные Штаты сразу признали Израиль. Нелепо и нелогично, но Великобритания отказалась сделать это – с опозданием выиграли имперские амбиции, когда страна поняла, что ее обдурили. Точнее, что ее нагло дурили все минувшие годы. По сути, непризнание Великобританией Израиля было равносильно признанию в соб-

ственной глупости, в постыдных просчетах. Непристойная попытка махать кулаками после драки...

Черчилль не был бы Черчиллем, если бы не положил на это историческое полотно свой последний мазок. 22 января 1949 года он «страстно выступил» в парламенте по поводу непризнания Израиля. Настолько страстно, что «в конце дебатов, после того как все парламентарии выслушали речь Черчилля, было оглашено специальное заявление лейбористского правительства о том, что Великобритания собирается признать Государство Израиль» (342). А через девять дней после его выступления Израиль получил-таки от Англии подарок: официальное признание.

Черчилль добавил все же своих соотечественников. Вот тогда и настал его полный и подлинный триумф в долгой палестинской истории.

Глава II. Поджигатель войны

Вернемся теперь в довоенную Европу.

Нет в истории европеоидной белой расы более трагических и даже катастрофических лет, чем годы Второй мировой войны, положившие начало печальному закату европейцев, подорвавшие нашу витальную силу. Гибельные последствия этой самоубийственной бойни, в которой приняли участие 72 страны, мы ощущаем со всевозрастающей мощью, а нашим детям и внукам, очевидно, придется еще хуже. Исправить дело уже вряд ли удастся, но надо хотя бы осмыслить произошедшее...

Загадки Второй мировой войны всегда не давали мне покоя. Я не понимал самых важных вещей, не мог найти ответы на главные вопросы:

1) почему Гитлер бросился на Польшу (да еще поделив ее со Сталиным), уничтожив тем самым буфер безопасности между Германией и СССР;

2) почему, будучи совершенно не готовыми к войне и подтвердив эту неготовность (и вообще неспособность воевать) стремительными и сокрушительными разгромами, которые они позволили учинить над собой Гитлеру, Англия и Франция все же объявили войну Германии после захвата тою Польши;

3) почему Гитлер, раздавив и захватив Францию и еще пол-Европы, но не завершив разгром Англии, бросился на СССР, ввергнув тем самым Германию в войну на два фронта, как бы забыв плачевный опыт Первой мировой войны и вообще все азбучные истины военного дела;

4) почему Гитлер 11 декабря 1941 года, уже ведя тяжелую войну на два фронта, объявил вдруг новую войну, на этот раз самой Америке, торжественно предопределив этим самоубийство свое и своей страны.

Меня совершенно не удовлетворяли шедевры советской историографии, в которых я не мог найти ничего, объясняющего все вышеназванное, кроме примитивной марксистской политэкономии и классовой идеологии. Но и зарубежные источники, злоупотребляющие субъективными факторами, мало проливали света на тревожившие меня вопросы. Приходилось вылавливать крупницы истины то тут, то там, в основном из проговорок участников событий и иных высоко осведомленных лиц. Закрытость советских (российских) и британских архивов в части, касающейся войны, не добавляли оптимизма.

Поиск объективных ответов на эти важнейшие вопросы снова и снова приводил меня к еврейской теме, на фоне которой каждый раз из океана истории всплывала, кривя лягушечий рот, монструозная фигура «Бленхеймской Крысы» – сэра Уинстона Черчилля. Поскольку сегодня мы ведем разговор с читателем в рамках жанра «размышления над персоной», я не стану отвечать сразу на все четыре вопроса и приводить весь массив фактов на сей счет и ограничусь лишь самыми существенными моментами по интересующей нас теме.

А для начала обрисую ее основные координаты: Германия и цели ее войны; Германия и еврейский вопрос; Германия и Англия.

Чего хотел Адольф Гитлер

Гитлер был одним из самых последовательных политиков в мире, почти доктринером, им полностью властвовали идеи и, если так можно выразиться, идейные мечты. Он всегда, невзирая на временные тактические, прагматические отступления, стремился воплотить в жизнь свои теории общественного устройства, свое понимание должного. Чтобы понять его мотивы, надо внимательно читать его программные тексты, в особенности и в первую очередь «Майн Кампф».

Тогда нам станет понятно, что в своих дерзких геополитических мечтаниях Гитлер вполне прогрессивно и реалистически исходил из главного: этнодемографического фактора. Налицо был стремительный рост немецкой этнонации, стоявшей по этому показателю на втором месте в Европе, сразу после русских. С 1870 по 1925 год население Германии увеличилось на целых 23 млн человек (более чем на треть за какие-то 50 лет и несмотря на войны и бурную эмиграцию в обе Америки!), составив 63 млн, а к 1939 – все 80 млн, из которых 70 % уже переместилось в города, «раздувшиеся» от такого количества «лишних людей».

В «Майн Кампф» Гитлер, глядя в корень, отмечал ежегодный прирост народонаселения Германии в 900 тыс. человек. Считая плотность немецкого населения избыточной, но при этом намереваясь не снижать, а наращивать этот показатель, он естественным образом пришел к проблеме «жизненного пространства», поставив ее во главу угла внешней политики. «Нас, немцев, проживает по 150 человек на квадратный километр – разве это справедливо?!» – вопрошал он себя и всех своих слушателей и читателей, а слушала и читала его к тому времени вся Германия. Положим, в некоторых странах Европы (например, в Бельгии) этот показатель был повыше, но Гитлера интересовало только свое. И в поисках жизненного пространства для немцев во всех нынешних и грядущих поколениях он всегда обращал свой взор только на Восток, только на славянские земли – на Югославию, Чехословакию, Польшу и Россию. И никогда этого не скрывал³⁹. Пр процитирую самые яркие мысли фюрера.

«Мы, национал-социалисты... хотим приостановить вечное германское стремление на юг и запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены».

При этом речь вовсе не шла о превращении России в немецкий доминион, протекторат или даже колонию. Нет, Гитлер хотел «ариизировать Россию» вполне однозначным образом: ликвидировать «расово неполноценное» русское население и заменить его истинными арийцами – немцами. Он писал недвусмысленно: «Наша задача – не в колониальных завоеваниях. Разрешение стоящих перед нами проблем мы видим только и исключительно в завоевании новых земель, которые мы могли бы заселить немцами»; «Наша задача, наша миссия должна заключаться прежде всего в том, чтобы убедить наш народ: наши будущие цели состоят не в повторении какого-либо эффективного похода Александра, а в том, чтобы открыть себе возможности прилежного труда на новых землях, которые завоюет нам немецкий меч»⁴⁰.

³⁹ А. Гитлер. Моя борьба. – М., Витязь, 2000. – С. 110–118, 196, 517, 544–549, 555–556, 560–565 и др. Кстати, исключительно антиславянский пафос гитлеровской агрессии ярко демонстрирует тот факт, что следом за захватом Чехословакии в 1938 году и вторжением в 1939 году в Польшу произошел быстрый захват немцами Югославии весной 1941 года. После чего практически все европейские славяне, не входившие в СССР, оказались под немецким владычеством, под тевтонской пятой (Болгария и так уже была сателлитом Германии со времен Берлинского конгресса 1878 г.).

⁴⁰ Там же, с. 555–557.

Русских (и вообще славян) Гитлер за людей не считал и участь им готовил незавидную. «Русский человек – неполноценен», – определенно заявил он на совещании 5 декабря 1940 года в ходе подготовки плана «Барбаросса». Его установки в полной мере проявились в ходе геноцида и этноцида русских, белорусов, украинцев, в культурной политике на оккупированных территориях Польши и СССР и т. д. Не говоря уже о цинично людоедском плане «Ост», варианты и подготовительные материалы которого сегодня тщательно исследованы, стоит вспомнить, что писал генерал-фельдмаршал Рейхенау в приказе по армии от 10.10.41 г. «О поведении войск на восточном пространстве»: «Основной целью похода против еврейско-большевистской системы является полное уничтожение ее власти и истребление азиатского влияния на европейскую культуру... *Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения*» (выделено мной. – А. С.). Интересно, что другие генералы и маршалы – Рундштедт, Браухич, Манштейн, Гудериан – распространяли этот текст почти без изменений, поскольку он, во-первых, соответствовал их представлениям о целях и методах войны, а во-вторых – отражал официальную установку, идущую с самого верха. Листовку с этим приказом нес с собой в ранце каждый солдат вермахта, отправлявшийся на Восточный фронт.

Гитлеру вторил Гиммлер, к примеру, в речи перед высшими руководителями СС и полиции на юге СССР в сентябре 1942 года: «В следующем году мы окончательно завоюем и те территории Европейской России, которые остались еще не занятыми... В ближайшие 20 лет мы должны заселить немцами германские восточные провинции от Восточной Пруссии до Верхней Силезии, все генерал-губернаторство (т. е. Польшу. – А. С.); должны онемечить и заселить Белоруссию, Эстонию, Литву, Латвию, Ингерманландию (т. е. Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую области. – А. С.) и Крым... Германский восток до Урала... должен стать питомником германской расы, так что лет через 400–500... немцев будет уже не 120 миллионов, а целых 500–600 миллионов».

23 мая 1939 года на совещании с высшим командным составом вооруженных сил Гитлер говорил: «Предмет спора вовсе не Данциг. Речь идет о расширении нашего жизненного пространства на востоке и об обеспечении нашего продовольственного снабжения. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы пощадить Польшу. Нам осталось одно решение: напасть на Польшу при первой удобной возможности».

В том же духе высказывались и иные руководители рейха. Многие подробности можно найти, в частности, в статьях и книгах⁴¹ автора этих строк, занимавшегося данным вопросом, а также в материалах конференции «Геноцид русского народа в XX–XXI вв.», проведенной в феврале 2005 года под эгидой Института философии РАН.

Подчеркну еще и еще раз: агрессия Гитлера, его захватнические планы изначально были направлены исключительно на славянские земли, расположенные к Востоку от Германии. Западноевропейским державам нечего было опасаться: все свои мечты и нужды Гитлер с лихвой мог и должен был удовлетворить отнюдь не за их счет. Вот лишь одно из множества свидетельств тому, но весьма значительное. Меньше чем за месяц до нападения на Польшу, 11 августа 1939 года, Гитлер заявил Верховному комиссару Лиги Наций профессору Буркхарду с предельной откровенностью: «Я ничего не хочу от Запада ни сегодня, ни завтра... Все намерения, которые приписывают мне на этот счет, – досужие вымыслы. Но я должен иметь свободу рук на Востоке... Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп, чтобы понять это, я буду вынужден добиться соглашения с Россией, разбить Запад, а затем, после его поражения, собрав все силы, двинуться на Россию».

⁴¹ Александр Севастьянов: 1) Время быть русским. – М., Яуза, 2004; 2) Победу не отнять! Против власовцев и гитлеровцев. – М., Алгоритм, 2010.

Гитлер, повторюсь, был идеократом, власть идеи, мечты над ним всегда была чрезвычайно велика. Нетрудно видеть, что в дальнейшем события развивались в точности по изложенному им варианту, от которого он не отступил ни на йоту...

Сказанным полностью объясняется тот факт, что для начала без войны отобрав землю у чехов (сперва издавна онемеченные Судеты, а там и остаток: Богемию и Моравию) и максимально усилившись за счет добровольного присоединения словаков⁴² и воссоединения с немецкой в целом Австрией, отнесшейся к этому восторженно, Гитлер первым делом разгромил вечного врага немцев – Польшу. Отняв у нее не только онемеченную, как Судеты, Силезию, но и прочие земли за исключением тех, что входили некогда в Киевскую и Галицко-Волынскую Русь и на которые наложил руку Сталин.

Все шло по заранее не только намеченному, но и обнародованному плану. «Дранг нах Остен», прописанный в «Майн Кампф», продвигался вполне триумфально. Задача первого уровня была Гитлером решена: чешские и польские земли стали немецкими. Немецкие войска в 1939 году вышли непосредственно к границам исторической России.

Предстоял последний, окончательный этап этнической германо-славянской войны: разгром и захват Югославии и СССР; сербские и русские земли должны были разделить участь чешских и польских.

Но тут «некстати» вмешались Англия и Франция, объявив Гитлеру войну. Тем не менее весной 1941 года войска Германии вошли в Югославию (т. н. «Апрельская война»), оккупировав ее вплоть до 1945 года.

Однако о прыжке на территорию Советов пришлось на время забыть.

⁴² Словакия отделилась от Чехии сама, чтобы затем добровольно вступить в союз с Германией и стать ее протекторатом.

Гитлер хотел дружить, а не воевать с Англией

А что же Англия, война Германии с которой стала одной из основных пружин, враждавших гигантскую мясорубку, перемоловшую десятки миллионов жизней, и не только в Европе?

Уж с ней-то Гитлер никогда и никак воевать не собирался. Он обожал Англию, преклонялся перед англичанами, считая их не только братьями по расе, в отличие от славян, но и образцовыми европеоидами. Он вырос на расовых теориях английского естествоиспытателя Хьюстона Чемберлена (не путать с премьером-однофамильцем) и, в свою очередь, вырастил сотни тысяч своих единомышленников и поклонников в Великобритании. В своей откровенной и искренней книге, ставшей путеводителем для всей Германии, Гитлер делился мечтами о том, как Германия разделит огромные пространства России – с Англией и Японией, которых он ставил наравне с фашистской Италией.

С одной стороны, Гитлер не хотел воевать с Англией, с другой – был абсолютно уверен, что Англия сама не осмелится начать войну, будучи совершенно к ней не готова. И, между прочим, Англия тоже с самого начала не хотела воевать с Германией и удерживалась от любых резких шагов в течение долгих лет, демонстративно проводя «политику умиротворения», ярче всего проявившуюся в Мюнхене в 1938 году. Миролюбие Англии совершенно понятно: на случай боевых действий она могла предоставить сразу лишь две дивизии, а погода – еще пять (катастрофа под Дюнкерком в 1940 году обнаружила, чего стоили английские дивизии в деле)⁴³.

Кстати, континентальная Франция, которая могла выставить целых 130 дивизий, еще больше не хотела воевать, чем островная Англия. Тоже понятно: ведь основной удар врага пришлось бы вынести ей, и кто знает, чем бы все это кончилось. (Практика показала: кончилось всего за сорок дней страшным разгромом и оккупацией Франции при трусливом предательстве Англией общего дела, то есть опасения были справедливы, силы Франции были слабы на деле, и лезть в войну ей явно не следовало⁴⁴.)

За одиннадцать месяцев, прошедших после раздела Чехословакии, у Англии и Франции причин и оснований воевать с Германией стало не больше, а гораздо меньше. Германия за год замечательно окрепла, усилилась, чего никак не скажешь о союзниках, потерявших, между прочим, мощную линию укреплений в Судетах и 35 хорошо обученных чешских дивизий. Гитлер был прекрасно осведомлен о слабых англо-французских военных возможностях, которые гарантировали ему мир и спокойствие с Западом.

Неудивительно, что 3 сентября внезапное решительное объявление Англией войны, в ответ на вторжение немцев в Польшу, выбило Гитлера из колеи, ошеломило. Он до последнего свято верил, что этого никогда не произойдет, он был убежден, что это никому не нужно ни в Англии, ни в Германии, что это невозможно, нелогично, немыслимо, безумно. Он жаждал и ждал дружеского и равноправного союза с Англией, а вовсе не войны, и прямо не раз

⁴³ Черчилль, ссылаясь на личную беседу со Сталиным в августе 1942 года, рассказывает, что на одной из встреч с английским представителем в августе 1939 года Сталин задал вопрос: «Сколько дивизий выставит Франция против Германии в случае мобилизации?» Последовал ответ: «Около ста». Сталин, помолчав, спросил: «А сколько дивизий выставит Англия?». Ответ английской стороны: «Две. И две позже». «А, две и две позже...», – повторил вполголоса Сталин. «Знаете ли вы, сколько дивизий нам придётся послать на фронт в случае войны с Германией? – он сделал паузу. – Больше трёхсот...».

⁴⁴ Со 2-й половины XIX века во Франции, в отличие от Германии, наблюдается неуклонное снижение рождаемости. В 1900 году в этой стране был отмечен уже «минусовой прирост» населения – минус 26 тыс. человек; в 1911 году – минус 33 тыс. Окончательное обескровливание страны произошло в ходе Первой мировой войны: убитыми и без вести пропавшими французы потеряли 1354 тыс. человек (не считая офицеров); искалеченными и тяжелоранеными – 1490 тыс.; превышение смертности из-за голода и эпидемий над рождаемостью в эти же годы составило 1500 тыс. Это был конец, полное истощение нации, и к 1940 году Франция так и не оправилась.

выражал это. Тихий, бледный, задумчивый, он сказал своему верному Гессу в тот день: «Все мое дело рушится».

Вскоре верный Гесс был уполномочен выполнить весьма щекотливую миссию. В мае 1941 года, когда Франция была уже захвачена гитлеровцами, Англия, испытавшая год назад тотальный разгром под Дюнкерком, переживала теперь ежедневные бомбежки Лондона, а Германия была в угаре подготовки нападения на СССР, Гитлер тайно отправил старого товарища в туманный Альбион. Отправил на одноместном «Мессершмитте» как бы в частном порядке – официально войну двух стран никто ведь не отменял, – чтобы в доверительной беседе вначале с лордом Дугласом Гамильтоном (камердинером королевской семьи, с которым Гесс познакомился в 1936 году на Олимпийских играх), а затем и лично с королем изложить гитлеровский план полюбовного мира и последующей, как то и планировалось в «Майн Кампф», совместной войны против СССР. Король же, согласно этому плану, должен был склонить к согласию парламент⁴⁵.

Но... Рудольф Гесс попал в плен, не найдя нужный аэродром.

Черчилль был заинтересован в том, чтобы истинные цели этого визита как можно дольше оставались в тайне, ибо совершенно не хотел скорого, достойного и почетного окончания войны даже со всеми последующими выгодами от раздела СССР. Не для того он годами не только добивался от Англии войны с Гитлером, но и вел большую работу по вовлечению в эту войну США. Ему, по определенной причине, было жизненно важно продолжать ее до конца во что бы то ни стало. Он не мог допустить, чтобы «партия мира», усиливавшаяся по мере военных неудач, взяла над ним верх в Британии. Поэтому многое, что связано с визитом Гесса, было засекречено правительством Черчилля (и его преемниками) на долгие десятилетия, а сам Гесс был убит английскими секретными агентами в тюрьме Шпандау в возрасте 93 лет.

Несмотря на то, что война с Германией, развязанная Англией, была в разгаре, Гитлер вел ее максимально мягко, «по-джентльменски». К такому «врагу поневоле», как расово близкие англичане, Гитлер относился – не найду другого слова – любовно. Исключительно этим объясняется его величайшая военная ошибка, когда после чудовищного разгрома союзных англо-французских войск при Дюнкерке (май 1940-го) тремстам с лишним тысячам английских солдат и офицеров была предоставлена возможность, побросав военную технику, эвакуироваться восвояси через Ла-Манш живыми и невредимыми. Издав свой знаменитый «стоп-приказ», остановивший победоносные немецкие танки, Гитлер не довершил разгром англичан ликвидацией живой силы и даже не стал брать их в плен, хотя имел все возможности для этого. Он не добил, не уничтожил врага вопреки военному опыту тысячелетий. Просто разоружил – и отпустил подобру-поздорову. Это очень дорого обошлось впоследствии Германии, ведь англичане лишь ожесточились, не оценив такого джентльменства и проявления расовой арийской солидарности. (Которая не менее ярко выявляется также при сравнении тех условий, в которых жили пленные англичане – и пленные поляки, русские, украинцы, белорусы.) Они не простили Гитлеру подобного демонстративного унижения...

Гитлер также не довел до конца свой план завоевания Англии путем высадки десанта (операция «Морской лев», июль 1940-го), хотя его подводный флот и авиация вполне могли перекрыть ради этой цели Ла-Манш, отрезать остров от материка. А там и раздавить остатки британской военной машины – почти сразу же после катастрофы Дюнкерка, пока амери-

⁴⁵ Об этих милых подробностях рассказал в своей книге «Hess, Hitler and Churchill» английский историк профессор Питер Пэдфилд, в свое время приглашенный разведслужбой МИ-6, чтобы в составе группы перевести с немецкого для Черчилля привезенное Гессом мирное соглашение, напечатанное на бланках рейхсканцелярии. Пэдфилд уверяет: «Это не был предательский тайный сговор. Гитлер послал Гесса, и тот привез полностью составленное мирное соглашение, чтобы Германия вывела войска из всех оккупированных стран на Западе». Согласимся – более чем широкий жест во имя мира и расовой солидарности!

канцы еще не компенсировали англичанам потерю почти всей военной техники. Но Гитлер, легкомысленно бросив в своем тылу раздавленную, но недодавленную Британию, решил осуществить мечту всей жизни – теперь или никогда! И кинулся с целью блиц-крига на СССР. И проиграл войну, свою судьбу и будущее своей страны.

Нелепость Польши как предлога для войны

В конечном счете война закончилась поражением Германии, не выдержавшей войны на два фронта. Но предвидеть в 1939 году такой счастливый для себя результат Англия, бросившая вызов Третьему рейху, конечно, никак не могла. Напротив, его ничто не предвещало, объективный прогноз мог быть только пессимистичным. Это понимали все трезвые и ответственные политики, руководители Англии и Франции – Чемберлен и Даладье – в первую очередь. Политика «умиротворения», долгое время проводившаяся ими в отношении Гитлера и Германии, была столь же мудрой, сколь и вынужденной: они не обольщались насчет своих возможностей и справедливо боялись и не хотели ввергать свои народы в пучину неизбежных поражений, бед и страданий. Они не хотели мировой войны. Да к тому же: кому другому, а этим-то странам Германия не угрожала, несмотря даже на старинные счёты немцев с французами⁴⁶...

Но почему же тогда не Германия – «ужасный агрессор» – объявила этим странам войну не на жизнь, а на смерть, а наоборот, они – не ожидавшей того Германии, бросившись на эту, ничего плохого им не сделавшую и даже не сказавшую страну, как бешеные псы?! Это кажется совершенно необъяснимым.

Необъяснимым прежде всего потому, что нет более нелепого и глупого объяснения, чем официально принятое во всем мире: они-де решили наказать Гитлера за вторжение в Польшу, будучи связаны с этой обреченной страной некими обязательствами. Можно подумать, кому-либо в мире действительно важна была судьба поляков, да еще настолько, чтобы за них нести кровавые жертвы! Об этом смешно и думать. Помилуйте, мы же не дети и не идиоты от рождения...

Напомню, что Польша как самостоятельное государство появилось на карте Европы XX века только в результате Первой мировой войны, Гражданской войны в России и поражения Германии и Австрии. Воспользовавшись временной слабостью названных трех держав, поляки смогли освободить свои исторические территории от их владычества и восстановить свою давно утраченную государственность. К 1939 году этой государственности еще не было и двадцати лет. Припомните, как всего за десять лет до того в «Стихах о советском паспорте» (1929) Маяковский едко издевался над главным документом польских граждан, их паспортом: «На польский глядят, как в афишу коза, / На польский выпячивают глаза / В тупой полицейской слоновости: / Откуда, мол, и что это за / Географические новости?». Вот так и смотрела на Польшу вся тогдашняя Европа.

Чрезвычайно показательно отношение к полякам Уинстона Черчилля, который спустя уже годы после войны писал о них с упреком и застарелой обидой: «Героические черты характера польского народа не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания. В 1919 году это была страна, которую победа союзников после многих поколений раздела и рабства превратила в независимую республику и одну из главных европейских держав. Теперь, в 1938 году, из-за такого незначительного вопроса, как Тешин, поляки порвали со всеми своими друзьями во Франции, в Англии и в США, которые вернули их к единой национальной жизни и в помощи которых они должны были скоро так сильно нуждаться. Мы уви-

⁴⁶ Кстати, трудно было вести себя деликатнее, чем немцы-оккупанты в захваченной ими Франции. Об этом есть тьма свидетельств, начиная с визита Гитлера в Париж, которым он всегда восхищался. Французская столица всю войну прожила полноценною жизнью с устрицами и прочими деликатесами, шампанским, канканом, варьете и оперой... Но главное свидетельство: после окончания войны французское правительство наградило командующего отрядом Кюнстштутц во Франции графа Франца Вольф-Меттерниха орденом Почетного легиона. Орден оккупанту за помощь французской культуре, которую он бережно хранил от превратностей войны! Что значит братья по расе, юберменши...

дели, как теперь, пока на них падал отблеск могущества Германии, они поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии. В момент кризиса для английского и французского послов были закрыты все двери. Их не допускали даже к польскому министеру иностранных дел». В другом месте своих послевоенных мемуаров Черчилль наделил поляков, бросившихся в 1938 году «дербанить» Чехословакию вместе с немцами, словаками и венграми, «жадностью гиены».

Понятно, что никакой внутренней мотивации для спасения «безрассудных и неблагодарных» поляков не было даже у такого сторонника войны с Германией, как Черчилль, и его воинственные побуждения имели совсем иную подоплеку (какую – пойдем в дальнейшем). Что же говорить о сторонниках мира, бывших еще в большинстве?

Да, Англия и Франция публично давали Польше гарантии, обещали ее защищать в случае, если кто на нее нападет. Некоторые историки считают, что тем самым они поселили в поляках излишнюю уверенность и самонадеянность, в результате чего Польша бросилась укреплять свои рубежи с Советами, открыв Германии незащищенный, по сути, тыл. Но когда Гитлер ввел танковые колонны в этот разверстый польский тыл, ни Франция, ни Англия не смогли ее защитить, хоть и объявили за чем-то немцам войну. Ни денег, ни вооружений, ни войск, ни иных средств давления у них не нашлось. Всей польской дутой независимости пришел очень скорый конец: 1 сентября война началась, а уже 6 октября она закончилась капитуляцией остатков польских войск.

В этот знаменательный день своего полного торжества Гитлер выступил в рейхстаге с речью, в которой на весь мир прозвучал призыв к замирению с Англией и Францией. Фюрер-победитель великодушно давал этим странам последний шанс. Он не хвастал и не шантажировал проявленной только что грозной силой, он не давил на них, он по-хорошему уговаривал:

«У Германии нет никаких претензий к Франции... Я даже не буду касаться проблемы Эльзаса и Лотарингии. Я не раз высказывал Франции свои пожелания навсегда похоронить нашу старую вражду и сблизить эти две нации, у каждой из которых столь славное прошлое...

Не меньше усилий посвятил я достижению англо-германского взаимопонимания, более того, установлению англо-германской дружбы. Я никогда не действовал вопреки английским интересам. Даже сегодня я верю, что реальный мир в Европе и во всем мире может быть обеспечен только в том случае, если Германия и Англия придут к взаимопониманию».

Фюрер был искренен и говорил правду. Вторую мировую войну со всеми ее чудовищными последствиями для всего белого человечества еще можно было остановить. Все еще было поправимо, обратимо. Но на призыв Гитлера к миру Даладье и Чемберлен ответили отказом. На следующий день, 7 октября, первый официально заявил, что Франция не сложит оружия, пока не будут получены гарантии «подлинного мира и общей безопасности». А чуть позже, 12 октября, Чемберлен назвал предложения Гитлера «туманными и неопределенными» и заявил, что если Германия хочет мира, то нужны «дела, а не только слова», и Гитлер должен представить «убедительные доказательства» и дать гарантии своего стремления к миру, уйдя из Польши и Чехословакии. Увы, вот это именно и была пустая болтовня вместо дела.

Тут терпение Гитлера, казавшееся бесконечным, лопнуло, и тогда подошла очередь тех, кто безрассудно дергал тигра за усы: французам и англичанам пришлось дорого платить по тем счетам, что сами же и подписали, гарантируя полякам то, чего не могли и не должны были гарантировать⁴⁷.

⁴⁷ Чрезвычайно показательна судьба Франции: она во всей красе демонстрирует, почему этой стране следовало продол-

Зачем же, почему же они это сделали?!
Вот тут-то и всплывает фигура сэра Уинстона.

жать политику «умиротворения» Германии, а не лезть в пекло войны. Достаточно сравнить две мировые войны: Первую и Вторую. В Музее армии в Париже я обратил внимание на непривычную датировку: оказывается, французы ведут отсчет Первой мировой, как ни странно, со времен Франко-прусской войны. По их представлениям, эта война растянулась на полвека, так сказать, от поражения в 1871 году до реванша в 1919-м. Но и без этого преувеличения признаем, что тяжелейшая, упорнейшая война продолжалась свыше пяти лет (1914–1919) и окончилась победой, пусть и обескровившей Францию. А во Второй мировой войне франко-прусский эпизод занял всего... сорок дней! Недаром его прозвали «странной войной». Таков был срок, за который французская армия была разгромлена в лоск, а Париж капитулировал. Спрашивается: надо ли было Франции испытывать судьбу? Ответ однозначен: нет.

Как Черчилль встал на тропу своей войны

Почему Чемберлен, вынужденный объявить Германии войну от лица Англии, тут же назначил своего политического оппонента Черчилля первым лордом адмиралтейства, на ту самую должность, которую тот как никуда не годный военный с позором покинул в 1915 году? Почему как только Чемберлен все же покинул свой пост, 10 мая 1940 года на должность премьера оказался триумфально возведен королем Георгом Шестым все тот же Черчилль?

Потому что к концу 1930-х годов все от простого солдата до короля в Соединенном Королевстве уже знали, как «Отче наш»: война – это Черчилль, Черчилль – это война. Не как лидер победившей на выборах партии, а как лидер «надпартийной партии войны», как человек, известный своей непоколебимой решимостью воевать до конца, занял Черчилль высший пост в государстве военного времени.

Но таким Черчилль был не всегда. Поведение его в отношении Германии менялось в течение всего предвоенного десятилетия.

В самом начале 1930-х годов Черчилль еще довольно индифферентен, хотя уже начинает выражать свою обеспокоенность положением евреев в Германии. Он внимательно отслеживает рост антисемитских настроений в этой стране, его беспокоит возможность возвышения Гитлера, о взглядах которого он достаточно наслышан. Черчилль даже хотел встретиться с Гитлером и пытался эту встречу организовать через Эрнста Ханфштенгеля, которому пенял на гитлеровский антисемитизм. Он самонадеянно думал при встрече изменить образ мысли фюрера, призвать его не обижать евреев. Но Гитлер пренебрег Черчиллем, не захотел и не стал встречаться. Эта попытка повлиять на немецкого лидера, укротить его антисемитизм сорвалась осенью 1932 года.

В январе 1933 года Гитлер стал канцлером Германии. В марте был издан нацистский манифест, который предписывал местным организациям партии по всей Германии «проводить антисемитскую пропаганду среди населения». А уже в апреле 1933-го, после первого запрета на профессии в Германии, направленного против евреев, Черчилль произносит в палате общин речь, которая стала заметной вехой для нашего исследования.

Черчилль подчеркнул в своей речи, в частности, – и нам важно это отметить, – что не только «военные и агрессивные проявления в Германии, но также те преследования евреев, о которых говорили многие почтенные члены палаты, привлекают внимание каждого, кто чувствует, что мужчины и женщины имеют право жить там, где они родились, и имеют право вести образ жизни, ранее гарантированный им законами страны их рождения».

Надо отдать должное предусмотрительности Черчилля, который уже тогда заглядывал далеко вперед, выдавая главную суть своей обеспокоенности: «Есть опасность, что отвратительные условия, господствующие теперь в Германии, путем завоевания распространятся на Польшу, и новые преследования и погромы начнутся на новой территории». Эту обеспокоенность Черчилля судьбой польских евреев задолго до захвата Польши следует отметить и запомнить.

Как пишет Гилберт, «нацистов, старательно заигрывавших с общественным мнением Запада, разозлила речь Черчилля, особенно та ее часть, в которой он резко осуждал антиеврейские действия фашистов. 19 апреля корреспондент «Бирмингем пост» сообщал из Берлина: «Сегодняшние газеты полны резких предупреждений по отношению к Англии. Один газетный заголовок упрекал Черчилля в «бесстыдстве»» (129).

Так началась история нового, после Палестины, треугольника: «Гитлер (и Германия) – евреи – Черчилль (и Англия)», – развитие которой стало стержнем истории всего мира тех лет. Ибо с этого момента Черчилль развязывает безудержную антигитлеровскую кампанию, сжигая все мосты. И при этом ратует за перевооружение Великобритании, как бы проча,

наклика в будущем военное столкновение с немецким государством. Таким стал лейтмотив его выступлений на всю предвоенную перспективу. Начав свою персональную войну с Гитлером и Германией, он отныне бил и бил в одну точку. Причем, как мы видим, война сразу приобрела сугубо личный характер с обеих сторон. И это обстоятельство стало пагубным для всего мира. Потому что свою персональную войну Черчилль всеми силами стремился превратить во всеобщую. Мировую. И превратил.

Возможно, в глубине души самолюбивый Черчилль, которому Гитлер отказал некогда во внимании, затаил личную обиду. Она довольно явно проявляется в той необъективности, пристрастности, с какой он публично судил о вожде немецкого народа. Черчилль был о Гитлере подчеркнуто низкого мнения: «одиноким, замкнувшийся в себе маленький солдат...», «ничем не примечательный пациент», «руководимый лишь своим узким личным опытом», который в Вене «вращался среди членов крайних германских националистических групп», от которых набрался вздорных идей насчет «зловредных подрывных действий другой расы, врагов и эксплуататоров нордического мира – евреев». И в результате «его патриотический гнев и зависть к богатым и преуспевающим слились в единое чувство всеподавляющей ненависти». Психопат и комплексующее ничтожество, одним словом. Случайно оказавшийся на самом верху человечешко, не достойный уважения, которому почему-то поверили оболваненные массы.

Порой Черчилль не принимал Гитлера всерьез, воспринимал как курьез, как недоразумение. А порой норовил демонизировать противника, представить его врагом всего рода человеческого, ничтожным и ужасным одновременно: «Злой дух, поднявшийся из нищеты, пламенеющий при мысли о поражении, сжигаемый ненавистью и обуреваемый жадной мщенья, преисполненный намерения сделать германскую расу хозяином Европы, а быть может, и всего мира».

А вот для сравнения несколько иные оценки.

Уильям Ширер, американский корреспондент, работавший в те годы в рейхе, автор фундаментального исследования «Взлет и падение Третьего рейха»: «Без Адольфа Гитлера, личности демонической, обладавшей нестигаемой волей, сверхъестественной интуицией, хладнокровной жесткостью, незаурядным умом, пылким воображением и... удивительной способностью оценивать обстановку и людей, не было бы и Третьего рейха». Ширер однозначно признавал за Гитлером гениальность.

Главный архитектор рейха, впоследствии министр вооружений Альберт Шпеер вспоминал: «Перед глазами еще и сейчас сцены энтузиазма, связанные с Гитлером, который – со своими заманчивыми призывами и грандиозными планами – был в глазах немцев гигантской личностью».

Бальдунг фон Ширах, глава Гитлерюгенда, сидя в тюрьме в ожидании Нюрнбергского суда, признал: «Идентичность Гитлера с государством была настолько полной, что нельзя было выступить против одного, не выступив против другого».

Британский экс-премьер Ллойд Джордж, один из авторов Версальского договора, побывав в нацистской Германии, был потрясен увиденным и услышанным. В своем отчете, опубликованном в «Дейли Экспресс», он писал, что «Гитлер в одиночку поднял Германию со дна», что он «прирожденный лидер, динамическая личность с решительной волей и бесстрашным сердцем, человек, которому верят старые и перед которым преклоняются молодые».

Примеры можно множить бесконечно. Лакоичнее и точнее всех высказался Карл Юнг, известный психиатр, ученик Фрейда: «Гитлер – это нация».

Несмотря на невысокое мнение о Гитлере, Черчилль, однако, как и все мало-мальски значительные политики его времени, конечно же, внимательно проштудировал «Майн Кампф» и даже писал о ней вполне объективно и серьезно: «Ни одна книга не заслуживала

более тщательного изучения со стороны политических и военных руководителей союзных держав в ту пору, когда Гитлер пришел в конце концов к власти. В ней было все: и программа возрождения Германии, и техника партийной пропаганды, и план борьбы против марксизма, и концепция национал-социалистского государства, и утверждения о законном праве Германии на роль руководителя всего мира. Это был новый коран веры и войны – напыщенный, многословный, бесформенный, но исполненный важных откровений».

Какие же «важные откровения» почерпнул в этом источнике Черчилль? Он довольно верно все понимал и излагал главные геополитические идеи Гитлера так: «Двумя единственно возможными союзниками Германии являются Англия и Италия... Во внешней политике Германии не следует проявлять никакой сентиментальности. Совершить нападение на Францию исключительно по эмоциональным мотивам было бы глупо. В чем Германия нуждается – это в расширении своей территории в Европе. Довоенная колониальная политика Германии была ошибочной, и от нее следует отказаться. В целях своего расширения Германия должна обращать свои взоры к России и в особенности к Прибалтийским государствам. Никакой союз с Россией недопустим. Вести войну вместе с Россией против Запада было бы преступно, ибо целью Советов является торжество международного иудаизма».

Изложив все это совершенно адекватно, Черчилль точно резюмировал: «Таковы были «гранитные основы» его политики».

Почему же он, так все правильно понимавший относительно гранитных основ политики Гитлера, не следовал этому верному пониманию? Почему, зная наверняка, что фюрер мечтает не о войне, а о союзе с Англией, годами нагнетал параноидальный страх перед Германией⁴⁸, страх, который в конечном итоге подчинил себе все слои английского общества – от короля и членов парламента и до последнего обывателя – и обернулся в массовом сознании тем, что психологи называют «оборонительной агрессией»?!

Черчилль делал это виртуозно и даже, я бы сказал, высокохудожественно. Посудите сами, вот образчик его красноречия: «Для врага мы легкая и богатая добыча. Ни одна страна не является столь уязвимой, как наша, и ни одна не сулит грабителю большей поживы... Мы – с нашей огромной столицей, этой величайшей мишенью в мире, напоминающей как бы огромную, жирную, дорогую корову, привязанную для приманки хищников, – находимся в таком положении, в каком мы никогда не были в прошлом и в каком ни одна другая страна не находится в настоящее время».

Подобные речи сопровождались настойчивыми призывами к перевооружению Англии и к максимально жесткой политике по отношению к немцам. Черчилль все время подчеркивал, что война с Гитлером неизбежна и что Англия отстает в перевооружении от потенциального врага, а значит, также должна ускоренно и усиленно вооружаться.

Вообще-то, Гитлер не делал ничего, выходящего за рамки вполне естественного воплощения в жизнь его политических мечтаний: он объединял разделенный немецкий народ, волею судеб оказавшийся в разных государствах, он готовился к войне на Востоке за жизненное пространство. Это были первоочередные задачи, выполнить которые он всегда считал своим долгом, своей миссией. Естественно, что для этих целей он перевооружался, готовил силы. Но ничто не говорит за то, что эти силы он собирался использовать против Англии.

⁴⁸ В 1935 году британский посол в Берлине сэр Эрик Фиппс переслал в Форин офис статью, написанную лондонским корреспондентом центрального органа нацистской партии, газеты «Фолькишер беобахтер», в которой говорилось: «Стоит только Черчиллю открыть рот, как можно биться об заклад, что оттуда польются нападки на Германию» (132). А когда еврейский террорист Гершель Гриншпан застрелил в Париже немецкого дипломата Эрнста фон Рата, то печатный орган министра пропаганды доктора Геббельса газета «Ангрифф» вышла с заголовком «Работа международного провокатора: прямая линия от Черчилля до Гриншпана» (187). Весьма проницательно!

Между тем, даже спустя годы, освещая далекие предвоенные события, Черчилль не смог представить их в ложном свете. К примеру, повествуя о введении Гитлером войск в Рейнскую область Германии, область, демилитаризованную по Версальскому договору, он откровенно признает: «Лорд Лотиан сказал: «В конце концов они просто вступают в свои собственные владения». Такая точка зрения была характерной для англичан». Однако вот как определяет это событие сам автор: «Гитлер наносит удар». Какой удар?! Перед нами лишь один образчик черчиллевской необъективности, его манеры вести пропаганду, промывать мозги публике. А ведь он занимался этим неустанно более пяти лет.

А вот еще один образчик той же технологии: «Надругательство над Австрией и покорение прекрасной Вены со всей ее славой, культурой и ее вкладом в историю Европы явились для меня большим ударом». Но ведь это снова пропагандистская бессовестная ложь и извращение реальности. Ведь никакого надругательства на деле не было в помине. Был праздник немецкого единения. В своей статье «Уроки Гитлера» (1995) я пересказывал заслуживающие доверия аутентичные источники:

«12 марта 1938 года, когда германские войска по приказу фюрера пересекли границу, настал момент истины! В ряде мест пограничные заграждения были разобраны самими австрийцами. Не было сделано ни единого выстрела. По воспоминаниям генерала Х. Гудериана, немецкие танки, украшенные флагами обеих стран и зелеными ветвями, заброшенные цветами, двигались, руководствуясь туристскими путеводителями и заправляясь на бензоколонках. На домах сельских и городских жителей развевались флаги со свастикой. «Нас везде принимали с радостью... Нам пожимали руки, нас целовали, в глазах многих были слезы радости», – пишет генерал. В тот же день Гитлер во главе колонны машин медленно и торжественно въехал на свою родину. Ликующие толпы всюду окружали его, люди стремились хотя бы притронуться к его машине. В Линце, где он жил юношей, бедным и одиноким, 100-тысячная толпа на площади была вне себя от восторга. Фюрер, по щекам которого текли слезы счастья, вышел на балкон ратуши вместе с новым канцлером Австрии, приветствуемый неистовым взрывом радости. Таким же безумным ликованием были встречены войска фюрера и в Вене. Гудериана отнесли в его резиденцию на руках, оборвав на сувениры все пуговицы с шинели... 14 марта английский посол в Вене докладывал по начальству: «Невозможно отрицать энтузиазм, с которым здесь воспринято объявление о включении страны в рейх. Герр Гитлер имеет все основания утверждать, что население Австрии приветствует его действия»... 10 апреля на плебисците 99.02 % германских и 99.73 % австрийских избирателей одобрили аншлюс».

Вот вам и «надругательство»... Но информационные войны имеют свои законы, и Черчилль их отлично знал и ими пользовался.

Черчилль, повторюсь, читал «Майн Кампф» и, как всякий, кто знаком с содержанием этой искренней исповеди-проповеди, не мог не понимать, что Гитлер никогда и в мыслях не имел ни нападать на Англию, ни угрожать Англии, а напротив, рассчитывал на союз с ней, мечтал о нем. Черчилль прекрасно знал, что Англии ничто не грозит, что ей не надо бояться Германии; тем не менее он повел означенную кампанию против Гитлера лично и против Третьего рейха.

При этом с самого начала главным мотивом, подвигшим Черчилля на оголтелую антигитлеровскую кампанию, а там и на войну, была ужасная опасность для евреев, с которыми к 1933 году его уже слишком многое связывало. Это касается не только личных отношений, о чем было рассказано выше, но и обустройства еврейского центра в Палестине, будущего Израиля, о чем речь шла в предыдущей главе.

Преданность делу евреев и сионизму, защита их интересов зашла у Черчилля к началу 1930-х годов уже слишком далеко. Она стала частью его жизненной программы, руководила его мыслями и поступками. Поэтому он, во-первых, тщательно отслеживал еврейскую

ситуацию в Германии, реагируя на развитие антиеврейского законодательства и вообще все подобные перемены⁴⁹. А во-вторых, не упускал случая привлечь внимание и сочувствие англичан к тому факту, что «евреи Германии, которых насчитывается много сотен тысяч человек, лишены какой-либо власти, лишены всех позиций в общественной и социальной жизни, изгнаны из профессиональной деятельности, им заткнуты рты в прессе, и они объявлены нечистой и отвратительной расой» (132–133).

При этом Черчилль, конечно же, «не заметил» идеологию «дранг нах Остен», которой дышит вся книга Гитлера, «не заметил» его планов передела земель на востоке, планов раздела СССР между Германией, Англией (!) и Японией. Судьба Польши, России – какая ерунда! Разве это могло его волновать? Нет, только судьба евреев занимала его, только она его беспокоила. Чтобы спасти их, «Черчилль выдвинул лозунг: «Оружие и Устав Лиги Наций». Что это значило? В те дни для Черчилля «единственным способом остановить продвижение нацизма было вооружение всех стран, которым могла угрожать Германия, и их совместные действия в рамках механизмов коллективной безопасности под эгидой Лиги Наций» (137).

Итак, Черчилль еще в 1935 году повел дело к войне. О каком «способе остановить продвижение нацизма» шла речь? Куда? В Англию? Но на Англию Гитлер нападать никогда не хотел, преклонялся перед английской цивилизацией, мечтал о союзе... К Франции у немцев были старые счеты (Гитлер их отставил в сторону), но не к Великобритании. И Черчилль отлично это знал. В то же время война Германии и СССР вполне соответствовала планам и интересам Англии (напротив, вступив в войну, Англия отсрочила бы германо-советскую схватку). Судьба Польши по большому счету была всем безразлична. А больше «двигаться» было некуда...

Зачем же Черчилль готовил войну? К кому были его призывы? Ради чего? Ради кого? Ответ только один: ради евреев, ради их спасения.

Все предвоенное десятилетие Черчилль посвятил еврейским делам: защите от нацизма на континенте и сионизму вне его. Ради этого он, не находя понимания и достаточной поддержки у себя на родине, развернул широкую международную работу, чтобы объединить усилия непримиримых противников Гитлера по ту сторону границы Англии. Вот некоторые эпизоды этой деятельности.

«Во Франции Черчилль встречался с премьер-министром Леоном Блюмом, вскоре навестившим его в Чартуэлле, и с одним из старших коллег Блюма в правительстве Жоржем Манделем. Они оба были евреями и оба резко противились политике умиротворения Германии». В результате договоренностей, в Париже, по словам Черчилля, «был образован Комитет за мир и свободу, концентрирующий усилия всех миролюбивых организаций и обществ вроде «Нового содружества», Союза Лиги Наций и любых других, готовых выступить в поддержку действенных военных акций для противодействия тирании и агрессии» (174). Вот образец политической демагогии: Комитет за мир, выступающий в поддержку военных действий, – как характерно!

Черчилль пытался даже вмешиваться во внутренние дела Германии. На словах заявляя порой о показном безразличии («эти действия, пока они происходят внутри Германии, не наше дело» [«Ивнинг стандарт» от 17.09.1937]), на деле он обманывал, усыплял бди-

⁴⁹ Например, Черчилля через Леонарда Монтефиоре, члена Центрального британского фонда, специально организованного для помощи евреям Германии, немедленно по выходе снабдили «Нюрнбергскими законами» (1935) в переводе на английский. А в 1936 году Гарольд Ласки, сын его манчестерского друга Натана Ласки, послал Черчиллю книгу объемом в 287 страниц, выпущенную Виктором Голланцем и называвшуюся «Желтое пятно: уничтожение евреев Германии» (135–136). Сотрудничавшие с Черчиллем политики и журналисты разных стран также держали его в курсе всех событий. К примеру, из Парижа Эмери Ривз (о нем см. выше) посылал ему полные отчеты о евреях в Германии. Иэн Колвин, британский журналист с обширными связями в Берлине, присылал Черчиллю добытые секретные материалы. И т. д.

тельность немцев, одновременно делая все для поджигания войны, для подготовки военного противодействия Гитлеру, в том числе у него же в доме. Так, 19 августа 1938 года у Черчилля в Чартуэлле побывал майор германского Генштаба Эвальд фон Клейст. «Он был одним из тех немецких офицеров, которые противились экспансионистским планам Гитлера. ...После визита Клейста Черчилль публично призвал германский офицерский корпус свергнуть Гитлера» (186–187). Ни много ни мало! В ответной речи (Веймар, 06.11.1938) Гитлер обрушил на него негодование и едкие насмешки: «Если бы мистер Черчилль меньше общался с внутренними эмигрантами и оплачиваемыми из-за границы предателями, а больше с истинными немцами, он бы увидел весь идиотизм и глупость того, что он говорит. Я могу только уверить этого джентльмена, что в Германии нет такой силы, которая готова действовать против нынешнего режима»... Гитлер, конечно, знал, что говорил. А вот Черчилль выступил как провокатор, притом не очень умный. Представляю, сколькими жертвами антигитлеристов обернулся в Германии этот его призыв!

Умно или нет, но Черчилль действовал безоглядно, настойчиво, неотступно, яростно, вкладывая всю свою незаурядную энергию в подготовку войны с Гитлером. Мотивировка его деятельности яснее ясного выражена в личном письме сыну Рэндольфу от 13 ноября 1936 года, в котором сэр Уинстон объяснил, что в основе идеологической позиции Антинацистской лиги, которую он недавно помог учредить, «лежало неприятие чудовищных преследований евреев, учиненных нацистами» (174).

К этому добавить нечего.

Чего хотел Хаим Вейцман

В связи с изложенным нельзя не сказать несколько слов о человеке, с которым судьба связала Черчилля еще в начале Первой мировой войны и на всю жизнь: о Хаиме Вейцмане. Пока мы знаем лишь о том, насколько тесно пересекались их жизненные пути, как много значили они в судьбе друг друга. Ведь не случайно именно Вейцману Черчилль дал судьбоносное обещание за политическим обедом в присутствии Джеймса де Ротшильда и пресловутых англичан – «тигров сионизма»: «Англия в конце концов проснется и победит Муссолини и Гитлера, и тогда придет и ваше время» (158).

Англичане, разумеется, ничего не знали об этих и им подобных закулисных встречах, разговорах и обещаниях, о тайных пружинах Черчилля-политика. О существовании секретного комплота британских «тигров», обязавшихся защищать еврейские интересы...

Пора поэтому рассказать читателю поподробнее, что собой представлял лидер мирового сионизма. Для этого есть интересный источник: популярная работа известного отечественного филолога и историка Вадима Кожина «Германский фюрер и «Царь Иудейский», неоднократно опубликованная в российских СМИ и в Интернете. Вот что он пишет о Хаиме Вейцмане как главном сионисте эпохи:

«Виднейшая сионистская деятельница Голда Меир (в 1969–1974 годах – премьер-министр Израиля) писала в своих мемуарах «Моя жизнь» о Хаиме Вейцмане: «Для евреев всего мира это был «царь иудейский»... он был живым воплощением сионизма... и влияние его было огромно»⁵⁰.

...Он являл собой, если воспользоваться вместо «царь иудейский» более скромным определением, человека № 1 в сионизме, причем занимал это место в течение более тридцати лет и, в частности, во время мировой войны 1939–1945 годов.

...В книге американского раввина М. Шонфельда «Жертвы Холокоста обвиняют. Документы и свидетельства о еврейских военных преступниках» (Нью-Йорк, 1977) Вейцман аттестуется как главный из этих самых преступников. Особое внимание обращено здесь на заявление Вейцмана, сделанное им еще в 1937 году: «Я задаю вопрос: «Способны ли вы переселить шесть миллионов евреев в Палестину?» Я отвечаю: «Нет». Из трагической пропасти я хочу спасти два миллиона молодых... А старые должны исчезнуть... Они – пыль, экономическая и духовная пыль в жестоком мире... Лишь молодая ветвь будет жить»⁵¹. Таким образом, предполагалось, что четыре миллиона европейских евреев должны погибнуть⁵².

...Он был... в числе последовательных сторонников «селекции» евреев и полагал, что так или иначе осуществлявшие «селекцию» нацисты делают – по крайней мере с объективной точки зрения – необходимое и полезное дело... Могут сказать о чрезмерности и несправедливости такого вывода, однако эта убежденность была присуща вовсе не только Вейцману, но и многим другим сионистам. Например, венгерский раввин В. Шейц, как бы развивая мысль Вейцмана, писал в 1939 году: «Расистские законы, которые ныне применя-

⁵⁰ Меир Голда. Моя жизнь. – Иерусалим, 1989. – Кн. 1, с. 220–221.

⁵¹ Shonfeld M. The Holocaust Victims Accuse. Documents and Testimony on Jewish War Criminals. N. – Y., 1977. P. 25.

⁵² Вейцман предсказал гибель 4 миллионов евреев, а между тем господствует мнение о гибели 6 миллионов. Но в ряде подсчетов 2 миллиона погибших засчитывались дважды – и как граждане Польши, прибалтийских государств и Румынии (Бессарабии), и как граждане СССР, который к 1941 году возвратил в свой состав издавна принадлежавшие России западные территории (см. об этом в моей книге: Россия. Век XX-й. Опыт беспристрастного исследования. 1939–1964. С. 137–141). – Прим. В. В. Кожина.

ются против евреев, могут оказаться и мучительными, и гибельными для тысяч и тысяч евреев, но все еврейство в целом они очистят, разбудят и омолодят»⁵³.

...Важно и даже необходимо сослаться на мнение «гуманитарных» сионистов... Этих «гуманитариев» никак невозможно обвинить в антисемитизме, и тем не менее они заявили в своей газете «Херут» от 25 мая 1964 года об уничтожении миллионов евреев во время Второй мировой войны следующее: «Как объяснить тот факт, что руководители Еврейского агентства, вожди сионистского движения... хранили молчание? Почему они не подняли свой голос, почему не закричали на весь мир?... История еще определит, не был ли сам факт существования предательского Еврейского агентства помощью для нацистов... история, этот справедливый судья... вынесет приговор и руководителям Еврейского агентства, и вождям сионистского движения... Потрясает тот факт, что эти вожди и деятели продолжают по-прежнему возглавлять еврейские, сионистские и израильские учреждения»⁵⁴.

Еврейское агентство и Всемирную сионистскую организацию возглавлял в годы войны, о чем уже сказано, Хаим Вейцман. И, следовательно, именно к этому «царю иудейскому» относилось прежде всего столь убийственное обвинение.

Через два года, 24 апреля 1966 г., израильская газета «Маарив» опубликовала дискуссию, в ходе которой один из бывших командиров Хаганы (сионистская военная организация), депутат кнессета Хаим Ландау заявил: «Это факт, что в 1942 году Еврейское агентство знало об уничтожении... Правда заключается в том, что они не только молчали об этом, но и заставляли молчать тех, кто знал об этом тоже».

...Взаимодействие сионизма и нацизма – очевидная реальность, которую невозможно опровергнуть. Так, например, историк сионизма Лионель Дадани, которого никто не обвинял в «антисемитизме» (напротив, он сам резко выступает против ряда исследователей сионизма, обвиняя их в «антисемитских» происках), писал в своей книге «Критика идеологии и политики социал-сионизма», изданной в Москве в 1986 году, что вскоре после прихода Гитлера к власти сионизм «заключил с гитлеровцами соглашение... о переводе из Германии в Палестину в товарной форме состояния выехавших туда немецких евреев. Это соглашение сорвало экономический бойкот нацистской Германии и обеспечило ее весьма крупной суммой в конвертируемой валюте» (с. 164).

Понятно, что в результате выиграл и сионизм, но, так или иначе это сотрудничество в условиях всемирного экономического бойкота нацизма говорит само за себя. Помимо того, в 1930-х годах, как сообщает Давид Сойфер, «сионистские организации передали Гитлеру 126 миллионов долларов»⁵⁵ – то есть, согласно нынешней покупательной способности доллара, намного более миллиарда.

Но дело вовсе не только в экономической «взаимопомощи» сионизма и нацизма. Дадани в своей книге сообщает, основываясь на неоспоримых документальных данных: «Один из руководителей Хаганы Ф. Полкес... в феврале-марте 1937 года вступил в контакты с офицерами гестапо и нацистской разведки, находясь по их приглашению в Берлине... Полкес, передав нацистским эмиссарам ряд интересовавших их важных сведений... сделал несколько важных заявлений. «Национальные еврейские круги, – подчеркнул он, – выразили большую радость по поводу радикальной политики в отношении евреев, так как в результате ее еврейское население Палестины настолько возросло, что в обозримом будущем можно будет рассчитывать на то, что евреи, а не арабы станут большинством в Палестине» (с. 164, 165). И действительно: в 1933–1937 годах еврейское население Палестины возросло более чем в два раза, достигнув почти 400 тысяч человек.

⁵³ Цит. по книге: Бродский Р. М., Шульмейстер Ю. А. Сионизм – орудие реакции. Львов, 1976. С.80.

⁵⁴ Указ. изд. С. 118–119.

⁵⁵ Сойфер Д. И. Крах сионистских теорий. Днепропетровск, 1980. С. 9.

...В составленном нацистской службой безопасности (СД) документе о переговорах с Полкесом (документ этот был опубликован в № 3 немецкого журнала «Horisont» за 1970 год) приводится данное знаменитым палачом Адольфом Эйхманом посланцу сионистов Фейфелю Полкесу заверение, согласно которому на евреев «будет оказываться давление, чтобы эмигрирующие брали на себя обязательство отправляться только в Палестину».

Точно известно (см. документы, опубликованные в упомянутом номере журнала «Horisont»), что сотрудничеством Эйхмана с Полкесом непосредственно руководил Гейдрих, а за ним, понятно, стоял сам Гитлер. Полкес же действовал по заданию Еврейского агентства, возглавляемого Вейцманом. Сотрудничество это продолжалось и в 1942 году, уже после провозглашения так называемого «окончательного решения еврейского вопроса». Словом, речь идет о несомненном взаимодействии царя иудейского и германского фюрера.

В свете всего этого становится целиком и полностью оправданным вывод, сделанный в 1966 году на страницах одного из авторитетнейших журналов Запада «Шпигель» (№ 52 от 19 декабря): «Сионисты восприняли утверждение власти нацистов в Германии не как национальную катастрофу, а как уникальную историческую возможность реализации сионистских планов»...

Нацистское уничтожение миллионов евреев было в целом ряде отношений исключительно выгодно сионистам. Начать с того, что оно представляло собой, по их убеждению, своего рода благотворное воспитание подлинных – с их точки зрения – евреев. Так, преемник Вейцмана на посту президента Всемирной сионистской организации Наум Гольдман без обиняков сказал в своей «Автобиографии» (1971), что для победы сионизма была совершенно необходима еврейская «солидарность», и что именно «ужасное истребление миллионов евреев нацистами имело своим благотворным результатом пробуждение в умах, до того времени индифферентных, этой солидарности»⁵⁶.

Во-вторых, «катастрофа» как бы сама собой (но также – о чем шла речь – и при прямом и необходимом содействии нацистов) гнала евреев в Палестину, куда ранее приток иммигрантов был весьма слабым.

В-третьих, еще, пожалуй, более важная и поразительная сторона дела: нацистский террор представлял собой, пользуясь определением Жаботинского, селекцию, отбор – конечно, совершенно чудовищный, вспомним хотя бы суждения Вейцмана о «пыли» и «ветви». И нельзя не обратить внимания на удивительный, даже с трудом понимаемый, но бесспорный факт: погибли ни много ни мало миллионы евреев, однако среди них почему-то почти не оказалось сколько-нибудь выдающихся, широко известных людей.

...Неизбежно получается, что Гитлер «работал» на Вейцмана, и последний уже в 1937 году об этом «проговорился»⁵⁷.

Не берусь судить, вполне ли прав Кожин, формулируя свой вывод с такой определенностью. Но приходится все же задуматься о том, что во Второй мировой войне свои скрытые интересы были, пожалуй, у всех сторон. Политика изведения евреев из Германии, а затем и Европы была не слишком последовательна (по некоторым сведениям, оккупационные власти еще застали в Берлине 1945 года еврейскую общину в 200 тыс. чел.), но в целом соответствовала планам сионистов. В этой связи нелишне напомнить, что высокопоставленным гестаповцем Адольфом Эйхманом еще в 1940 году в Лиссабоне было широко заявлено немецкое предложение ко всем странам о приеме эмиграции всех европейских евреев из Германии. Предложение было повторно и официально представлено Берлином в 1941 году. Это была реальная альтернатива тому, что потом получит название Холокоста: прежде чем при-

⁵⁶ Цит. по книге: Ладейкин В. П. Источник опасного кризиса. Роль сионизма в разжигании конфликта на Ближнем Востоке. М., 1978. С. 58

⁵⁷ <http://kozhinov.voskres.ru/articles/furer.htm>

ступить к уничтожению евреев, Германия просила другие государства предоставить евреям убежище. Но никто – ни Англия, ни Америка, ни другие завязтые страны-юдофилы – на это не откликнулся⁵⁸ (только Советский Союз принял большое количество еврейских беженцев, но... из Польши). Чем и был предопределен тот вариант «окончательного решения еврейского вопроса», который вошел в историю как самая известная трагедия XX века.

⁵⁸ Яркий пример. Осенью 1940 года германский Комитет по отправке евреев за море, организованный Адольфом Эйхманом, зафрахтовал в Румынии три корабля, на которых 3600 евреев, большинство которых составляли евреи из Германии, Австрии и Чехословакии, были отправлены в сентябре из румынского порта Тулча в Палестину. Но эти корабли с нелегальными еврейскими беженцами были перехвачены британским флотом, и пассажиры были переведены на четвертый корабль, «Патриа», для транспортировки на остров Маврикий, где они должны были быть интернированы вместе с другими нелегальными иммигрантами-евреями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.